

ЕЛЕНА МОИСЕЕВА

ФИЛОТИЯ
ЗАВТРА НЕ НАСТУПИТ
&
МОЕ ИМЯ - ВЕНДЕТТА!
КРИМИНАЛЬНАЯ МЕЛОДРАМА

Елена Моисеева

**Завтра не наступит. Мое
имя – Вендетта! Дилогия.
Криминальная мелодрама**

«Издательские решения»

Моисеева Е.

Завтра не наступит. Мое имя – Вендетта! Дилогия. Криминальная мелодрама / Е. Моисеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831179-6

Дилогия «Завтра не наступит. Мое имя — Вендетта!» рассказывает о непростой судьбе девушки, выросшей в 90-х годах криминальной России. Потеряв любовь и выйдя замуж за криминального авторитета, она вынуждена учиться жить в страшном и жестоком мире мужчин, подчиняющихся только волчьим законам. Выжить и научиться заново любить, обретя такое долгожданное счастье.

ISBN 978-5-44-831179-6

© Моисеева Е.
© Издательские решения

Содержание

Завтра не наступит	6
Глава 1. Чистилище для души	7
Глава 2. Расплата за грехи	25
Глава 3. Тени будущего	42
Глава 4. Ян.	58
Глава 5. Без права выбора	74
Глава 6. Антон	85
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Завтра не наступит. Мое имя – Вендетта! Дилогия. Криминальная мелодрама

Елена Моисеева

Дизайнер обложки Елена Моисеева

© Елена Моисеева, 2019

© Елена Моисеева, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4483-1179-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Завтра не наступит

Книга первая

От автора P.S.: Героиня не имеет с автором ничего общего, все события вымышлены, либо основаны на событиях, произошедших у людей, чьи имена я не распространяю. Образы героев собирательные. Имя главной героини и автора совпадают только потому, что это первая книга автора и писать от себя таким образом гораздо легче.

«Есть два пути избавить вас от страдания: быстрая смерть
и продолжительная любовь»

Фридрих Ницше

Глава 1. Чистилище для души

Я всегда думала, когда мне исполнится восемнадцать, я все и всегда буду решать сама. По крайней мере, так говорил мой отец, когда мне только стукнуло шестнадцать. В ответ на заявление, что я буду ночевать у подруги. Он так и сказал: «Дождись совершеннолетия, а потом выдвигай условия». Правда понервничать ему пришлось еще до этой знаменательной даты. Я влюбилась бесповоротно и, что не так часто бывает, взаимно. Лешка был старше меня на полгода и к моменту нашего знакомства через шесть месяцев должен был уйти в армию. Я за молодостью лет не особо волновалась по этому поводу. Через месяц нашего знакомства, я уже не могла без него ни есть, ни спать, и даже дышалось мне с трудом. Лешка, как и я, летел ко мне на крыльях и любое свободное время проводил со мной. Мне иногда приходила в голову мысль, что он намного старше меня – для своего возраста он мыслил четко, слажено, по-взрослому. Лешка любил говорить, что его будущее – это финансы. Я верила и во всем с ним соглашалась. Трудно было не согласиться, зная, что его отец начальник финансового отдела крупного процветающего мебельного предприятия. Мой отец тоже был выходцем не из простого народа, и именно поэтому мне не была понятна откровенная неприязнь моего отца к моему парню. По началу, мы с Лешкой по наивности, не иначе, решили, что все дело в моем малом возрасте, что отец попросту боится за мою девичью честь, которая, кстати сказать, была не тронута. Я даже допускала такую мысль, что отец попросту не хочет, чтобы Лешка мешал моей учебе. К слову говоря, до появления Лешки в моей судьбе я все свое сознательное детство училась и весьма в этом преуспела. Как только в нашей стране прошел закон об обучении экстерном – папа сделал все возможное и невозможное, чтобы я попала в эту программу. Мой отец умел добиваться своего и к 15 годам я была студенткой первого курса областного крупного института. Поэтому версий неприязни к моему парню было две. Может отец боится, что я брошу учебу?

Лешка как настоящий мужчина решил поговорить с моим отцом и объяснить, что его намерения, гораздо серьезнее, чем тот предполагает.

Чем закончился тот разговор я так и не узнала. Лешка резко прервал мои расспросы и сказал, что мы прекрасно обойдемся и без родительского благословения. Но проще сказать, чем сделать. Мне по-прежнему было семнадцать и ждать нужно было целый год, для того чтобы расписаться без согласия родителей, вернее сказать именно папы, так как мама всегда и во всем принимала его сторону.

Даже маленькое счастье не может длиться вечно. Я глупо надеялась, что Лешка воспользуется связями своего отца, и армия ему не светит. Ни мои мольбы, ни всякого рода ухищрения не подействовали на Алексея. Он считал, что защищать Родину обязан каждый мужчина, так его воспитал отец. Я почти смирилась с этим фактом и приготовилась ждать. Но условие Леше, я все-таки выдвинула: он должен стать моим до конца, еще до армии. Лешка любил меня, поэтому его сопротивление я сломала за три дня до его проводов. Он был нежным и ласковым, наша любовь была больше похожа на сказку, чем на реальность.

Полгода в «учебке» и мой любимый в отпуске, всего на неделю, половину из которого ушла на дорогу туда и обратно. Мне уже исполнилось восемнадцать, в первый же день отпуска он сделал мне предложение, и мы, не откладывая, написали заявление в местном ЗАГСе. Через три месяца должен был быть еще один отпуск. Но в ночь перед его отъездом обратно, он сказал мне самую страшную новость, которая и сейчас звучит как приговор:

– Меня отправляют в Чечню.

Шел март 1995 года. Три месяца назад президент подписал указ о введении войск на территорию Чечни (приказ Б. Ельцина №2169 «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики» – прим. автора).

Даже мне, девчонке далёкой от войны были известны сводки, которые гоняли по новостным каналам с горячих точек – штурм Грозного только в первый месяц обошелся нашей стране в восемьдесят пять убитых молодых мальчишек, примерно столько же пропало без вести, около сотни попало в плен. А это только один месяц войны.

Я умоляла его на коленях воспользоваться связями его отца, хотя бы для того, чтобы отслужить оставшиеся полтора года здесь, в России.

– Я не буду отсиживаться здесь, когда там гибнут наши.

Он был непреклонен во всем: в своей любви ко мне, в своих ощущениях и в своих взглядах на эту жизнь. Судьба не любит таких людей, и она заставляет их прогибаться под себя, или... Через три месяца я стала счастливой обладательницей диплома о высшем образовании, закончив институт также, как и школу экстерном. А еще через месяц на Лешку пришла похоронка.

Я не помню эти полгода после – как и чем жила, что делала, как вообще выжила и почему. И вот мне почти девятнадцать и ничего не изменилось. Все и всегда решает мой папа.

– Ты поедешь, я сказал! – крикнул отец, в очередном приступе гнева.

Я скрестила руки на груди и неожиданно для себя сдалась.

Собирая в своей комнате какие-то свои пожитки, от слез я просто не видела, что кидаю в сумку, я шумно шмыгала носом, и последний раз кинула взгляд на фотографию любимого. Любимого, который никогда не будет со мной, никогда не будет моим мужем... Интересно, что стало с заявлением в Загсе, которое мы подали в его отпуск? Никогда, потому что война в Чечне, отобрала этот шанс, шанс на счастье, и просто его жизнь...

Я судорожно вдохнула в себя воздух, часто замигала, прогоняя рвущееся из груди очередные рыдания, и, взяв сумку, прошла в коридор, где меня ожидал отец и расстроенная мама.

– Я готова, – сказала я только потому, что нужно говорить, чтобы не расстраивать мать, показать, что я живая, а не хладный труп, не говорящий и не двигающийся как в последние полгода.

– Лена, пойми нас, мы любим тебя, но тебе необходимо уехать... чтобы жить, жить дальше. Ведь ты жива, жизнь продолжается.

Я попыталась улыбнуться, но получилась кривая ухмылка... Почему до сих пор я живу?

– Да, – я подтверждаю все, что они захотят слышать, лишь бы не слушать их наставления о смысле жизни, который для меня исчез.

В уши отдавал стук пульса: после его смерти, мне почему-то казалось, что это бьется его сердце, вместо моего, а мое сердце осталось там, где-то в горах Кавказа. Когда я понимала всю бредовость мысли, я представляла, что не слышу удары своего сердца. Ведь оно не могло быть предателем. Я хотела именно этого, чтобы оно остановилось...

Через несколько часов, я заходила в свою новую квартиру, которую нашли мои родители в городе по соседству от нас. Для отца и это не было проблемой. Я уже давно привыкла, что для моего властного папочки неразрешимых проблем не бывает, бывают только неприятные решения. Город был большим, для меня даже слишком большим, но это даже к лучшему, я спокойно затеряюсь здесь, здесь не будет достающих жалостливых глаз...

Мне не позволили взять ничего, связанное с ним, но я все-таки ухитрилась тайком захватить его первый подарок, банальный, но самый дорогой – маленького плюшевого коричневого мишку, который говорил «я люблю тебя»...

«У меня есть подарок для тебя...» – я слышала его голос до сих пор. Я с усилием вытаскивала себя из воспоминаний, слишком больно. Я позволила все – чтобы они выкинули меня из дома, из города, купили новую, чужую мне квартиру и отняли всю мою жизнь, связанную

с ним. Я позволила это только потому, что у меня не было больше сил сопротивляться их натиску. И по большому счету, мне уже было все равно.

Через неделю я освоилась, нашла работу в небольшой компании по своей профессии дизайнер. Работать я устроилась не потому, что надо было на что-то жить, а потому что нужно было на что-то умирать. Да, именно эта цель крепко засела в моем мозге. В коллективе меня окрестили двумя разными прозвищами: робот и привидение, но мне было все равно. Я просто работала и ни с кем не общалась. Хотя желающих познакомиться со мной, особенно мужского пола, было предостаточно, но интерес пропадал после моих односложных ответов на вопросы и моего не живого в прямом смысле взгляда. В наш век нельзя быть такой. Но нужно ли повторять, что меня это уже не трогало.

Моя коллега по работе, которую звали Вика, была единственной, кто относился ко мне нормально, не считая меня ни роботом, ни привидением. Мы сидели в одном кабинете, наши столы тоже находились рядом. Она единственная с кем я поддерживала разговор.

Заканчивался очередной день, и я с нетерпением ждала, когда же я окажусь в спасительной тишине.

– Может, сходим сегодня куда-нибудь, повеселимся?

Я вздрогнула, сразу даже не поняла, что вопрос адресован мне, настолько разными были полярности – я и веселье.

– Это ты ко мне обращаешься?

– Ну, в общем, да, – у Вики было одно преимущество, которого не было у меня – настойчивость, несмотря ни на что.

– Нет, Вика, извини, у меня другие планы, – сказала я и погрузилась в однообразный мир компьютера.

– Какие планы?! Опять сидеть дома и умирать? – в ее голосе неожиданно прозвучали стальные нотки.

Я уставилась на нее. Ах, да, в один из дней я на автомате рассказала ей про себя, причем все, даже не знаю, как это получилось, наверное, это был один из таких дней, когда молчать уже не можешь и нужен случайный попутчик. Вот таким попутчиком по жизни оказалась Вика.

– Я не прошу меня спасать... Вот черт, – я не могла ее обидеть, слишком добрая, слишком хорошо знаю, что такое боль, – Что ты предлагаешь? – последние слова я даже не сказала, а прошептала, в надежде, что она меня не услышит и отстанет, наконец.

Но она услышала.

– Кафе.

– Однозначно нет.

– Клуб.

– Ты издеваешься!?

– Хорошо, ко мне домой.

Я на секунду призадумалась.

– Ты от меня не отстанешь, да? – я просто желала, чтобы она отвязалась, но не хотела говорить это напрямую.

– Нет, – весело ответила Вика.

– Из всех предложенных вариантов менее болезненным выглядит твой дом.

У Вики на лице было выражение триумфа и ликования, она довольно кивнула головой, и оставшиеся полчаса рабочего дня я в пол уха слушала наши планы на вечер. Я честно говоря, не понимала, с чего она решила записать меня в свои подруги, но и не особо стремилась это понять, плывя по течению.

В первый раз за весь рабочий период, когда стрелки часов подошлись к пяти, конец рабочего дня, я пожалела, что работаю не круглосуточно.

Мы потащились к ее машине, через 15 минут были уже у нее дома. Сначала мы посмотрели какой-то тупой боевик, причем Вика вздыхала и охала каждый раз, когда видела главного героя. Потом мы поели, и она включила какую-то «умопомрачительную», по ее словам, комедию. Через час ее продолжительного хохота, и могу сказать местами хохота специального, у меня разболелась голова, я приготовилась страдать дальше, как над самым ухом у меня кто-то произнес:

– Да, Вика, у тебя точно что-то с головой, ты же видела эту комедию не одну сотню раз? – мужчина, стоявший позади меня, тихо смеялся.

Любая другая на моем месте подпрыгнула бы от неожиданности, я же даже внимания не обратила на вошедшего, не оглянулась и не поздоровалась. Мне было все равно, к черту правила приличия, я не заставляла тащить себя сюда. Зато подпрыгнула Вика.

– Ян, ты же должен был быть на работе? – охнула она и мельком взглянула на меня.

Чувствовалось, что парень с таким редким именем ухмыляется.

– Я, конечно, догадывался, что я надоел тебе до чертиков, но все-таки надеялся, что не до такой степени, – он не уходил, я чувствовала его дыхание надо мной.

– Кстати, это мой брат, – мельком, как о чем-то несущественном сказала мне Вика.

– Извините, девочки, что помешал вашему скромному девичнику, я не специально.

На этом моменте моему терпению пришел конец, я вскочила с дивана и, даже не глядя на пришедшего парня, пролетела в коридор, в спешке обулась и выбежала на улицу. Прекрасно понимаю, как выглядит мое поведение. Но не принужденной беседы не получится. Ох, я не ожидала, что так темно... На заднем плане что-то умоляющим голосом кричала Вика, но я даже не слушала, мне просто стало плохо. Ну, неужели я много прошу, всего лишь тишины и покоя, я не хочу ни с кем разговаривать, ни с кем дружить, я просто не хочу жить.

Тишина сердца моего любимого... Тишина моего сердца...

– Эй, с тобой все в порядке? – похоже парень выбежал за мной. Я так и не оглянулась.

– Да, – буркнула я себе под нос, но он услышал.

– Может тебя подвезти?

– Не думаю.

– Слушай, я же тебя не съем. Пошли хоть чаем напою или кофе?

Я продолжала молчать, хотелось, чтобы он исчез и мой вечер перестал быть похож на балаган в цирке.

– Хм... цианистого калию?

Именно эти слова вывели меня из коматозного состояния, и я посмотрела на него.

Лучше бы я этого не делала. Лучше бы, не поворачиваясь, ушла.

Это не могло быть правдой, но передо мной стоял не Ян, а он, тот, кого я оплакивала уже полгода, только голос был чужим, а все остальное... волосы, улыбка...

Первое, что захотелось сделать, это бросится в его объятия, целовать такое родное лицо и шептать: «Лешенька, любимый!». Когда я закашлялась, то поняла, что забыла дышать.

– Что? – неужели это мой голос, и неужели я еще не в спасительном обмороке.

– Извини, – сказал Ян, – Я просто не знал, как еще до тебя достучаться, вот и брякнул первое, что пришло в голову.

Прямо в точку. Парень, ты экстрасенс.

- Со мной что-то не так? – вдруг спросил он.
- Почему ты спрашиваешь? – я все-таки определенно не узнаю свой голос.
- Ты смотришь на меня как на привидение.

Опять в точку. Только как объяснить незнакомому парню, мистически похожему на мою погибшую любовь, что даже за его призрак я готова пожертвовать своей жизнью? Для начала я опустила глаза вниз. Не смотреть, нельзя, иначе голова идет кругом. Господи, почему ты так похож на него? Я собралась с силами и ответила:

- Это просто у меня мозги набекрень, не обращай внимания.
- Наконец-то у меня хватило сил отвернуться и пойти в сторону остановки.
- Девушка, автобусы в это время не ходят, давай подвезу.

Ага, если я сяду в твою машину, то окончательно свихнусь. Только не это.

– Давай.

Неужели я это сказала? Может, я уже не совсем здорова.

Я сказала свой адрес и сделала вид, что смотрю в окно машины. На самом деле я рассматривала его. Это не могло быть правдой! Это не мог быть он. Но чем больше я рассматривала его, тем больше понимала, что схожу с ума. Я отчаянно цеплялась за здравый рассудок, примечая все несовпадения: голос, манера двигаться. Парень в основном молчал, но тоже поглядывал на меня. Представляю, какое впечатление я произвожу своим поведением! В одно мгновение он пристально посмотрел на меня, и я увидела еще одно отличие: глаза, у него глаза другого цвета. У Лешки были голубые глаза, а у Яна они золотисто карие. Слава Богу! Я не сошла с ума. Или уже сошла, потому что мозг отказывался адекватно воспринимать информацию – предо мной сидел Лешка.

- Так и будешь молчать? – спросил он, не отрывая глаз от ночной дороги.
- Меня Лена зовут.
- Ну, слава Богу, а то я подумал, что ты меня испугалась, – парень явно не шутил, это я определила по его вздоху облегчения. Так вот какое было его впечатление обо мне.
- Просто я не способна сейчас на общение, – тихо произнесла я.
- Личная драма? – поинтересовался он.

Да, кто ты такой, черт тебя подери, что так умело вторгаешься в мою душу! Может я сплю или я попала в параллельный мир, где Лешка вовсе не Лешка, и он жив и здоров?

Видно мой мысленный вопль был слишком громким, потому что Ян неловко извинился, и в машине снова наступила тишина.

Когда мы подъехали к моему дому, он неожиданно приблизил ко мне свое лицо и на одном дыхании выпалил:

– А ты красивая.

Это было слишком для моего изнуренного мозга, сознание начало куда-то уплывать, его лицо превратилось в смазанную маску... Я видела Лешку, любимого, единственного Алешеньку, с его мягкой, все понимающей, улыбкой.

Я не знаю, сколько прошло времени, но очнулась я от медленного осознания, что парень напротив меня не Алексей, и что я до сих пор сижу в его машине и мой взгляд, да и общий вид, оставляют желать лучшего.

Ян был растерян, и я его понимала, но что я могла сделать!

– Прости, – пискнула я и неожиданно разрыдалась, прекрасно понимая, что окончательно и бесповоротно закрепила за собой репутацию сумасшедшей.

– Так, – протянул Ян, – Все понятно, ты не в состоянии адекватно реагировать, да? Что я не так сделал, а?

Я не ответила, ну, что я могу сказать? Я вышла из машины и бегом поднялась к себе в квартиру.

Сон, в который я погрузилась, был тяжелым. Где-то к четырем утра у меня поднялась температура и я поняла, что я не работник. В восемь я позвонила на работу, а потом к врачу. Я была рада быть дома. Не нужно будет ничего объяснять любопытной Вике, да и общаться с людьми сейчас хотелось меньше всего. Может через пару дней я забуду, что существует его двойник. Я тут же усмехнулась абсурдной мысли – мне этого не забыть.

Я включила телевизор, впервые за время моего пребывания здесь. Родители вообще оснастили мою квартиру все необходимым, наверняка думая, что решение бытовых проблем облегчит мне жизнь – они ошиблись. Я автоматически щелкала каналы, стараясь ни о чем не думать.

Через час моего унылого времяпровождения раздался звонок в дверь.

Я, наскоро накинув халат на сорочку, которую я опять напялила после душа, пошла открывать.

В дверях стоял Ян. При дневном свете я увидела еще одно отличие: парень был несколько крупнее Лешки. Сумасшествие во мне крепло. Я же ушла, почему ты преследуешь меня?

Наверное, моя челюсть валялась где-то на полу, так как парень смущенно улыбнулся и начал перетаптываться с ноги на ногу.

Я очнулась.

– Проходи.

Зачем я его пригласила? Зачем растягиваю себе адовы муки? На что надеюсь?

Мы прошли в зал, я уселась на диван, а Ян продолжал стоять.

– Прости меня за вчерашнюю настырность, – услышала я его голос, – Мне Вика вчера все рассказала, когда я приехал, я сожалею...

Что-о-о?! Да как она могла! Я же не просила!

Меня прорвало, моя боль, обида, гнев и что-то, наверное, еще, что искало выхода уже полгода, дали о себе знать.

– Рассказала?!? – я вскочила с дивана, – ЧТО она могла тебе рассказать! Она могла рассказать тебе про боль и отчаянье? Или быть может она смогла рассказать тебе про мои сны, где он все еще жив? Или про, то, что я НЕ ХОЧУ ЖИТЬ!

Или про то, что ты чертовски на него похож!

Этого я не сказала, мое дыхание перехватило, я плюхнулась на диван и закрыла лицо руками. У меня не было сил даже плакать, руки мелко подрагивали.

– Я понимаю, – с болью в голосе произнес Ян, именно эта боль в его голосе заставила меня посмотреть на него, не может быть, что он так сопереживает.

Мне хотелось зарычать, завывать, убить его в этот момент, а еще спросить, ЧТО он понимает. Друзья Лешки тоже сочувственно говорили те же слова, а сами в этот момент отводили взгляд, благодаря небесные силы, что не они оказались в цинковом гробу.

– Я был там, – продолжал Ян, – Извини, но я вернулся живой, зато оставил там много друзей...

Первое, что подумала: сумасшествие прогрессирует. Наверное, нет никакого Яна, и все это мне кажется, ведь не бывает таких совпадений!

Но глядя на него, мне захотелось чем-нибудь себя стукнуть за свой язык и за умение все усугублять. Я ненормальная, да. Он тут причем?

Ян не смотрел на меня, но я чувствовала, как ему трудно говорить.

– Прости. Я не знала, я...

– Все в порядке. Я пережил это, и теперь хочу помочь тебе.

Я аж подпрыгнула. Только психолога в его лице мне не хватало!

– Нет! – выдохнула я со всей силой.

Ян ринулся ко мне через всю комнату и схватил меня за руки.

– Позволь мне помочь тебе.

– Нет, – снова произнесла я.

– Мне это тоже нужно, быть кому-то нужным, – и посмотрел на меня пристально и в тоже время как-то просительно. Эти слова дались ему очень нелегко. А мне... Я уже повязла, отпустить его я уже не могла, искушение видеть образ Лешки рядом со мной было сильным, мучительным, хоть и приносило боль.

Я сдалась, плюнула на приличия, на хоть какое-то ни было благоразумие. И как результат – почти два часа я прорыдала на плече у Яна, а он крепко обнимал меня, как раз то, чего мне так не хватало в эти полгода.

Наверное, я уснула. Потому что единственное, что я помню так это руки Яна, укрывающие меня пледом и его глаза, нежно на меня смотрящие. Он все понимал, все кроме одного, что я вижу в нем совершенно другого человека.

Прошло три месяца, а Ян практически не отходил от меня. Мы разговаривали и разговаривали... Мне казалось, что он знает обо мне уже все, что только можно знать. Каким-то непостижимым для меня образом, мой словесный поток не истекал, я то смеялась, то плакала. Полгода молчания и хаоса в моей душе не прошли гладко.

Ян уходил вечером и возвращался утром. Мы ни о чем не договаривались, он просто понимал, что в этот момент мне нужен близкий человек рядом. А я с горечью осознавала, почему именно его подпустила к себе. Но ничего не могла с собой поделать.

Четвертый месяц жизни в чужом городе для меня был как озарение, я очнулась от мерзкого непроглядного сна, я начала видеть, слышать и осознавать все острее, ярче, я перестала прятаться от боли. Я подпустила ее к себе. Иначе я просто умру и мой призрак уже никогда не явится мне там, за непроглядной тьмой. Пора все-таки заинтересоваться, кто же такой Ян на самом деле.

В десять он был у меня.

– Здравствуй, – просто сказал мне он и проследовал на кухню с пакетом продуктов. Как-то не заметно за эти три месяца Ян взял на себя заботу о моем питании.

Он что-то там напевал себе на кухне, я решила спросить:

– Ян, извини, что не поинтересовалась раньше, но кем ты работаешь?

Подозрительная тишина заставила меня подняться и проследовать на кухню.

Ян стоял бледный, однако, заметив мое присутствие, весело улыбнулся. Уж слишком весело.

– Я уволился, чтобы все дни проводить только с тобой, – это было настолько явной ложью, даже для меня.

– Брось, Вика говорит, что ты только и пропадал на работе целыми днями.

Что-то щелкнуло у меня в голове и, почему-то, вспомнилась одна история, про девушку, которая впустила парня в дом, а он оттуда все вынес. Но Ян не похож на вора.

– Ян, кто ты?

Он резко повернулся ко мне, его взгляд был настолько холодным, что я невольно охнула. Неужели, я попала в точку? Да, нет, не может этого быть.

– Я человек, который выводит тебя из транса, – отчеканил он. Почему так грубо? Я что задала интимный вопрос? Бред какой-то.

Что-то неуловимо знакомое было в его облике. Я не говорю про сногшибательное сходство с Алексеем, было что-то такое... И тут меня осенило. Ну, конечно же! Кожаная черная куртка, стрижка чуть короче, чем надо бы, настороженная походка и «золотая цепь на дубе том». Как ни странно, ужаса я не испытала, и вопрос задала почти легко и непринужденно.

– Ян, ты бандит?

В его глазах что-то промелькнуло, на лице появилась ухмылка.

– А если да, то, что прогонишь?

– Не думаю, что это поможет мне, – пробубнила я под нос, – Уже поздно, – но он услышал.

Парень явно обладал музыкальным слухом.

В следующую минуту он мельком улыбнулся и произнес:

– Так как истина вечно уходит из рук, не пытайся понять непонятное, друг... Омар Хайям, – зачем-то пояснил он.

Теперь настал черед ухмыляться мне:

– То есть так ты отвечаешь на мой вопрос – я тупая девка и не понимаю, что ты убийца.

Ян от чего-то дернулся, подлетел ко мне и обнял.

– Прости, я не хотел тебя пугать.

– К сожалению, я тебя не боюсь, – сказала я, вдыхая аромат его туалетной воды, – И мне все равно кто ты.

Он осторожно отодвинул меня от себя и посмотрел в глаза.

– Как это?

Я пожала плечами. В самом деле, как объяснить скорее себе, чем ему, что мне действительно все равно. Как я ни пыталась спуститься на эту грешную землю и рассуждать здраво, все равно видела перед собой Лешку, живого, которого можно видеть, обнимать. А за это можно отдать многое. За это можно понять и простить многое, хоть все это и смахивает на сумасшествие. Просто кто не терял – не поймет.

Мы с минуту смотрели друг другу в глаза. Я не знаю, что произошло в следующий момент, но он начал иступленно меня целовать, а я... ответила, для меня самой это было полной неожиданностью, тело предавало меня, ну а душа, душа вспомнила другого, да и не забывала никогда.

– Лешка... – прошептала я и тут же ужаснулась.

Ян отскочил от меня как ошпаренный.

– Прости, Ян, я сама не знаю, как... – мне было до безумия стыдно и страшно, но Ян прервал меня.

– Я сам виноват, это ты меня прости, больше такого не повторится, – он резко отвернулся от меня и начал суетно разбирать пакеты с продуктами.

Самое странное, что я хотела, чтобы это повторилось... Куда же меня несет? Сколько еще я смогу удерживать утопию в своей душе?

Я стояла и не знала, что сказать и что сделать, а он проследовал в коридор, с явным намерением уйти.

– Не уходи, пожалуйста...

– Я не уверен, что нужен тебе теперь, – и усмехнулся, – Ты будешь в порядке.

– Нет! – я почему-то чувствовала, что если он сейчас уйдет, то больше я его не увижу. Это самое разумное – отпустить его, тем самым излечиться от агонии, которая преследует меня все эти дни. Перестать утешать себя и понять, наконец, что Ян тоже человек, что он не заменит мне Алексея. Но он оставался тем единственным человеком, которого я хотела бы видеть.

Ян пристально посмотрел на меня, в его глазах было сомнение и что-то такое очень похожее на боль. Я обидела его.

– Ты нужен мне, Ян, не уходи, пожалуйста, не оставляй меня, – молила я, не замечая, как по моим щекам текут слезы. Мне было жаль его, ведь я понимаю, что играю с жизнью другого живого человека, но ничего с собой поделать не могла. Ян не выдержал моих слез.

Он взял мое лицо в руки и нежно, губами, собрал все крупички соленой воды.

– Я не брошу тебя, пока ты хочешь, чтобы я был рядом.

И я понимала, что он нянчится со мной не просто так, что его отношение ко мне переросло в нечто большее, чем просто помощь.

Был уже глубокий вечер, Ян рассказывал мне о своих родителях, о своем детстве, о Вике, тему, касающуюся его настоящего, мы теперь не затрагивали. Я опять уснула, не заметив, как, но на этот раз он обнимал меня.

Я проснулась от собственного крика, в слезах. Ян был рядом, он прижимал меня к себе, гладил по голове, как маленькую девочку.

– Все, все, успокойся это просто сон, успокойся девочка моя, любимая...

На этом слове я окончательно проснулась.

– Ян, – произнесла я сонным голосом, – Повтори, что ты сказал.

Я почувствовала, как он напрягся, но не отпустил меня.

Минута тишины, вздох и слова:

– Я люблю тебя, – и снова тишина, даже дыхания его не слышно.

– Ян...

– Молчи, я знаю, слишком рано, мне ничего не надо, просто хочу быть рядом.

Как, как я подпустила его так близко, что теперь мне все сложнее и сложнее не воспринимать его самого?

На утро я гадала, не приснилось ли мне все это? Его рядом не было, а на прикроватной тумбочке лежала записка. Я минут пять смотрела на нее, не решаясь взять.

Все-таки взяла ее и начала читать:

«Теперь ты знаешь, как я к тебе отношусь, надеюсь, это не оттолкнет тебя, я ничего не требую, я не исчез, у меня дела. Я вернусь».

Я вернусь... Я, уже слышала эти слова однажды, их произносил другой человек, перед отправкой в Чечню. Он не вернулся...

Боль снова заслонила все мои чувства, но теперь это была другая боль. Больше страх, что и на этот раз меня жестоко обманут.

Что же я чувствую к нему на самом деле?

Я попыталась представить Яна, но он сливался у меня с образом того, другого, на кого был нещадно похож...

Ян вернулся через три дня. Под конец третьего дня я думала, что схожу с ума. Нет, все-таки знать, чем он занимается, это хуже некуда. Я представляла себе все, на что была способна моя фантазия. А она была способна на всякие ужасы. Поэтому, когда Ян зашел в мою квартиру, цветом я была с простыню на моей постели – белого, руки мелко дрожали, да и устала я бороться с собой, так и не определившись до конца кто же он для меня. Я смотрела на него,

пытаясь увидеть его самого, а не моего призрака, и как ни странно, с каждым днем мне все больше и больше это удавалось.

– Ты чего?

– Ничего, все в порядке, – я тихо вздохнула и двинулась в сторону кухни.

Ян остановил меня на полпути, а я посмотрела на него... Да-а-а, видимо, по моему лицу можно было прочесть все, о чем я только что думала. Если бы он знал! Его глаза сузились, на губах играла недобрая улыбка. Я совсем забыла о его... мм... профессии, которая несет за собой шлейфом подозрительность и недоверие.

– Никогда. Мне. Не. Лги, – сказал он четко, выделяя каждое слово.

– Боже, Ян, – взмолилась я, – Зачем так остро реагировать? Я просто переживала за тебя, но не стала об этом распространяться!

Уже я смотрела на него сердито, для пущей важности я скрестила руки на груди.

Ян сразу потеплел и поцеловал меня в лоб. Ха, слава Богу, сюсюкаться со мной не стал, как с ребенком. Мне неожиданно стало весело. Агония отпускала, я все больше и больше осознавала то, что вижу перед собой живого человека.

– Лен, ну ты чего? Меня всего- то три дня не было, – оправдывался он, а лицо довольное до безобразия.

– Ага, и телефоны на планете перестали работать, их отключил робот маньяк, решивший захватить мир!

Ян расхохотался.

– Не пойму у тебя богатая фантазия или больная? – спросил он, еще смеясь. Дальше дело пошло еще веселее, так как ему пришлось изворачиваться от моего тапка. Минут 15 мы носились по квартире с писком и визгом, если совсем честно, то пицала и повизгивала только я. Вконец измученная, я упала на диван, пытаюсь привести сбившееся дыхание в порядок. Ян улыбался и смотрел на меня.

– Не хочешь поговорить? – неожиданно спросил он.

– О чем? – что-то не понравился мне этот вопрос.

– О том, что произошло ночью? – взгляд, направленный на меня, моментально стал напряженным.

– А что произошло ночью? – сделала я удивленный вид.

– Лена, – предупреждающе сказал он.

– Ян, – я пыталась подобрать слова, – Что ты хочешь от меня услышать?

Он нервно зашагал по комнате.

– Я вижу, что ты не равнодушна ко мне, я же не слепой...

Я, наверно, повторяюсь, но ты парень экстрасенс. Почему нельзя держать дистанцию? Если бы ты понимал, если я займусь любовью с тобой, то видеть буду совершенно другого человека.

– Но ты не позволяешь себе быть просто счастливой, а заодно мучаешь меня, – продолжал он.

Ага, давай поиграем в психоаналитика.

– Ты хоть понимаешь, что это неправильно? – прервала я поток его слов.

Он остановился и, наконец-то, посмотрел на меня.

– Что неправильно?

– То, что я к тебе хоть что-то чувствую, – сказанное было правдой, я окончательно запуталась в самой себе.

Он засветился, хоть прикуривай от него.

– Ян, у меня парень погиб! Девять месяцев назад, понимаешь? Я не должна... – у меня кончились слова, я просто не знала, что сказать, а еще я была зла, на себя, на него за то, что он затеял весь этот разговор.

– Будешь дальше себя хоронить? – с издевкой спросил он.

Все. Как он мог? Неужели не понимает, что пару месяцев с ним не уберут из памяти мою первую любовь, так трагически завершившуюся.

Волна гнева захлестнула меня с головой.

– Кто ты такой, чтобы говорить мне, что можно делать, а что нельзя, что чувствовать, а что нет?! Ты что бесчувственный чурбан? Не понимаешь, что ни о ком кроме него я сейчас думать не могу? Ты жив, да, но я умерла вместе с ним морально! Понятно тебе это или нет?! Мне не нужна ничья любовь!

– Понятно.

Вот тут-то я и увидела, его лицо, посеревшее, то ли от ярости, то ли от безысходности и поняла, что натворила. Нет, мы бабы дуры не потому, что мы дуры, а потому, что мы бабы. Нобелевскую премию бы дала тому, кто об этом первым догадался. Ведь могла же объяснить все мягче, не причиняя боли.

И он ушел.

Прошли недели, его не было. Я то злилась на него, то на себя за сказанное. Но все попытки что-то изменить, хоть как-то увидеться с ним не увенчались успехом. Вика молчала, пару раз приходила ко мне в гости и даже не намекнула где ее брат.

Я потихоньку сходила с ума. Может мне действительно нельзя жить? Я ведь причиняю людям боль, я же плохая. Я использовала его без зазрения совести. Но почему, почему он так похож...

– Перестань заниматься самобичеванием, – сказала Вика, глядя на меня. Мы сидели на работе и с моего лица не сходило виноватое выражение.

Я вздрогнула.

У вас это родственное мысли мои читать?

– А что ты предлагаешь? – тихо вздохнула я.

– Уж я не знаю, что между вами там произошло, он же молчит, слово из него не вытянешь, только по эмоциям и догадываешься.

Я смотрела на нее измученным взглядом.

– Ох, да ну не знаю я, где он! После тебя в тот день приехал, ходил злой как черт, заперся в комнате, звонил кому-то...

– Кому? – тут же спросила я.

– Да откуда ж я знаю! На звонки два дня не отвечает. У него же есть своя квартира, так он и в ней не появляется. Я сама уже начала волноваться.

– А ты говоришь, что я самобичеванием занимаюсь, – почти шепотом сказала я, – Да, меня убить мало!

Вика замешкалась, посмотрела на меня как-то неприязненно.

– Ладно, – с каким-то упрямством произнесла она, – Не все так просто, это правда.

Я, наверное, разучилась дышать...

– В тот день, когда он приехал, я ему ничего не сказала, не знала, как самой на это все реагировать, но, когда он вернется, я ему все расскажу, не хочу, чтобы ты и дальше так ловко им крутила.

Я совсем перестала, что-либо понимать. Вика взорвалась.

– Лен, признайся, ты его использовала?

– С чего ты взяла?! – я тоже перешла на крик.

– Когда я последний раз приходила к тебе в гости, то уж извини, случайно наткнулась на старую газету с заметкой о гибели твоего парня Алексея, которую ты хранишь. И все бы ничего, мы никогда бы не узнали правды, если бы твой парень не оказался сыном какого-то начальника в твоём родном городе, поэтому некролог был основательным и с цветной фотографией. Я, когда увидела ее, глазам своим не поверила – насколько он и мой брат похожи. Общаясь с Яном, ты общаешься на самом деле не с ним, да? А со своим Лешкой. Интересные у тебя игры, подруга.

Внутри у меня все похолодело. Как же я так вляпалась? И как мне теперь объяснить им двоим, что я... Что? Использовала, но не специально, не осознанно?

– Ну, что ты молчишь! – закричала она на меня.

– Вик, я не... Ты должна мне поверить! Я не хотела причинять Яну боль...

– Но причинила, и пока ваши отношения не зашли слишком далеко, я все ему расскажу.

Вика больше со мной не заговаривала, принципиально, но и это было еще не все. Судьба подготовила для меня еще один удар, аховый, на всю жизнь. Проходя комиссию на работе, мы сдавали анализы на разные заболевания, мне поставили бесплодие. У меня никогда не будет детей.

Несколько дней я ждала его и медленно готовилась к смерти. Вика не промолчит, я бы не стала молчать. К смерти, потому что знала, что он меня точно убьет, а если не убьет, то мне же хуже – я останусь жить и без него, и без образа Алексея.

«Никогда мне не лги» – я помнила его слова. Интересно, а факт сокрытия информации является ложью? Для него, думаю, да.

В двенадцать часов ночи он пришел, открыл дверь сам, непонятно только кто дал ему ключи. Мне не нужно было включать свет, для того чтобы увидеть насколько он зол. Все, что я видела до этого и считала злостью, ни в какое сравнение не шло с тем, что я увидела сейчас. Я натянула одеяло себе до подбородка, хотя вряд ли мне это поможет.

– Почему? – его голос звенел от ярости.

Я молчала и пыталась вспомнить хоть одну молитву, прежде чем отправиться к праотцу.

– Почему, ты ничего мне не сказала?! – он заорал на меня так, что я вжалась в диван, мне не было страшно за себя, мне было больно за нас обоих.

– А как ты себе это представляешь?! «Ян ты чертовски похож на моего погибшего парня»? – пропищала я и разревелась.

– Ты с самого начала принимала меня за него, – казалось, что он разговаривает сам с собой, – Даже когда я целовал тебя, ты шептала его имя.

Он кинулся ко мне и начал меня трясти.

– Я что игрушка?!? За что ты со мной так?!? Почему не сказала сразу?

Какой-то ком в горле встал и мешал мне говорить.

– Пойми ты, наконец, он умер, а я живой! Чувствуешь разницу? Я чувствую, он – нет!

– Кто я для тебя, – продолжал Ян, – Его призрак?

Правдивость его слов не подвергалась сомнению, ответ на его вопрос можно легко было прочитать на моем лице.

– Убью!!! – я зажмурилась, ожидая удара, но его не последовало. Услышав, как зеркало разбилось вдребезги, я открыла глаза и ужаснулась – повсюду валялись осколки, а его рука была в крови. Я хотела подойти к нему. Но он отшатнулся от меня, как от прокаженной.

– Не подходи ко мне, а то ведь действительно убью, – прошипел он, – Я не хочу тебя больше не видеть, не слышать.

Он ушел, уже во второй раз. Но на этот раз, по-моему, навсегда. Что, собственно, теперь меня задерживает здесь? Минуту назад я боялась смерти, все-таки боялась, сейчас мне кажется это идеальным выходом. Выходом с этого света. На самоубийство я неспособна, значит, есть только один путь. Найти того, кто сможет мне помочь. Полгода я жила как манекен, и желала только одного, почему я вдруг решила, что игра с призракoм сможет помочь мне? Пора прекращать эту дурацкую пародию на жизнь.

На следующее утро, когда я проснулась, в голове сформировался вполне конкретный план. Впервые за полгода мое нежелание жить сформировалось в конкретное желание умереть. Но самоубийство не мой конек, я – трусиха. Но кто мешает мне найти убийцу для себя?

Первым делом я пришла на работу и написала заявление об уходе. Теперь у меня была уйма свободного времени, чтобы превратить свой замысел в действие.

Вечером, основательно накрасившись и надев самое короткое платье, которое у меня было, я отправилась в ночной клуб, где по слухам обитали самые отвязные парни. Фигурой я вышла, что надо, да и лицом Бог не обидел, ну а уж ноги, да в мини, это просто закачаешься.

Села я у барной стойки, заказала мартини, и начала оглядывать зал. Контингент был тот еще. В здравом уме я бы и на километр к этому месту не приблизилась. У меня даже возникла такая мысль, как убежать отсюда. Но здравый смысл посетил меня на секунду, и то только для того, чтобы помахать мне ручкой, и я осталась. Меня не заставили долго ждать. Ко мне двинулся рослый парень, с шикарной шевелюрой. Вот интересно, кто бандитам дал такую моду, как лысая голова? Этот вот не остриженный, и выглядит более культурно.

– Угостить чем-нибудь?

Ни тебе «здрас-те», ни давайте познакомимся...

– Много не пью, спасибо.

Наверно, парню давно так не отвечали, удивление в глазах было неподдельным.

– Ты не здешняя, – это был даже не вопрос, а утверждение.

– Угу, – подтвердила я, даже не посмотрев в его сторону. Парня это задело, но не так, как бы хотелось мне. Размечталась, не хочешь сама придется ждать! Он усмехнулся и представился:

– Я – Антон. А тебя как зовут?

Ни такие уж они и кровожадные, эти бандиты, а жаль, все было бы проще.

– Я – Лена.

– И как же тебя сюда занесло? Ты разве не знаешь, что сюда ходят нехорошие дяди?

– Ничего переживу.

Новый знакомый явно был удивлен моим тоном разговора.

Дальше беседа потекла плавно, и уже через час Антон по – хозяйски обнимал меня за талию и рычал на всех при первом их приближении ко мне. Я дала ему на это полное право. Я мило улыбалась, и еще через час попросила Антона отвезти меня домой. Тот еще раз удивился, но в машине начал приставать, это в мои планы не входило, и я брякнула первое, что пришло в голову:

– Пожалуйста, Антон, не надо, я еще девственница, – и для убедительности заревела.

После такого ответа Антон целовал мне руки и, по-моему, был безумно счастлив, сохранить мою девственность до скончания моего века, а вернее сказать до нашей свадьбы, что в принципе для меня одно и то же.

Ну, что ж первый блин комом, не удалось нарваться на крупные неприятности сразу, значит потом. Где-то с час я продумывала все возможные варианты развития моих отношений с Антоном, только пока было непонятно, что нужно сделать для того, чтобы он меня просто убил, а не отдал своим головорезам на расправу. Да и затея играть с ним девочку была просто для меня ужасна. А то, чего доброго влюбиться парень и не захочет впоследствии меня убивать.

Куда проще, конечно, заказать киллера, но не было ни денег, ни нужных на то знакомств. Конечно, вести себя подобным образом полный бред, но выбора не было.

Утро наступило неожиданно. Я проснулась от надоедливого звонка в дверь. На пороге стоял Антон, в светлой рубашке, таких же брюках, чисто выбритый. Ну, прямо рыцарь в сверкающих доспехах. И откуда ж ты такой взялся на мою голову.

– Кажется, я тебя не приглашала, – проворчала я сонно.

Антон ухмыльнулся, похоже, ухмылка его фирменный знак.

– А я не нуждаюсь в приглашении. Чем сегодня думаешь заниматься? – поинтересовался он, захлопнув входную дверь и проходя в квартиру.

– Я так думаю, ты меня куда-нибудь пригласишь.

– Ну и наглая! – возмутился Антон, хотя по всему было видно – моя инициатива ему понравилась.

– Ты же не просто пришел. Ни свет, ни заря... – я протопала в ванну.

Антон что-то там еще бубнил за дверью, пока я принимала душ и думала, что же придумать, чтобы приблизить задуманное.

– Я же не железный, – услышала я, выходя из ванны.

– Конечно, нет, – подтвердила я, хотя и слова из его монолога не слышала, прекрасно догадываясь, о чем он. Вчера, услышав о моей, якобы, невинности, он решил поиграть в рыцаря и сделал мне предложение, причем мой ответ его совершенно не интересовал.

– Ну, и что же ты думаешь? – Антон пристально посмотрел на меня.

– Тошь, давай подождем, а? Ну, пожалуйста, – игра в девственницу меня втягивала.

Антон потеплел, чуть ли не растекся, как масло и заключил меня в свои медвежьи объятия. Этот момент можно было бы назвать романтическим, если бы Антон не начал мне нашептывать на ушко нежности, как он, наверное, думал, половину которых нормальная девушка не то, что произнести не смогла, стыдно подумать было бы.

Я была нормальной девушкой, поэтому, когда Антон закончил, цвет моего лица оставлял желать лучшего, свекла бы мне позавидовала. Антон все списал на мою невинность. Почему-то, когда дело доходило до девственности, у него аж руки начинали дрожать, парень просто благоговел надо мной. Интересно, что будет, если сейчас ему сказать, что я его обманула? Что он у меня далеко не первый, но уж точно последний. Я даже улыбнулась, представляя его реакцию. Антон, естественно, принял это на свой счет.

– Куда путь держим? – спросила я его уже в машине. Машина надо сказать шикарная. Иномарка, что для нашего провинциального города редкость.

– Везу тебя знакомиться, – просто ответил он.

Я раза два нервно моргнула.

– С кем это?

– С друзьями, – сказал он и посмотрел на меня. Наверное, вид у меня был испуганный, потому что он тут же начал меня успокаивать.

– Не бойся, не съедят же они тебя, в конце концов.

– Может, и съедят, – больше для себя, чем для него произнесла я.

Он засмеялся и посмотрел на меня влюбленными глазами.

– Я не позволю.

Что-то быстро развиваются события, но оно мне только на руку. Дальше мы ехали в тишине. Что-то переставала мне нравиться эта затея. Слишком быстро Антон начинал ко мне привязываться. Да, и что я монстр, ну бандит парень, но человек же. А людям боль я причинять совсем не хотела. Но на попятную идти, это значит провал. Убить не убьет, покалечит, а мне нужен только летальный исход.

Как я и думала, дом друзей, а вернее сказать дача находилась за городом. Ничего оригинального. Когда мы вошли в дом, у меня потихоньку начала отваливаться челюсть. Не от обстановки в доме, этим меня вряд ли удивишь, а от количества народу в нем.

«Друзей» было человек пятнадцать. И все как один уставились на меня, ну и уже потом обратили внимание на Антона. Слава Богу, у меня хватило мозгов, одеться поскромнее, неприятно, когда на тебя пялятся такое количество народа.

– Синица! Здорово. Давно тебя не видели, – так я узнала о существовании клички Антона, пока они подходили и дружески хлопали друг друга по плечу. Антон представил меня и начал представлять своих друзей. От количества кличек у меня голова закружилась. Зоопарк какой-то: тут тебе и Кабанчик, и Лев (я так полагаю это имя?), и даже свой персональный Маугли есть. По любому выходило, Антон привез меня на смотрины, он как бы заявлял свои права на меня – «вот моя девушка, она моя и ничья больше». Только возникал вопрос: почему он показал меня своим друзьям, а не родителям?

Я отбросила страхи и начала общаться. Вела – то я себя, конечно, скромно, дабы не раздражать моего вездесущего надсмотрщика, но было видно, что кое-кто из этой компании мной заинтересовался не на шутку. А это можно было использовать. Интересно Антон способен убить в порыве ревности? Ближе к вечеру вся наша компания собралась в ресторан. Там мы гуляли до полуночи. Я уже порядком устала, и, на мое удивление, Антон проявил заботу, распрощавшись со всеми, на что ушло еще полчаса, он поднял меня на руки, под улюлюканье толпы – парень однозначно любил эффекты. Я решила выразить свое неодобрение:

– Антон, я что маленькая? Сама дойти не могу?

– Для меня да, – он чему-то загадочно улыбался.

Еще один, подумалось мне, мне до жути хотелось реветь, потому что весь вечер я вспоминала не рано ушедшего Лешку, а Яна, мне не хватало его. Сидя в машине у Антона, слушая музыку, я поняла только одно: я все испортила сама. Мое чувство к Яну было больше, чем напоминание о погибшем парне, он вытащил меня из болота боли, куда я с такой охотой ныряла, он был со мной, терпел мои слезы и плохое настроение, а я продолжала цепляться за свою боль, испугавшись, что смогу жить после смерти Алексея, и жить счастливо. Ян пытался достучаться до меня, а я не захотела слушать. Теперь он меня ненавидит, а я как никогда близка к смерти.

Неровными шагами я зашла в собственную квартиру. От осознания того, насколько я невероятная идиотка, мне стало плохо, а когда к этому приплелось еще и чувство вины за использование Антона, я тихо начала ненавидеть саму себя. Антон стоял и смотрел, как я, поджав ноги, сижу на диване и смотрю не видящим взглядом. Он вдруг стал серьезен. Почему-то мне показалось, что для него вся эта ситуация представляется гораздо серьезней, нежели мне. Как к этому можно относиться серьезно, если ты знаком всего лишь сутки?

– Тебе плохо? – раздался его голос.

– Да, мне плохо, – я не стала кривить душой.

– Это я виноват? Тебя напугали мои друзья?

Еще один с комплексом вины.

– Ты знаешь, они немного жутковатые, – пока я продолжала быть откровенной.

– А я?

Я не смотрела на него, но чувствовала, что он задал свой главный вопрос.

– Нет.

Вздых облегчения или я ослышалась?

– Я останусь у тебя сегодня.

Ничего себе, он даже не спрашивает!

– Антон, мы вроде бы договаривались?

– Я не нарушу обещание.

Что мне оставалось делать? Я постелила ему в другой комнате. Антон усмехнулся, и ушел спать, бурча себе под нос что-то о старомодных взглядах.

Я лежала и думала, куда же меня все это приведет, и не сделаю ли я еще одного человека несчастным... Что я делаю? Зачем играю чувствами других людей?

– Я так хочу тебя, – шептал Ян, и почему-то грубо целовал, его рука соскользнула вниз, мое сердце билось где-то у горла.

– Тебе не будет больно, я клянусь.

Больно? Почему...

Проснулась я резко. Придавив меня к дивану, Антон срывал с меня одежду, я попыталась оттолкнуть его. Черт, я была согласна на смерть, а не на изнасилование!

– Тошка, не надо, пожалуйста, – мой голос был испуганным, я действительно испугалась.

– Я обещаю тебе, все будет хорошо, тебе не будет больно, милая, – бормотал он, продолжая пытаться меня раздеть. Тут нужно было что-то посуущественнее моего испуганного голоса, и я нашла это существенное, прямо у себя на полу.

Когда пустая бутылка из-под мартини, разбилась об его голову, он просто рухнул. Первым делом, я проверила пульс – живой. Слава Богу, не убила. Я села и начала ждать: когда он очнется, мне не поздоровится. Дурацкая ситуация, в которой он виноват сам – нечего было так напиваться и лезть к спящей девушке.

Очнулся он только под утро, стоная от боли в голове, я молчала и смотрела на него. Он посмотрел на разбитую бутылку, осколки которой я даже не потрудились убрать, потом на меня, я видела, что он все вспомнил. Я вздохнула и приготовилась.

– Молодец, Ленка!

Я ошарашена на него уставилась.

– Прости меня, лапонька, – заискивающе заглядывая мне в глаза произнес Антон, – Перебрал вчера. Приставать начал, да?

Я коротко кивнула, пытаясь привести саму себя в чувство. Это ж надо! Ему съездили по башке, а он вместо того, чтобы орать и угрожать смертельными пытками, как заправскому бандиту, прощение просит.

– Уйди, пожалуйста, Антон, – решила я обидеться на всякий случай, дабы уверить его в своей любви, и мне действительно захотелось побыть одной.

– Прости меня, я не хотел так... – тихо начал он. Я видела, что «прости» он произносит второй раз в жизни. Я собрала всю свою волю в кулак, чувствуя себя при этом последней дрянью. Но пора начинать вторую часть «марлезонского балета».

– Мне не нужны такие отношения, Антон.

Его брови в удивлении поползли вверх, он весь собрался, как зверь перед прыжком, и, не отводя от меня взгляда, зло спросил:

– Ты думаешь, ты вот так от меня избавишься?

– А тебе не кажется, что тут нечего обсуждать? Мы знакомы сутки, у нас ничего не получилось, и я просто говорю тебе «прощай».

Он ухмыльнулся и через минуту ушел.

В этот день, я никуда не выходила, ждала, что же предпримет Антон. Мне было жаль его, честно жаль, но только так я смогу уйти из жизни, только так. Его не было и вечером. Пьет где-нибудь. В десять вечера зазвонил телефон, номер незнакомый.

– Да?

– Лена?

– Да, а вы кто?

– Это не важно, важно, что Антон в больнице, автомобильная катастрофа.

– Он жив? – еле выдохнула я.

– Да, записывайте адрес.

Я мчалась на всех парах, я даже не хотела задумываться о том, что это по моей вине, чуть не погиб человек. Я сегодня же ему все расскажу, сейчас же, я буду умолять его о прощении. Я не знаю, что еще я могу для него сделать.

Антон лежал на больничной койке с перевязанной головой, бледный. Увидев меня, он вновь ухмыльнулся, а в глазах загорелись недобрые огоньки.

Я же просто стояла и смотрела, не в силах двинуться с места.

– Зачем пришла? – голос сиплый, но не злой.

– Антон, я виновата, прости... – начала я.

– Ты тут ни при чем... почти... Это я не справился с управлением.

Он еще и защищает меня!

– Антон, нам нужно поговорить, серьезно...

– Да, нужно, но не здесь, – он смотрел на меня так, как будто что-то знал.

Играя со смертью, я чуть ли не стала причиной смерти другого человека. Я не дрянь, я хуже.

Я не могла долго заснуть. Часа в два провалилась в тяжелый сон.

– Что ты творишь, ты хоть понимаешь, куда ты ввязалась? – голос Яна во сне был не злой, а усталый.

– Не надо мне снится, мне и без тебя тошно, – недовольно проворчала я и проснулась. Темень была, хоть глаз выколи. Я тяжело вздохнула.

– Ну, зачем ты мне снишься? – проворчала я в пустоту.

– Может, потому, что я привидение, – прозвучал ответ из угла комнаты. Я подпрыгнула и закричала. Он тихо рассмеялся.

– Ян! – волна радости всколыхнулась в моей душе – он пришел – но тут же исчезла без следа, так как не имела к Яну никакого отношения. Боже, как я скучаю по тебе, Лешка! Зачем эта злая шутка судьбы? Почему он так похож на тебя?

Ян сидел в кресле и наблюдал за мной своими золотистыми карими глазами. Я видела его размытый силуэт в свете луны. Я спрыгнула с кровати, в поисках выключателя.

– Не включай свет. За тобой следят.

– Кто?

– Надо полагать, архаровцы твоего Антона, – сказал он язвительно.

Итак, он знал, но удивляться было нечему.

– Что еще ты знаешь? – осторожно спросила его я.

– Ты понимаешь, во что ты вляпалась? – проигнорировал он мой вопрос, – Ты хоть знаешь кто он? Что он из себя представляет? И какой опасности ты себя подвергаешь?

– Тебе то, что! – начала я вскипать, – Можно подумать ты лучше!

– Я, по крайней мере, не убиваю людей, – зло бросил он.

– Да, ну?

– Я в жизни еще никого не убил! – возмущенно воскликнул он.

– Судя по роду твоих занятий, у тебя все еще впереди, да и к тому же, мне все равно, – четко сказала я. Как ни противно мне все это, но это единственный путь – врать.

– Все равно? – он смотрел на меня как на ненормальную. Я, наверное, и была таковой.

– Да, – ответила я, и собрав всю свою решимость, сказала – Я люблю его.

Надо было видеть, что отразилось на его лице, мне так хотелось подбежать к нему, обнять и сказать, что все это ложь от начала до конца. Но я не сделала ни шагу.

«У вас никогда не будет детей...»

Я устала претворяться перед самой собой, что проблема бесплодия меня не волнует. Я не могу долго думать об этом, иначе сойду с ума. И тем более, я никогда не вовлеку его в те, страдания, которые испытываю в данный момент. У Яна должно быть будущее, у него должны быть дети, и у него должна быть другая жена, которая не будет видеть в нем другого человека.

Глава 2. Расплата за грехи

Есть такие страшные соблазны, что для того, чтобы им поддаться, нужна сила, сила и мужество.

Оскар Уайльд

Я смотрела на него и видела, как стремительно боль Яна перерастает в гнев, в гнев такой разрушающей силы, что на мгновение даже мне, призывающую смерть, стало жутко.

– Любишь его? – его голос был наполнен еле сдерживаемой яростью.

– Да, – мое лицо ничего не выражало, я сама удивлялась, откуда во мне столько смелости.

Его лицо скривила ухмылка, которая очень мне не понравилась. Через мгновение он подскочил ко мне и сильно прижал меня к своему телу. В глазах дьявольский огонь, уже разгорался в дикой пляске.

И он поцеловал меня. Поцеловал так, как никогда, и никто не целовал. В поцелуе не было нежности, страсти, были только гнев и обида.

– Любишь его? – повторил он свой вопрос.

– Да, – уже не так уверенно произнесла я.

Его руки начали блуждать по моему телу, намеренно распаяя меня, он смотрел на меня, не отрываясь. Как я смогу врать, глядя на него, когда он видит всю гамму чувств у меня на лице!

– Повтори, – выдохнул он, его голос сбился и осип.

– Я люблю... его, – уверенности в моем голосе не было вовсе.

Через секунду после моего ответа моя одежда рваными лоскутами полетела на пол. Еще через секунду я тоже оказалась там. Ян прижал меня к полу, держа мои руки одной рукой, второй вытворял со мной такое, что я не была уверена, что переживу тот адский огонь внизу живота. Мне вдруг стало все равно, что он делает это только для того, чтобы выместить на мне свою злость. Но он так же, как и я был живым, из плоти и крови, его злость перемешалась с желанием.

– Ян, пожалуйста, только не так, – начала умолять я его, – Ты же ненавидишь меня сейчас.

Он, на мгновение остановился, но не освободил меня. С минуту смотрел на мое лицо и только потом выдохнул:

– Как с тобой еще?

– Ян, не делай мне больно! – почти крикнула я.

– Я себе делаю больно, понимаешь? Себе. Я не ненавижу тебя, к моему большому сожалению, а люблю. Невозможно влюбиться сразу, нелепо, но так оно и есть. И что в итоге? Ты смотришь на меня, но не видишь, говоришь со мной и думаешь только о своем проклятом призраке! Может, это пройдет, если я пересплю с тобой, это чертово наваждение должно закончиться, а потом катись ко всем чертям, хоть к Антону, хоть к его браткам, хоть напрямиком в ад!

Слезы потоком потекли у меня из глаз, в его голосе было столько презрения и в тоже время желания. Я понимала, что не прощу ему этой ночи, если он сейчас не остановится. Хотя, что теперь для него мое прощение? Я тоже умирала, от каждого его прикосновения, желала его всеми фибрами моей души. Мое тело предавало меня, я желала его, его и никого другого. И это в любом случае не должно было быть так – со злостью, ожесточением и ненавистью. Я чувствовала, что он ненавидит меня за свою же слабость ко мне, за то, что нуждается во мне как в глотке воды. Мой огонь перерос в пожар... Я хотела его. Хотела, и впервые после смерти Лешки не считала это предательством.

Когда все кончилось, Ян резко встал и начал одеваться. Меня убило это, сразило наповал его холодность после того, что между нами было. Как будто он снял меня на ночь, ... хотя может, именно так он теперь ко мне и относился. Я горько улыбнулась.

– Ну, что наваждение прошло?

– Да, – холодно ответил он, – Я получил то, что хотел.

– Ненавижу тебя, – сказала я со всей злостью, на которую была способна.

Он ушел, хлопнув дверью. А я дала волю слезам. Плакала всю оставшуюся ночь до утра. А потом во мне будто что-то переключили – слезы высохли и на их смену пришло ледяное спокойствие.

Антон выписали из больницы через неделю, после той ночи. Его поведение изменилось, да и мое тоже. Ходил угрюмый и молчаливый и искоса на меня поглядывал, а я не делала больше попыток мило ему улыбаться и говорить, что все хорошо. Я знала, что он что-то знает, но мне уже было все равно. Я не знала, что я хотела, вся эта игра зашла настолько далеко, что было непонятно чем все это закончится. Я окончательно завралась. За всю свою недолгую жизнь я столько не лгала и не изворачивалась, как в последние месяцы. В один из таких вечеров я решила признаться хотя бы в одной лжи.

– Я обманула тебя, Антон.

Его рука с чашкой чая дрогнула, и капли чая пролились на стол, за которым мы сидели. Я встала, взяла тряпку и начала вытирать со стола. Он взял меня за руку и посмотрел мне в глаза.

– Сядь, – приказал он. Он молчал и смотрел, и мучился, я это видела. Но не спросил больше ничего, как будто давал время на обдумывание того, что я сейчас ему скажу.

– Я не девственница, уже давно, – больше я ему ничего не сказала, мне до одури надоела бессмысленная игра. Будь что будет, если он решит не убивать меня, а отдать своим людям на расправу мне же хуже, все равно надолго после этого я на этом свете не задержусь. Кто знает, до чего нужно довести бандита, чтобы он проявил свою звериную сущность? И хочу ли я смерти на самом деле?

– Насколько давно? – спокойно спросил он. Его тон меня удивил, но я не подала виду.

– Два года назад.

– С кем?

От такого вопроса я даже застыла как каменное изваяние.

– С однокурсником, – медленно произнесла я, наблюдая за его реакцией, про Лешку я говорить не хотела, да и какая разница с кем.

– Найду и убью, – также спокойно сказал он, отхлебывая, как ни в чем не бывало, чай из бокала.

С ума сойти! Я ожидала бурю эмоций, а не это обреченное спокойствие.

– Антон, что случилось? – я наблюдала за его лицом. Ну, хоть что-то должно же быть?

– А что случилось? – все-таки голос его дрогнул.

– Где гнев, обещание убить меня, ну, хоть что-то ты должен чувствовать, но точно не делать вид, что все хорошо.

Антон очень внимательно и серьезно посмотрел мне в глаза.

– Убить? – пораженно переспросил он. У меня пересохло в горле. Он закрыл глаза, на губах горькая усмешка.

– Вероятно, ты предполагаешь, раз я... – и замолчал.

– Я не монстр, Лена, – через какое-то время произнес он.

– Но ты слишком спокоен, – настаивала я.

– Тебя сильно удивит, если я скажу тебе, что я знал? – спросил он меня устало.

– Когда ты узнал? – я не понимала его реакцию, может это просто шок?

– В тот день, когда ты меня выгнала, – он пристально посмотрел на меня, – Да я хотел тебя убить, это была моя первая реакция, но потом груды искореженного металла, помешала моему плану, а в больнице у меня было время подумать, чтобы не совершать поступков, о которых я бы потом пожалел.

Я стояла, не жива, не мертва.

– Это вообще чудо, что ты жива, – продолжал он, – Я, милая, не завожу серьезных отношений с человеком, если недостаточно о нем знаю, о тебе я не знал ничего, все эти дни на тебя копали информацию. Человек, которому я поручил это сделать, позвонил мне, когда я ехал на машине от тебя, он многое мне рассказал о тебе.

Он замолчал. Он даже не глядел на меня.

– Так значит, я была права, это из-за меня ты чуть не погиб и попал в больницу, – желание убить саму себя у меня усилилось.

Он будто не слышал.

– Почему ты не сказала, что ты девочка Стрелка?

– Кого? – недоуменно переспросила я.

– Стрелкова Яна Валерьевича, прошел Чечню, наемником, в данный момент входит в бригаду Сизова, его правая рука.

Не все я знала о Яне. А что я вообще о нем знаю, кроме того, что он мне рассказал?

– Я не его девочка, – грубо бросила я Антону.

– Ясно, – Антон встал и кошачьей походкой направился в мою сторону.

– Ты поссорилась с ним, или просто он тебя бросил, не в этом суть, – теперь я видела в его глазах злость, когда он навис надо мной, что ж, по крайней мере вот это нормальная реакция, – И решила забыть его, но ты не того парня выбрала в качестве мести ему. Тебе очень повезло, что я узнал все не у тебя дома.

Я спокойно смотрела ему в глаза.

– Что мешает тебе сейчас наказать меня? – я нарывалась, может быть слишком явно.

– Ты хочешь, чтобы я наказал тебя? – Антон как никогда был похож на хищника на охоте. Я молчала. Что сказать-то?

– По крайней мере ты теперь не отвертись, – злорадства в нем было хоть отбавляй.

– От чего? – не поняла я.

– А ты подумай, – он посмотрел на меня достаточно откровенно, так что и дураку было ясно, о чем это он. Да что ж за мужики-то пошли! Что один, что другой! Есть, интересно, в мозгах что-нибудь, кроме секса?

– Это твое наказание? – процедила я сквозь зубы.

Он грубо схватил меня.

– Спать со мной для тебя наказание? – заорал он, – Чего ты вообще ожидала, знакомясь со мной? Ты не подумала о том, что рано или поздно тебе придется это сделать?

Да, я не подумала. Я не подумала, что все это зайдет так далеко. Я рассчитывала на быстрый исход, на бандитскую жестокость. Хотя, может, оставить меня в живых и есть та самая жестокость, и есть то наказание, что я и врагу не пожелаю.

Антон, приблизившись ко мне вплотную, отрезал путь для побега и с силой меня поцеловал. С силой и какой-то обреченностью. Я все-таки сумела оттолкнуть его и зажалась в угол, прекрасно понимая, что это не выход.

– Я настолько противен тебе? – удивился он.

– Я просто тебя не люблю.

– Кому нужна твоя любовь! – заорал он снова, – Я получу тебя и без нее!

Его слова пробили дыру в моем заледенелом спокойствии. Я не вещь, которую можно брать, когда захочется! Почему они оба, и Ян, и Антон считают вправе распоряжаться мной? На эмоциях я выпалила ему все, что я думаю о нем, и о таких как он:

– Может тебе она и не нужна, скотина, тебе вообще ничего не нужно кроме твоих вонючих денег и иллюзии власти. Если ты думаешь, что для меня ты предел мечтаний, то ты глубоко ошибаешься! Кто ты? Что ты есть? Вонючий бандит, отброс общества!

Что я совершила ошибку, поддавшись эмоциям, я поняла потом, очнувшись в холодном подвальном помещении через трое суток. Мое тело болело так, как будто по мне танк проехался, раз пятнадцать. Я попыталась встать и у меня с трудом, но получилось. Я оглядела себя: на руках и ногах ссадины и синяки. Я с содроганием вспомнила то, что произошло после того, как я его оскорбила. Я наговорила еще кучу гадостей, самым ласковым словом, из которого было «козел». Антон налетел на меня как ураган, последнее, что я запомнила, так это в мою квартиру влетели его люди и оттащили его от меня. Дальше провал. И единственное, о чем я сожалела, так это то, что он не довел свое дело до конца.

Дверь в мою темницу отворилась, и зашел парень внушительных размеров.

– Пошли, тебя Синица хочет видеть.

Я решила упорствовать до конца:

– Никуда я с тобой не пойду, а уж твоего Синицу я точно не пылаю желанием наблюдать.

Парень оторопел от такой наглости, но все – таки отстал от меня, видимо побежал к нему, к хозяину, жаловаться.

Через десять минут ко мне, громко хлопнув дверью, влетел Антон с глазами зверя.

– Ты чего вытворяешь, а? Мало тебе?

– Тебе чего от меня надо? – заорала я на него.

– Ты здесь хочешь разговаривать? – процедил он сквозь зубы.

Я отрицательно покачала головой. Похоже, придется смириться. Тяжело вздохнув, я собиралась ему сказать еще пару ласковых, но неожиданно согнулась от боли в ребрах. Ага, дышать надо аккуратнее. Я почувствовала, как кровь отхлынула у меня от лица, покачнулась и, наверное, упала бы, если бы Антон не подхватил меня.

– Оставь меня в покое, – сил моих хватило только на шепот, хотелось забиться в угол и тихо умереть.

В следующее мгновение я очнулась в какой-то комнате, но из-за черных пятен перед глазами так и не смогла разглядеть, где я вообще нахожусь.

– Зачем ты это сделала? – раздался голос Антона, – Ты ведь нарочно выводила меня из себя?

Я молчала, даже не пытаясь посмотреть на него, все равно бесполезное занятие – перед глазами все плывет.

– Если бы не парни, я бы убил тебя! – в какой-то панике закричал он, – Лена, ну что ты молчишь?

– Мне нечего сказать, – произнесла я, переведя дыхание.

Антон сел в кресло, и на какие-то минуты в комнате наступила тишина, он пытался понять меня, пытался сложить картинку в единое целое.

– Ты любила его? – спросил он тихо.

– Кого? – простонала я.

– Яна, – еще тише произнес он.

Что-то в глубине души шевельнулось, но так слабо, что я даже не поняла больно мне или это уже реакция на уровне автомата.

– Да, в какой-то степени, – просто ответила я.

– Это он?

– Что? – не поняла я.

– Он твой первый...

– Нет.

– Значит твой первый тот, кто погиб?

Я удивленно распахнула глаза.

– Откуда ты... – начала я и резко замолчала. Можно и не спрашивать, он может узнать про меня все, всю мою подноготную, кроме моих мыслей, пока.

– Прости, за такой вопрос. Я могу понять, тебе пришлось тяжело. – Антон сидел в напряженной позе и пристально смотрел на меня.

«Мне и сейчас тяжело и жутко» – про себя сказала я.

– Чего ты хочешь от меня, Лен? – с усталостью в голосе спросил он, – Я не могу понять твоих мотивов, для чего ты со мной познакомилась, для чего обнадеживала, а потом так резко спустила с небес на землю. Для чего?

Может просто попросить его? Да, представляю, как это будет выглядеть: «Антон, убей меня, я не хочу жить». Глупо.

– Забыться хотелось.

Он усмехнулся.

– Ну, как помогло?

– Не очень.

Он встал и начал ходить по комнате. По его напряженной позе и угрюмому молчанию, я видела, что он что-то для себя решил. И от того, что он сейчас скажет, зависит и моя дальнейшая судьба. Иллюзий насчет того, что он просто отпустит меня, у меня не было.

– В общем, так, я не открою для тебя Америку, если сообщу тебе о том, что за все нужно платить. Ты не пожалела меня, я не собираюсь жалеть тебя, – я с непониманием слушала его, – Я не отпущу тебя, я не дам тебе свободы, – он жестко посмотрел на меня, – И ты теперь будешь играть по моим правилам. А чтобы ты не подумала улизнуть от меня или обратиться за помощью к сильным мира сего, ты выйдешь за меня замуж.

– Ты сошел с ума! – я истерически расхохоталась, – Средневековье какое-то! Развод еще никто не отменял!

– А ты попробуй! – огрызнулся он, – И я отдам тебя своим людям, ведь именно этого ты больше всего боишься.

Я онемела, я не могла поверить, что он так жесток. Именно об этом меня предупреждал Ян.

– А, чтобы ни у кого не возникло и сомнения в искренности твоих чувств ко мне, то мы сделаем все, как полагается – пышная свадьба, куча родственников, влюбленные взгляды и свадебное путешествие, – закончил он бархатным голосом, звучащим для меня зловеще.

– Дорогой, а ты не думаешь, что мои родственники сразу поймут обман? Они очень хорошо меня знают, да и свадьба через восемь месяцев после гибели предыдущего жениха, ... не странно ли это? – с издевкой спросила я его.

– Ты не справедлива ко мне, – он улыбался одними губами, глаза же оставались холодными, – Я все продумал. Мы скажем, что ждем прибавления в семействе. А потом у нас будет время, чтобы превратить эту маленькую ложь в правду.

– Зачем тебе это нужно? – задала я вопрос, который так и остался без ответа.

Мне захотелось стать глухой, хотя бы на время, чтобы не слышать это. Ну что ж, Тоша, тебя ждет сюрприз, наследника ты не увидишь, как собственных ушей.

– И запомни, – сказал он мне, перед тем как уйти, – Не вздумай убежать от меня, у меня есть много способов причинить боль не только тебе, но и твоей семье, не забывай об этом.

Свадьба была назначена через две недели, спешку объяснили моей беременностью. Антон сдружился с моим отцом, а мать души не чаяла в таком галантном зяте. Лишь я ходила как во сне, не веря, что это происходит со мной. Ян не объявлялся, лишь один раз Вика позво-

нила и сухо поздравила со свадьбой. Я улыбалась всем и вся, казалось, улыбка приклеилась ко мне. Но у меня даже не было сил винить во всем Антона, ведь все что со мной происходит, сделала я, своей собственной глупостью.

До свадьбы остался один день, я к этому времени благополучно переехала в шикарную квартиру Антона. Но несмотря на то, что теперь мы жили вместе, он не делал попыток даже дотронуться до меня. Меня это устраивало, хотя и удивляло. Я искренне не понимала его поведения. Наедине мы часто ссорились и этот день не стал исключением. Оглушительно хлопнув дверью, в квартиру вихрем влетел мой будущий муж.

Злой как черт, он пронесся мимо меня в свой кабинет, залез в сейф достал какие-то бумаги и порвал их.

– Что происходит? – спросила я его.

– Не лезь не в свое дело, – гаркнул он, ни на минуту, не отвлекаясь от своего занятия.

– Завтра это станет и моим делом тоже! – зарычала я на него.

Антон посмотрел на меня удивленно и расплылся в улыбке.

– Не может быть! Неужели ты решила поменять гнев на милость и проявить хоть каплю интереса к моей персоне? – каждое его слово было будто пропитано ядом.

– Твоя персона меня мало волнует! – грубо сказала я ему в ответ, – Больше меня волнует, что происходит, и как это все обернется для меня и для моих близких.

– Кстати, о твоих близких, не забудь завтра наша свадьба и тебе твою роль надо сыграть до конца, так чтобы все поверили, что мы без ума друг от друга, – каждый раз, когда он напоминал мне об этом, мне казалось, что он делает это с каким-то садистским удовольствием.

День свадьбы я запомню надолго. Куча народу, особенно его родственников и друзей, глупые шутки, дурацкие конкурсы. Но я готова была пережить это снова и снова, только бы это не кончалось и не подводило меня к той самой пресловутой брачной ночи. Уверенность, в том, что она будет, мне предала фраза Антона, которую он шепнул мне на ухо, когда мы выходили из ЗАГСа: «Вот и все, женушка, теперь ты не вправе отказать законному мужу». Антон пил рюмку за рюмкой, но оставался трезв, меня это удивило, но я все-таки надеялась, что он напьется, сделает мне такой подарок. Все мои надежды полетели крахом, когда я поняла, что в рюмке обычная вода, даже в этом он действовал методично хладнокровно, нарочно не оставлял мне не единого шанса. Часов в 12 гости начали разъезжаться кто по домам, кто-то оставался гулять в ресторане до утра. Прощальный выход – мы с белоснежными улыбками, махаем всем рукой и садимся в свадебный кортеж, специально заказанный по такому случаю.

Чем ближе мы приближались к дому, тем больше меня начало бить в ознобе. Когда мы подъехали, Антон подал мне руку, а возле подъезда взял на руки и так нес до самого четвертого этажа, дверь в квартиру была предусмотрительно распахнута, так что Антон донес меня прямо до кровати.

Я не смотрела в его сторону ни тогда, когда он раздевался, ни тогда, когда он начал раздевать меня. Почему-то мне вспомнилось мое второе прозвище, данное мне на работе – робот. О, да, именно его я себе напоминала. Оцепенение сковало меня. Вроде я не маленькая девочка, но я ни разу не ложилась в постель к мужчине без любви. Да и опыта, мягко говоря, никакого, разве две ночи любви могут сойти за опыт?

– Нежная моя девочка, – неожиданно ласково произнес он, – Давай начнем все сначала, забудем все, что было, начнем заново. Я ведь хоть немного нравлюсь тебе? Иначе, ты бы вовсе не подошла ко мне. Девочка моя, я с ума схожу по тебе.

Меня шокировали его нежные, и в то же время, страстные слова. Может быть, он думал, что они заставят меня открыться ему, но чуда не произошло, когда Антон начал меня целовать, слезы потоком хлынули у меня из глаз.

– О, Боже! – он оттолкнул меня, – Ну что ты из меня монстра делаешь!

От его злости я вся съежилась. Упирается было бесполезно, я это понимала. У него были все права спать со мной, и только от меня зависело, будет это более или менее болезненно. Но сейчас я ничего не могла поделать, эмоции хлестали через край.

Я легла на кровать и устала в потолок. Антону не нужно было приглашение для того, чтобы понять, что я сдаюсь.

Несмотря ни на что Антон оказался нежным любовником, конечно, он не разбудил во мне ответную страсть, но и сказать, что мне было неприятно я не могу. Он опытный мужчина и конечно же мое тело ответило на его ласки.

Проснулась я в двенадцать часов дня от пристального взгляда. Антон лежал рядом и смотрел на меня с таким обожанием, что аж дух захватывало, на лице играла улыбка. Если бы не обстоятельства нашей свадьбы, да и знакомства в целом, я бы поверила в этот взгляд.

– С добрым утром, любимая, – ласково произнес он.

Я смущенно улыбнулась и попыталась накрыться одеялом.

– Нет, не надо, – не дал мне этого сделать Антон.

Ну что ж, все барьеры рухнули, и он теперь мой муж. Я тихо вздохнула.

– Скажи мне, – начал он, все еще смотря на меня, – Теперь ты не жалеешь, что вышла за меня?

Боже, какое самодовольство иногда проявляют мужчины!

– Если ты думаешь, что одна ночь смогла стереть твой гнусный шантаж, то ты ошибаешься, – ответила я. Я не собиралась давать ему надежды и поднимать ветвь мира, которую он только что бросил мне своими шуточными словами.

– Что-то я не заметил этого, сегодня ночью, когда ты стонала подо мной, – бросил мне он.

– Да, Антон, – сказала я ему, серьезно глядя в глаза, – Любовником ты оказался хорошим, если я вообще могу судить об этом, имея мало опыта, но на остальное не рассчитывай.

– А твое остальное мне не нужно, – хохотнул он.

– Зачем же женился тогда?

– Не заставляй меня повторяться, – коротко бросил мне он.

Я решила укусить его побольнее.

– Ну, раз остальное тебе не нужно, то я полагаю, остальное я могу дарить любому другому мужчине.

– Не смей, – зарычал он, и дистанция между нами угрожающе сократилась. Я натянуто рассмеялась.

– Ладно, ладно, я просто хотела, чтобы ты понял – ничего не изменилось.

– Я тоже хочу, чтобы ты кое-что поняла, – он резко оказался сверху меня, – Я не собираюсь отступать, и делить тебя с кем-то другим тоже не собираюсь, – и так же резко раздвинул коленями мои ноги, – Все, что я говорил так и остается, не смей со мной играть...

На этот раз его объятия отличались от объятий в брачную ночь. Исчезла нежность, набросившись на меня, как голодный лев, он не столько занимался со мной любовью, сколько устанавливал свою метку, свое клеймо – я всецело принадлежу ему. Я наконец-то поняла, насколько разным может быть теперь уже мой муж. Господи, я ведь даже не знаю, кто он в принципе, что за человек.

Моя жизнь зашла в тупик: я больше не хотела умирать и оказалась в тисках собственной глупости и эгоизма, я причиняла боль двум людям, один из которых был мой муж. Не один из них не знал всей правды обо мне....

«У вас никогда не будет детей»...

Имела ли я право скрывать это от Антона? Но с другой стороны, это не я тащила насильно его под венец.

Перед свадебным путешествием мы решили заехать к родителям, где мне опять пришлось играть роль любящей жены. Я улыбалась и шутила.

– Я надеюсь, вы скоро вернетесь, ведь путешествовать в таком положении пусть даже на маленьком сроке опасно.

– Мам, ну перестань, я уверена, что Тоша и волосу не даст с моей головы упасть, правда любимый? – обратилась я к Антону, бросив на него пламенный взгляд. В душе я ехидничала, а снаружи выглядело, будто я без ума от собственного мужа. Тоша ослепительно мне улыбнулся.

Мы уже ехали в направлении аэропорта, когда желание Антона прозвучало для меня ошеломляюще:

– Хотел бы я, чтобы хоть раз ты сказала мне это по-настоящему, – он посмотрел на меня выжидающе, – Что любишь.

– Тебе же не нужна моя любовь, – напомнила я.

Антон сжал зубы, отвернулся от меня и больше мы не разговаривали. В ту секунду мне показалось, что в глазах его проскользнуло сожаление.

Самолет приземлился в аэропорту Тулузы. Франция! Я давно мечтала посетить ее. И вот парадокс – в страну любви, в прекрасный город меня повез тот, кому моя любовь была не нужна. Тулуза прекрасный «розовый город», названный так из-за цвета зданий, находился на юге Франции между Средиземным морем и Атлантическим океаном. Естественно, все было по высшему разряду: четырёх звёздочный отель Crowne Plaza, большой и красиво оформленный номер с элегантной мебелью, шампанское и лепестки роз на постели. Вот эти лепестки роз докончили меня окончательно.

– Зачем все это? – в запале спросила его я.

– Я всего лишь хочу, чтобы медовый месяц, был похож на медовый месяц, а не на похороны, – спокойствию Антона можно было позавидовать.

– Это невозможно, мы оба это знаем, – тихо сказала я.

Антон грустно улыбнулся.

– Я прошу тебя, ради себя самой, не порти все, наслаждайся. Ничего уже не изменишь, просто живи. Посмотри, как тут красиво.

Я промолчала, в какой-то степени он был прав. Почему бы не дать шанс себе и ему? И началась самая долгая, мучительная и в тоже время прекрасная неделя для меня. Антон исполнял любой мой каприз, мы были везде, где я только изъявляла желание быть, все тулузские магазины одежды были в моем распоряжении, музеи, выставки, экскурсии. В ответ он требовал от меня только одно – ночи всецело принадлежат ему. С каждым днем я привыкала к нему все больше и больше, тем более романтическая обстановка только способствовала этому. Он знал, куда меня привезти. Через неделю я улыбалась и шутила с ним уже искренне, не так как раньше. В общем, я решила последовать его совету и просто жить. И, по возможности, наслаждаться. Но почему-то все равно чувствовала себя дешёвкой, ложась к нему в постель каждую ночь. Несмотря на мои чувства, Антон проявлял невероятную нежность ко мне, стоило ему коснуться моего тела. В эти моменты я почти верила, что он любит меня.

Мы должны были лететь в Испанию, и я с неохотой прощалась с Францией. Он привез меня в историческую часть города Заморы, где находился старинный замок de Zamora, окруженный романскими костелами. Я прыгала от радости как ребенок. Неделю мы должны были пробыть там. Красота замка меня поражала: высокие потолки, гобелены, оружие на стенах, картины с величественными грандами – все это производило впечатление. И наша спальня,

несмотря ни на что, привела меня в полный восторг: огромная кровать с высоким балдахинном с белоснежным кружевом, старинные подсвечники и полумрак. Я была настолько счастлива и благодарна ему за красивую сказку, которую он для меня сделал, что в этот момент просто кинулась на шею к своему мужу и поцеловала. Он тут же ответил мне жарким поцелуем, казалось, он вложил в него всю страсть ко мне. Но продолжения не последовало – он резко от меня отошел. К моему глубочайшему удивлению меня это разочаровало. Неужели я настолько люблю секс? Он просто смотрел на меня и улыбался, и на какой-то момент его улыбка показалась мне злой.

Моя интуиция меня не подвела. Уже поздним вечером, когда служащие этого замка-отеля разошлись по домам, я неожиданно резким движением оказалась опрокинутой на кровать. Посмотрев в его глаза, я поняла, что вовсе не желание заставило его сделать это.

– Знаешь, – сказал он мне вкрадчивым голосом, – Сегодня по электронной почте пришло письмо. От Стрелковой Виктории.

Я все равно ничего ровным счетом не понимала.

– Очень интересная история, – продолжал он, – Как оказалось, ты познакомилась со мной не случайно. С ее братом ты все-таки спала. Вы поссорились, ты пошла в бар и познакомилась со мной. Случайно? Наверяд ли. Я не верю в случайности. Решила разогреть его ревность? Не подумала о том, что буду чувствовать я? Милая, тебе нужно было найти объект попроще, рабочего или инженера, например. Потому что, использовать бандита в качестве запасного аэродрома, а потом выкинуть его как ненужную тряпку нужно уметь. Дальше хуже, в ту ночь я попал в больницу, а ты выпустила в свою постель Стрелка...

Вот она месть за брата. Bravo, Вика. Я молчала, мои глаза были расширены от ужаса происходящего. Антон испепелял меня взглядом, в его глазах я разглядела то, чего так хотела раньше. Он хотел меня убить.

– Ты была уже со мной, но переспала с ним...

Я продолжала молчать.

– Это правда?

Я чувствовала страх, поглощающий меня с головой.

– Это правда?! – заорал он так, что мне казалось, у меня барабанные перепонки лопнут. Лгать не имело смысла.

– Да.

– Я убью эту тварь! – крикнул он, и собрался выйти из комнаты. Я кинулась ему на шею.

– Нет, Антон, пожалуйста, не трогай его, это только моя вина... – я замолчала, увидев выражение его лица, оно было просто пугающим.

– Защищаешь его... – это был даже не вопрос.

– Он не причём. Он оказался фантастически похож на моего погибшего жениха. Когда Ян это узнал, он бросил меня, а я... я просто не хотела жить. С тобой я познакомилась только для того, чтобы... Чтобы ты помог мне... уйти из жизни. Я не хотела отношений, я хотела разозлить тебя, чтобы ты... – я замолчала, не в силах продолжить дальше.

Вот я и призналась во всем. На лицо Антона было страшно смотреть, он долго молчал и только через какое-то время бесцветным голосом произнес:

– Собирайся, мы возвращаемся домой.

Всю дорогу обратно он игнорировал меня, как пустое место, я кусала губы в догадках, что произойдет дальше.

Не успела я зайти в подъезд дома, как подъехали люди Антона. Он впихнул меня в машину, и мы уехали куда-то. Страх начал разъедать мою душу, и усилился в сто крат, когда я узнала дом, к которому мы подъехали. Это был тот дом, с подвальным помещением, где я была

за две недели до свадьбы. Антон вышел из машины, развернулся и, не глядя на меня, пошел в дом. Меня же из нее просто выволокли. Я царапалась и кусалась, но должного эффекта это не произвело. Через пару минут я оказалась в том же подвале. Он хотел наказать меня, но как?

Когда в подвал спустились еще трое парней Антона, я все поняла. Он не собирался меня убивать, для этого достаточно одного человека.

«...Я отдам тебя своим людям, ведь именно этого ты больше всего боишься»...

Они начали медленно ко мне приближаться...

Я царапалась и кусалась, я дралась, так как умела, но разве я могла их обезвредить. Слезы застилали мои глаза, у меня началась истерика. Я выла как зверь и жаждала только крови...

Чьи-то сильные руки все-таки добрались до меня и, неожиданно, встряхнули, сквозь помутненное сознание, я услышала голос Антона.

– Убирайтесь, я передумал!

У меня было одно желание – не подпустить, сдохнуть, но не позволить приблизиться.

– Лена, очнись, пожалуйста... – его голос почему-то не пугал меня больше, более того, я рада была его слышать.

– Лена, если хочешь, убей меня, но только очнись, посмотри на меня, пожалуйста...

И я вернулась. Антон сгрел меня в охапку, и качался вместе со мной в однотонном движении. Что-то обожгло мне щеку, и я с удивлением обнаружила слезы.

Но это не мои слезы, ...а ЕГО.

Он смотрел на меня умоляюще, из глаз текли слезы, но он вряд ли их замечал.

– Что ты со мной делаешь, – прошептал он, – Я не смог...

Что ж прекрасно, признание монстра в своей слабости к женщине...

Я была сломлена, убита... Я не знала, что смерть бывает такой. Когда ты дышишь, но не живешь, двигаешься и не чувствуешь этого.

Я не знаю сколько прошло дней и ночей. Я перепутала их. Иногда мое помутненное сознание меркло окончательно, но через какое-то время я снова понимала где я нахожусь и что вокруг происходит. Как – будто кто-то дергал тумблер выключателя. Ко мне часто заходил Антон. Пытался говорить со мной, но я его просто не слышала. Его губы шевелились, но вместо звука был какой-то монотонный гул. В один день ко мне зашел незнакомый симпатичный парень и так же как Антон пытался со мной поговорить. Лицо у него было доброе, он улыбался мне. Потом, зачем-то начал светить мне в глаза каким-то фонариком и заставил выпить таблеток. Через день после этого я начала слышать не монотонный гул, а вполне нормальную речь. В глубине души я понимала, что потихоньку схожу с ума, но теперь это не имело никакого значения.

– Влад, скажи что-нибудь, ты же доктор! – громко говорил Антон из другой комнаты, – Она не разговаривает уже неделю, она отказывается есть, она сидит в одном и том же положении. Что делать?!

Если бы я могла усмехнуться, я бы это сделала, но мне так нравилось не двигаться и молчать, было бы еще лучше, если бы они все оставили меня в покое. Я даже как-то расстроилась из-за того, что снова стала понимать человеческую речь. По-видимому, Влад развел руками.

Уже вечером, Антон ввалился в мою комнату в сильном подпитии.

– Пожалуйста, заговори со мной, – умоляюще произнес он.

Зачем?

– Я знаю тебе плохо и больно, я виноват...

Ты знаешь, но вряд ли понимаешь масштабы содеянного.

– Если хочешь, ударь меня, накричи, но только не надо так...

– Как? – мой голос осип, казалось странным слышать свой голос в живую, а не внутри себя. Что-то снова во мне поменялось – я больше не хотела молчать, я хотела движений, хотела говорить. Мне даже стало интересно сколько дней я провела в коматозном состоянии.

Антон встряхнул головой, как будто прогоняя наваждение.

– Спасибо, – сказал он с видом побитой собаки, – Прости меня.

– Это все?

– Нет, – ответил он с грустной улыбкой, – Если бы я мог, я все бы исправил, мы начали бы все сначала.

Я встала, подошла к двери и, не оборачиваясь, сказала:

– Ты животное, злобное и дикое животное.

– Пусть я буду таким, – согласился он, – Но я люблю тебя.

– Я не верю тебе.

– Я докажу тебе это, – с уверенностью в голосе произнес он.

Я повернулась к нему.

– Если бы ты... не остановил их, я бы умерла. Мне почти это удалось.

– В тот момент я хотел, чтобы ты умерла.

– И ты говоришь, что ты любишь меня? – с ужасом спросила я его.

– Именно в тот момент, когда ты была в подвале, и я знал, что тебя ждет, я понял, что не могу... этого допустить, именно тогда, я понял, что люблю тебя.

Дикий хохот вырвался из моей груди, хохот вперемешку со слезами. Антон подскочил ко мне и сжал в объятьях. Я чувствовала его поцелуи на своих губах, шее.

– Любимая, родная, прости меня... Я никогда больше не причиню боли...

В ту ночь он любил меня как безумный, пытаясь хоть как-то разбудить во мне тот огонь, который был в нем. Я не верила ему. Мне казалось, что я живу с монстром, который лишь играет в любовь...

Шли дни, я отдалилась от Антона, и иногда по ночам мне снился кошмар: подвал и трое ублюдков, надвигающихся на меня. Антон перестал мучить меня, и все чаще он не ночевал дома. Я не спрашивала его, где он был, когда утром он приходил домой, и от него пахло женскими духами. И так все понятно. Скоро его виноватый взгляд исчез, и появился новый – презрительный. Теперь он меня презирал. Презирал за то, что я не сделала даже попытки создать семью, но разве я хотела этого изначально? В один из таких вечеров я решила поговорить с ним.

– Антон, пора прекратить этот фарс, – он сидел возле недавно сделанного камина, попивая вино.

– Я не дам тебе развода, если ты об этом, – сказал он холодно.

– Но зачем все это? – я стремительно подошла к нему, – Ты не ночуешь в собственном доме, твои девочки меняются одна за другой... Странно, что ты сегодня дома. ... Отпусти меня, Антон.

Он посмотрел на меня, как будто хотел найти в моих глазах ответы на свои вопросы и через минуту, отвернувшись, сказал:

– Нет.

Когда-то я начала один обман, который повлек за собой череду сплошной лжи. Вся моя жизнь была сплошным фарсом.

Прошел год со дня нашей свадьбы, родители тонко бросали намек на внука, а я молчала. По поводу беременности, из-за которой, якобы была свадьба, вопросов не было – мы сказали, что просто ошиблись. Антон не заговаривал со мной об этом, если вообще можно

было назвать наши односложные ответы общением. У него на стороне появилась постоянная девочка – Лилия. Я молчала.

– Ты бездушная, – однажды бросил мне он. Если бы он знал, какие кошмары мучают меня по ночам, то возможно, не сказал бы так. Если бы он знал, что в последнее время его измены причиняют мне боль. Возможно ли полюбить своего мучителя? Любовь ли это или Стокгольмский синдром? Ясно было одно – мы оба мучаем друг друга.

Я сидела в кресле и смотрела на огонь, как вдруг в комнату ввалились мой муж со своей любовницей. Они громко смеялись, Лилия еле держалась на ногах, а мой муж поддерживал ее. Он казался более трезвым, чем она. Боль полоснула по сердцу – он привел ее в наш дом.

– У тебя есть совесть, Антон? – произнесла я.

– Я в своем доме и могу приводить кого захочу.

– Ты ведешь себя как свинья, – усталость я чувствовала безмерную.

– Ну, не чета тебе, – ухмыльнулся он.

– Что это значит?

– Это значит, что я дам тебе развод.

– Дело в том, – пробормотала пьяная Лилия, – Что мы ждем ребенка, поэтому решили создать семью...

Она что-то еще бормотала, но я уже не слушала. Ребенок... Маленький мальчик, похожий на своего отца как две капли воды... Антон, наверное, счастлив...

Я очнулась в собственной постели, возле меня сидел Влад, наш семейный доктор.

– Ну, что моя дорогая, и как вы умудрились себя довести до нервного срыва?

– Я не знаю...

– Всегда один и тот же ответ, а ваш муж тем временем с ума сходит, он поднял на уши всю нашу клинику. Лена, так нельзя...

Муж... Антон еще не ушел? Почему он здесь? Почему не носит на руках мать своего будущего ребенка, а ждет пока его ненормальная жена придет в себя?

– В общем, так, я вам прописываю полный покой, лекарства и никаких нервов, понятно?

– Да, Влад, спасибо тебе, – это уже произнес мой муж, я и не заметила, как он вошел.

Пожелав нам всего доброго, Влад ушел.

Глядя на Антона, я разревелась. Все кончено, теперь точно.

– Уйди, прошу тебя... – прокричала я ему.

Он подошел ко мне и обнял.

– Хватит мучить себя и меня, – сказал он серьезно, – Я не безразличен тебе, это ты мне вчера дала ясно понять.

– Нет, – сказала я и мотнула для убедительности головой.

– Лена, любимая, ну что ты как маленькая, – он погладил меня по голове.

Любимая. ... Сто лет не слышала от него этих слов.

– Какая разница как я к тебе отношусь, у тебя будет сын или дочь...

– Нет, Лилия не беременна, – ответил он, мне, улыбаясь, – Этот спектакль был для одного зрителя, для тебя. С Лилией мы расстались месяц назад, когда я понял, что ты любишь меня. Я и с ней был только для того, чтобы забыть тебя – не получилось...

– Ты чудовище...

– Пожалуйста, выслушай меня, – перебил он, – Я знаю, что я виноват перед тобой, я заставил тебя выйти за меня замуж, я подверг тебя опасности... Но я сходил с ума, от осознания того, что ты меня презираешь, или того хуже, что ты равнодушна ко мне. Когда тогда ты вошла в бар, я понял, что пропал. Никогда не верил в любовь с первого взгляда, а тут пришлось ощутить это на собственной шкуре. Было видно сразу, что ты не из местного контингента. Ты

была чистой, светлой и очень красивой. Я был счастлив, когда ты обратила на меня свое внимание. Черт меня дернул узнать про тебя больше. Я словно сошел с ума. Но я решил, будь, что будет, я заставлю тебя быть со мной. Но когда сестра Стрелка прислала письмо, я не знал куда деваться от боли, а своим признанием, что во мне ты видишь киллера для себя, ты меня просто уничтожила. Только после того, что я натворил, я понял, что, причиняя боль тебе, причиняю ее себе. Я пытался тебя забыть, но не смог... Месяц назад все изменилось. Я вернулся домой поздно ночью, прошел в комнату, чтобы лечь спать и услышал, как ты плачешь... Ты плакала во сне, мне захотелось обнять тебя, чтобы защитить, но я боялся, что ты опять меня оттолкнешь. Я стоял и смотрел, как ты мучаешься... Через минуту все изменилось: ты звала меня, звала так, что я еле удержался, чтобы не кинуться к тебе и не обнять. Я не стал тебя будить, но подошел и поцеловал, а ты призналась, что любишь меня...

Я сидела окончательно смущенная.

– На следующий день, я расстался с Лилией. Но я знал, что никогда и ни за что ты в этом не признаешься, я слишком сильно обидел тебя в самом начале нашей жизни, мне нужно было добиться от тебя правды, и я заплатил Лилии за этот спектакль...

Антон смотрел на меня как раньше, нет, наверное, еще лучше. Мое сердце билось очень сильно. Я врала не только тебе, но и самой себе, – подумала я, – Как же я не заметила, что ты стал для меня самым близким человеком?

Я смотрела на него немного удивленным взглядом, его глаза улыбались, просто светились от счастья, он был уверен, что теперь все будет хорошо. Но у меня была тайна, которая касалась и его. Тайна, которая могла пустить нашу новую жизнь под откос. Я должна была сказать, просто обязана.

– Есть еще кое-что, чего ты не знаешь обо мне, – обреченно произнесла я.

Антон насторожился, слишком много сюрпризов я преподнесла ему за год нашей супружеской жизни. Я замолчала, в нерешительности, а Антон вздохнул.

– Давай, уж говори, теперь это не важно. Мы начнем все с нового листа.

– Это очень важно, Тош, настолько, что я пойму, если ты захочешь развода.

Если бы я сказала, что через минуту на нас упадет метеорит, это бы произвело меньшее впечатление на него.

– Я не могу иметь детей, – произнесла я и пристально посмотрела на него. Он молчал, в глазах застыл неподдельный ужас.

– Какая же я скотина, – простонал он.

Что? Почему он обвиняет себя?

– Прости меня за сцену с Лилией, я не знал, как это для тебя...

Вот в чем дело.

– И это вся твоя реакция? Антон, я не смогу родить тебе сына...

Он прервал меня поцелуем, нежным, ласковым.

– Есть клиники, которые нам помогут, там отличные врачи.

– Правда? – с надеждой в голосе спросила я.

– Правда, – ответил он мне, улыбаясь.

Это была первая ночь, когда я отвечала ему, когда я отбросила все страхи и сомнения, когда между нами больше не было преград.

Прошло полгода с момента лечения в лучшей заграничной клинике, а результатов не было. Антон успокаивал меня, что некоторые пары тратят на это гораздо больше времени, но все чаще и чаще я видела его задумчивым и отчужденным. Еще через полгода, наша семейная жизнь дала трещину. Он отчаялся и начал отдаляться от меня. Я глотала слезы, но мол-

чала. Мне не в чем было его упрекнуть, в последний год он стал идеальным мужем: открыл свое частное сыскное агентство, много времени уделял мне, старался все сделать для семьи.

Беда случилась неожиданно для меня. Я без предупреждения заехала к нему на работу и застала его с секретаршей – глупо, банально и больно. Я не устраивала сцен, я просто ушла. В этот же день я собрала вещи и переехала в свою квартиру, где жила до свадьбы. Он пришел поздно вечером. У него хватило ума не оправдываться, он просто стоял и смотрел на меня.

– Пойми меня, – через минуту произнес он.

– Понимаю, – спокойно сказала я, – Я подала на развод сегодня.

Слово развод на него подействовало как красная тряпка на быка.

– Это глупо! – выкрикнул он.

– Глупы были мои надежды на счастливую жизнь, мне не дано!

– Нет, – выдохнул он и подлетел ко мне. Я начала отталкивать его, но Антона это только распалило, через минуту наша одежда валялась где-то в углу комнаты.

– Я люблю тебя до сих пор, маленькая моя... – с какой-то болью в голосе произнес он.

Он больше не хотел мучиться, он больше не хотел любить.

Я уехала из города рано утром, когда он еще спал. Уехала далеко, так чтобы он не нашел. В другом городе я нашла работу, зарплата была мизерной, а если учесть, что привыкла жить на широкую ногу, то можно сказать, что я работала бесплатно. Ее еле хватало, чтобы снять квартиру и что-то купить из еды. Но я ни за что не вернусь, я устала причинять боль близким мне людям. Антон мучился, он хотел ребенка, а я не могла ему это дать. Начиная, с тех пор как мы встретились, он страдал, сначала от моей холодности, потом от моего эгоизма. Заставлять его жить со мной без надежды на полноценную семью – это эгоизм с моей стороны. Без меня будет лучше, он не останется один.

Потекли дни, однотонные и тоскливые, я завела подруг и иногда вечерами, после работы мы сидели в кафе. Я не сильно страдала, искренне веря в то, что мой ласковый и нежный зверь найдет свое счастье.

Через месяц прошлое вернулось ко мне. В то утро я встала разбитая как никогда, меня мутило, еще через минуту я ринулась в ванную комнату. Догадка пришла мгновенно... Врачи помогли... Я была беременна. Со своими проблемами я совсем забыла, что у меня нарушился цикл, оказывается, это было вовсе не нарушение. Меня настолько ошеломила эта мысль, что я минут пять стояла перед зеркалом как вкопанная.

А еще через пять минут, в мое убежище вломились люди Антона, и он сам собственной персоной. Он грубо схватил меня, и я испугалась.

– Антон, пожалуйста, не надо, я жду ребенка... – взмолилась я, инстинктивно прикрывая свой живот рукой. Антон отшатнулся от меня.

– Ты беременна? – потрясенно переспросил он, но через минуту в его глазах появилась злость.

– От кого?

Меня возмутил этот вопрос, но зная нрав Антона, я его ожидала.

– Как ты можешь! – с горечью бросила я, – Ведь ты знаешь, что это твой ребенок!

– Не уверен, – жестко ответил мне он, – Тебя не было ровно месяц, ты банально сбежала, сбежала от меня, от проблем.

– Я хотела дать тебе шанс, на более счастливую жизнь, – начала оправдываться я.

– А у меня ты спросила, нужна мне такая жизнь?

– Пойми, я тогда потеряла надежду, а ты бы лет через пять возненавидел меня.

– Своим уходом ты почти этого добила, я хочу ненавидеть тебя, правда у меня это плохо получается, – он сказал это с тихой яростью. Мне стало больно, невыносимо больно от этих слов.

– Уходи, – глухо сказала я.

– Не забывай, ты все еще моя жена, – он помахал перед моим носом заявлением о разводе, которое я неосмотрительно отправила с местного главпочтамта, что дало ему шанс найти меня. Я поджала губы.

– Как это понимать?

– Собирайся, ты едешь домой.

Я отрицательно покачала головой.

– Не вынуждай меня забирать тебя силой.

Ну что мне с ним делать?

Я подчинилась, впрочем, как всегда. За последние два года меня начало убивать постоянное чувство вины, ощущение, что я делаю не то и не так. Убегая от Антона, я убегала не только от проблем, я убегала от этого чувства виноватости во всем и всегда, впрочем, я убегала от самой себя. Иногда мне казалось, что уже мое рождение на этот свет было сплошной ошибкой, я не подхожу для этого мира, для этого века, мне не уютно. Вот и сейчас, сидя в машине около Антона, кроме обиды на его грубость, я испытывала чувство вины, за то, что заставила его страдать. Боже, как это все сложно!

Испытывать к человеку сильную привязанность, но в то же время и желание прибить, чем-нибудь потяжелее...

– Это действительно мой ребенок? – услышала я вопрос, от которого мне снова захотелось стукнуть его.

– Да, – ответила я сухо.

– Почему не позвонила, не сказала? Я бы сразу приехал. Ведь все наши проблемы были связаны именно с этим.

– Я сама узнала об этом за пять минут до твоего приезда.

– Ты не была еще у доктора? – взволнованно спросил он меня, – Ты не можешь ошибаться? – последнее слово он произнес так тихо, что я еле расслышала.

– Утренний токсикоз не спутаешь ни с чем, поверь мне.

Но все-таки он повез меня в клинику Влада, я сдала все необходимые анализы.

На следующий день, мы поехали узнать результаты, и оба нервничали. Перед самым входом, он остановил меня, притянул к себе и сказал:

– Родная, если не получилось, мы просто попробуем еще раз... Не сбегай больше. Ты мне нужна, я... Просто пропаду без тебя.

Я тихо вздохнула.

Нас встретил Влад и провел в свой кабинет.

– Я поздравляю вас, пришли анализы, и да, ты беременна, – ответил он на мой мысленный вопрос. Боже... я испытывала бурю эмоций, но когда я посмотрела на мужа, то поняла, что мои эмоции ничто по сравнению с его. На лице шквал разнообразных чувств: сомнения, радость, облегчение, и в то же время напряжение, и просто счастье. Только сейчас я осознала, насколько сильно он хотел ребенка.

– Естественно существует ряд опасностей, на таком маленьком сроке... – начал Влад. Но, Боже кто его слушал! Хотя, когда я в очередной раз посмотрела на Антона, то обнаружила, что он не просто внимательно слушает Влада, а буквально впитывает как губка.

Как только мы зашли домой, Антон поднял меня на руки и закружил, я засмеялась. Он был счастлив. Я была счастлива. Я мысленно поблагодарила Бога за этот подарок. Подарок, который возможно мы не заслужили, но долго вымаливали. Дальше потекли счастливые дни. Он нехотя уходил на работу и старался быстрее вернуться домой, Антон окружил меня вниманием и заботой. И даже когда у меня были постоянные перепады настроения, он мужественно их переносил. Я могла разбудить его посреди ночи и отправить за чем-нибудь немислимым

в плане пищи, но таким желанным для меня на тот момент. Мы вместе ходили по магазинам, и он как заправский отец, покупал пеленки, распашонки, чепчики, погремушки. Скоро наш дом начал напоминать детский магазин.

На седьмом месяце беременности, мне стало тяжело ходить, мой живот был просто громаден, чем вызывал гордость моего мужа. Сын будет крепеньким. УЗИ показало, что это будет мальчик, но я и так знала. Я уже давно разговаривала с малышом, лежа на диване и поглаживая живот, я рассказывала ему про его отца, про то, как мы его любим и ждем. Антон приходил в восторг, при каждом его шевелении и пинке.

На девятый месяц я забыла, что такое сон, мой малыш спал днем, а ночью у него началась активная жизнь. Антон потерял сон вместе со мной, несмотря на уговоры, он не спал ночами, как и я, пытаюсь поглаживаниями и разговорами уговорить малыша и дать мне поспать, иногда у него это получалось, и я засыпала, под его тихий говор.

Подошел срок родов, все уговаривали меня лечь в больницу, но я была непреклонна.

– Когда начнутся схватки, тогда и поеду, – упрямылась я. И они уступили. В беременность мое упрямство приобрело колоссальные размеры.

Ночью я почувствовала боль, и через какой-то период времени отошли воды. Антон носился как безумный, если бы он мог он поставил бы на уши весь город. Приехала скорая, и меня повезли в больницу.

Через пару часов, боль стало невозможно терпеть. Я держала мужа за руку и смотрела на него измученными глазами. Держала за руку... это, наверное, слабо сказано, я вцепилась в нее с такой силой, что иногда мне казалось, что я ее сломаю.

– Любимая, дыши глубже, – успокаивал меня Антон. Он был бледен и при каждом моем вскрике бледнел еще больше. Я не могла смотреть на его страдания, они мешали мне, заставляли страдать сильнее, отвлекали от малыша. Странно, что доктор вообще позволил ему присутствовать при родах, хотя для Антона нет ничего невозможного.

– Антон, уйди, прошу тебя! – выкрикнула я при очередном приступе боли.

Но он только покачал головой.

– Наверное, ты ненавидишь меня сейчас, – обреченно произнес он.

Я хотела сказать ему, что он дурак, но дыхание сперло, а пронзительная боль накатывала волнами, которым казалось, не будет конца.

Еще через час мое сознание стало мутным, я уже плохо соображала, я не могла говорить, я плавала где-то между болью и сном. Но все еще слышала.

– Родная, милая, прости...

Это Антон, винит себя, не понимая, какое счастье он мне дал... Боль кончиться. Когда-нибудь. Она ведь должна кончиться? Дальше тишина, долгая мучительная. Почему она не кончается? И вскрик моего сына. Громкий такой. Мне поднесли его к груди...

Темнота. И тишина. Я уже не помню, когда она началась, и не знаю, когда она закончиться. Я пытаюсь звать, но меня никто не слышит. Но почему? Я ведь кричу изо всех сил! Где Антон? А мой сын? Почему они не дают мне его? ...

– Мальчик здоров, крепенький... Но мать в очень тяжелом состоянии.

– Чем я могу помочь, все что угодно...

– Молитесь... Мы делаем, все возможное...

– Господи, нет, пожалуйста, не отнимай ее у меня...

Я плыву по сверкающим волнам, они обволакивают меня, мне уже не больно. ... И так хорошо... Спокойно. Свет вдалеке, очень яркий... Я иду к нему... Там кто – то стоит и про-

тягивает мне руку... Я пытаюсь рассмотреть парня... Что-то знакомое в его фигуре, кто бы это мог быть?

Алексей! Алексей! Мое солнышко! Я так долго тебя искала!

- Доктор, пожалуйста, помогите ей! Я заплачу любые деньги.
- Антон, мы делаем все возможное и даже невозможное! Успокойтесь.
- Она не должна умереть, только не она...

Я подбежала к нему. Он улыбался.

– Здравствуй, – раздался его умиротворенный голос.

Он не изменился, такой же красивый, хотя нет... что-то поменялось...

– Тебе идут крылья.

Он совсем по-ангельски рассмеялся. Свет, яркий, волшебный, теплый, убаюкивающий...

- У нее падает пульс!
- Боже, да сделайте вы хоть что-нибудь!!!
- Или вы успокойтесь или выйдите отсюда!

Я не хочу уходить, здесь так спокойно, хорошо. Здесь нет боли. Алексей покачал головой.

– Тебе еще рано.

Но я не хочу возвращаться! Почему я должна?

– Они ждут тебя. Твой муж и сын.

Муж..., и сын....

- Пульса нет! Скорее же ну...
- Родная, вернись!

Я услышала. Он звал меня.

– Иди, тебе сюда действительно рано.

Его улыбка, свечение, мягкие крылья. Прощай, Лешка.

– До свидания... – я не знала, что ангелы умеют ухмыляться.

- Слава Богу! Пульс нормализовался.
- Спасибо, любимая, спасибо, что вернулась.

Боль вернулась вместе со мной. Почему люди должны испытывать боль? Боль при рождении, боль, когда умираешь. Боль – вечный спутник человеческой жизни...

Там нет боли. Есть только спокойствие и радость, несравнимая с человеческой.

- Пожалуйста, не бросай меня больше, не уходи....
- Я не уйду, честно. Антон? Почему он не слышит меня?

– У нас родился прекрасный мальчик, здоровенький, у него твои глаза... Ты нужна ему.

Да, мой сын. Ты будешь против, если я назову его Алексеем? Хотя нет, пусть это имя останется только в моем сердце...

Глава 3. Тени будущего

Будущее укрыто даже от тех, кто его делает.
Анатоль Франс

Прошло пять лет, с тех пор как я очнулась и увидела мертвенно-бледное лицо моего мужа. Я никогда не забуду этот день. Мне принесли моего сына – Кирилла. Я не забуду тот страх и ту безмерную любовь, которую я увидела на лице Антона.

– Спасибо, что вернулась, – слова полные благодарности, нежности, и чего-то такого, что вряд ли в полной мере подходит под определение слова «любовь». Я видела, как он смотрит на нас, когда я первый раз начала кормить сына. Он боготворил меня. Меня и Кирилла.

Я не узнавала его. Он стал очень заботливым, Кирилл был достаточно спокойным ребенком, но в те единичные бессонные ночи, Антон подходил к сыну и всю ночь на пролет качал его на руках, мурлыча под нос какую-то колыбельную. А утром, без единого раздражительного взгляда уезжал в свое агентство. Первые три года после рождения сына я чувствовала будто попала в сказку. Я боялась, что она закончится, но так хотелось поверить в нее до конца. Антон баловал сына, вагоны игрушек: машины, танки и, конечно, пистолеты. Когда сыну исполнилось три года моя сказка медленно, но верно пошла на убыль. Антон тщательно скрывал свою деятельность, дабы не расстраивать меня. Он вообще меня не расстраивал. Так, что все шло очень замечательно. Для меня. Для Кирилла. Но не для Антона. Я знала о роде его деятельности, меня на время успокоило то, что он открыл сыскное агентство, я даже начала наивно предполагать, что с криминалом он завязал. И теперь спустя пять лет, я убедилась, что, ввязавшись один раз невозможно выбраться оттуда. По крайней мере, живым.

Пару раз к нам домой приходили так называемые «друзья детства». Я старалась убирать Кирилла с глаз долой, при таких встречах, отправляя его к бабушке. Меня бросало в дрожь от их лиц и наглых по-хозяйски взглядов. Антон будто вовсе не замечал их наглость в общении. В последнее время таких встреч стало слишком много.

В очередной раз они несколько часов беседовали о чем-то на кухне. Когда они ушли, я устроила ему допрос.

– Когда это кончиться?

Антон посмотрел на меня, и его брови изумленно поползли вверх.

– Что именно? Эти люди приходили по делам агентства.

– И три дня назад тоже? «Люди из агентства», – передразнила я его, – Ты их рожи видел?

– Ты у нас теперь физиономист? – раздраженно бросил он, – Ко мне в агентство обращаются не сплошь ангелы, прошу заметить!

– Хватит из меня законченную дуру делать! – в ярости воскликнула я.

Антон посмотрел на меня как-то по-особому и, вздохнув, произнес:

– Ты прекрасно знаешь, с кем живешь. Я, кажется, никогда от тебя этого не скрывал.

– Я боюсь за Кирилла, пойми.

Он тяжело вздохнул.

– Вот поэтому это никогда не закончиться.

Что он хотел этим сказать? Кириллу что-то угрожает? У меня внутри все похолодело.

– Антон...

– Разговор на эту тему закончен, – он разговаривал со мной как с маленькой. Даже хуже, детям хоть что-то объясняют.

– Я имею право знать! – я гордо вздернула подбородок.

– Возможно, тебе некоторое время придется пожить у родителей, тебе и Кириллу, – задумчиво произнес он.

Вот этого я совсем не ожидала услышать. Неужели все так серьезно?

– Нам что-то угрожает? – еле слышно спросила я.

– Нет, – вздохнул он, – Это просто меры предосторожности.

Все время пока я собирала вещи Кирилла и свои, я материлась как заправский сапожник. Ну, неужели надо все так усугублять! Почему нельзя пожить спокойно, без приключений, без надрыва в сердце. Завязать, в конце концов, со всем этим дерьмом!

Я тяжело вздохнула, конечно, я понимала, что это на словах все так просто завязать...

Когда Антон положил наши вещи в багажник джипа, я поняла насколько все серьезно – мы никогда не ездили на этой машине, бронированной так, что даже обычная граната его не возьмет. А когда в джип втиснулись еще пара ребят из личной охраны моего мужа, то у меня возникло просто непреодолимое желание запаниковать.

Антон подошел, поцеловал сына, и, пристально глядя на меня сказал:

– Это ненадолго, я обещаю.

От испуга я не смогла даже попрощаться.

Через полтора часа, я была уже у родителей, в родном городе. Они, конечно, удивились, видя меня с вещами, и тихонько спросили, не поссорилась ли я с Антоном. Мне пришлось наскоро придумать историю о командировке мужа, и то, что я не хочу быть одна, вот и приехала погостить к ним. Родители, естественно, сделали вид, что поверили мне. Что им оставалось делать?

Потекли однотонные скучные дни. Конечно, мне не давали скучать мои вечно молодые родители, и уж, тем более мой сын. Но никто из них не знал, чем сейчас занимается Антон. Я не могла ни с кем поделиться своими страхами. Женщины испокон веков сидят, ждут своих мужей, молятся, переживают и от этого быстрее стареют. Перед глазами всплывали все ужасы, которые я могла себе представить. Этого было достаточно для того, чтобы у меня пропал аппетит и сон. На четвертый день пребывания в родных пенатах, я извелась окончательно. Антон не брал трубку телефона и не звонил сам. Просыпаясь утром, в постели, в которой я просыпалась на протяжении 18 лет, я иногда думала, не приснилось ли мне все это? Но слыша переливистый смех Кирилла, я понимала, что нет, не приснилось.

На седьмой день Антон приехал, даже не предупредив нас об этом, и коротко приказал собрать Кирилла.

Я наспех швыряла вещи сына в чемодан и шипела на Антона, настолько тихо, чтоб не услышали родители.

– Что происходит? Почему ты забираешь Кирку и оставляешь меня? Куда ты его везешь? Как он сможет там без меня?

Усталость на его лице была безмерная, было видно, что он не спал несколько ночей, и скорее всего не ел тоже. Глубокая складка между бровями говорила, что он находится в постоянном напряжении.

– Не волнуйся. С ним все будет хорошо, о нем позаботятся мои родственники. Просто чем дальше сейчас Кира, тем я спокойнее.

– А если...

– Никаких если... – его лицо передернулось от страха за меня, – Ты будешь жить и воспитывать нашего сына. Адрес я тебе позже передам. Я хочу, чтобы вы некоторое время побыли в разных местах, а не в одном.

Не храни все яйца в одной корзине – кажется, так говорят? Он хотел поцеловать меня, но остановился на пол пути. Я знала, что так еще тяжелее уходить. Знала, но так соскучилась, что сама сделала те шаги, которые не смог сделать он.

– Ты мне когда-нибудь расскажешь, что происходит.

Он помотал головой и ухмыльнулся. Через пять минут я смотрела, как тот же джип увозит уже двух дорогих мне человечков. Я не знала, что сказать отцу и матери, после того, как Антон увез сына. Но странно, вместо расспросов была тишина. Мама, было, начала задавать их, но отец грозно на нее прикрикнул и недобро посмотрел на меня. На этом все закончилось. Подозревал ли он о деятельности Антона? Думаю, да.

Почти неделю я бесцельно бродила по родному городу, безумно скучая по сыну и мужу. Конечно, Антон звонил мне почти каждый день и рассказывал, как дела у Кирилла. О себе он молчал. Я молилась, молилась так, как никогда, но вряд ли Бог слышал меня, Он не будет помогать жене бандита. Иногда я задумывалась, убивал ли когда-нибудь мой муж? И никогда не отвечала себе на этот вопрос. Я боялась знать правду. Я боялась признаться себе в том, что живу с убийцей...

Под конец второй недели, мной завладела апатия и тоска. Мои родители прекрасно понимали, что что-то случилось в моей семье, но не лезли с расспросами, за что я была им благодарна. Они даже были настолько тактичны, что уехали на дачу к друзьям на пару деньков, тем самым давая мне время побыть одной. Целый день я слонялась по квартире в поисках какого-либо занятия, но ничего не находила. У мамы всегда было все в полном порядке. В конце концов, я бросила это бесполезное занятие и тоскливо уставилась в телевизор. Где-то около двенадцати часов ночи, на улице просигналила машина. Я подскочила к окну и радостно взвизгнула – машина Антона! Стремглав, я спустилась по лестнице, и готова уже была кинуться на шею мужа... и остановилась как вкопанная.

Из машины вылез Влад. Наш доктор. Я изумленно уставилась на него.

– Поехали, ты нужна Антону.

Я села в машину, собираясь спросить у Влада, что произошло, но наткнулась на его измученный и усталый взгляд. Выглядел он не лучше, чем мой муж накануне.

– Ты тоже не спал целую вечность? – это единственное, что я отважилась спросить у него. Он не ответил. Мы ехали несколько часов, а он молчал, меня начала нервировать эта тишина. Когда казалось, что терпению моему настал конец, Влад заговорил:

– Мы подъезжаем. Ему нужна твоя помощь сейчас. Он ранен.

– Он жив?

– Да, без сознания, ранение вскользь. Ничего жизненно важного не задето, но... потерял много крови.

Слезы выступили у меня на глазах.

– Чем я могу помочь, – простонала я – Что я вообще могу для него сделать?

– Он выживет, Лен, – сказал Влад с уверенностью, – Это я тебе как врач говорю.

Заверения Влада меня немного успокаивали.

– Ты-то как попал во все это? – невольно спросила я у него.

– Кто знает, как мы все туда попадаем? – пожал он плечами.

– Ты же врач, Влад...

– Да, врач, причем, очень хороший хирург. Моя клиника построена на деньги Антона, оборудование закуплено на деньги Антона. Все на деньги Антона. Это была моя мечта – собственная клиника. Я был хорошим врачом, но зарплата, в общем, сама знаешь...

Я утвердительно кивнула.

– Антон помог мне на первых порах, он даже не оформил клинику на себя, хотя там каждый гвоздь куплен на его деньги, он просто стал дольщиком, даже не партнером. Я должен ему и дело не только в деньгах. Я помогал его ребятам, вытаскивая из них пули. Теперь настал черед Антона. Он не просто очередной браток, он друг...

Я понимала Влада, он переживал, не имея право на ошибку. Вскоре мы подъехали к какому-то загородному дому, войдя туда, я поняла, что это не просто дом, а та самая скрытая

ото всех часть клиники, где Влад спасал жизни далеко не законопослушных граждан. Здесь был и Антон.

Зайдя к нему в палату, я пришла в ужас от его мертвенно-бледного лица. Куча трубочек, подсоединенных к нему и к аппаратам, которые я видела только в фильмах. Я беспомощно огляделась на Влада. Он обнадеживающе мне улыбнулся и слегка подтолкнул к кровати, на которой лежал Антон. Я подошла неровной походкой и взяла мужа за руку. Минут пять я молчала и тихонько всхлипывала. Потом меня прорвало: я говорила и говорила, не умолкая, говорила то, что возможно никогда не сказала бы ему раньше. Мне было все равно, слышит меня Влад или еще кто-нибудь. Для меня было важно, чтобы услышал он, чтобы услышал, как он нужен мне и Кириллу.

Влад зашил рану и перелил ему донорскую кровь, вроде бы, все прошло удачно, но Антон не приходил в себя. Я сидела ночами у его кровати и говорила, отрываясь на непродолжительный сон, за что Влад очень сильно меня ругал.

На пятый день, Влад почти силой оттащил меня от него.

– Ты сойдешь с ума, если не будешь спать или помрешь с голоду, если не будешь есть! Все, мы с тобой идем в кафе.

Кафе он называл буфетную больницы. Я настолько измучилась за эти дни, что легко согласилась. Мы сидели за столиком, я молча заглатывала пищу, даже не чувствуя, что я ем.

– Ты не представляешь, как я устала общаться с чужими людьми, которые уверяют меня, что с Кириллом все хорошо, – нарушила я молчание.

– Антон не отдал бы сына плохим людям, тем более это его родственники, – ответил Влад.

– Я хочу его забрать.

– Еще рано, еще ничего не кончилось, – сказал Влад и прикусил язык.

– Ты все знаешь и молчишь! – зашипела я на него.

– Антон запретил тебе это рассказывать, – попытался оправдаться он.

– Мне плевать, что он запретил! Я имею право знать, почему я и мой сын подвергаемся опасности!

– Наверное, ты права, – Влад опустил глаза, – В городе передел власти, прежнего хозяина скоропостижно отправили на тот свет и ...да, здравствует новый король!

– И кто же должен стать этим новым королем? Антон?

– Нет, – засмеялся Влад, – Сизов.

– Сизов... где-то я уже про него слышала...

«-Почему ты не сказала, что ты девочка Стрелка?

– Кого?

– Стрелкова Яна Валерьевича, прошел Чечню, наемником, в данный момент входит в бригаду Сизова, его правая рука»...

Ну, да.

– И за кого мы боеем? – иронично спросила я.

Влад снова рассмеялся.

– За Сизова, конечно.

– Сизов, Сизов... я ничего про него не знаю! Расскажи мне о нем.

– Антон точно меня убьет, – вздохнул Влад.

– Не убьет, кто потом так мастерски из него пули будет вытаскивать.

– Ну, хорошо, – сдался он, – Сизов Владимир Анатольевич, 65 лет, вор. На тюрьме получил кличку Кремень, но на воле она, почему-то, не прижилась. Из 65 лет 30 провел на зоне. В данный момент владеет крупным ресторанным бизнесом. Его правая рука Ян, по кличке

Стрелок, парень серьезный, себе на уме. В данный момент мы работаем на них. Общие дела, знаешь ли.

Да-а-а... Закрутилось то... Не думала я, что когда-нибудь встречу еще Яна. А в принципе, зачем мне с ним встречаться? Пожалуй, Антон прав, что увез Кирилла подальше отсюда...

– Больше ничего не скажешь? – спросила я Влада.

– Нет, я и так сказал больше чем нужно.

Как не уговаривал меня Влад отдохнуть в комнате для гостей, я все-таки снова пошла в палату к Антону. Половину аппаратов убрали, что говорило о том, что он идет на поправку. Я как всегда села возле него и рассказала ему, как прошел мой день и как дела у нашего сына.

– Мм... Занимательный рассказ, – от голоса мужа я вздрогнула и еле сдержала себя, чтобы не броситься ему на шею.

А в следующую минуту его слова прозвучали для меня как гром среди ясного неба:

– Девушка, а вы кто?

Я начала хватать ртом воздух, на мое спасенье в палату зашел Влад.

– Как себя чувствуешь? – спокойно спросил он, в то время пока я пыталась прийти в себя.

– Да вроде бы не плохо, док.

– А что с Ленкой не знаешь? Она как будто дар речи потеряла, – смеясь, спросил Влад.

– Понятия не имею... Я вообще ее в первый раз вижу.

В палате настала гробовая тишина.

Влад обследовал его и через непродолжительное время изрек:

– У него временная потеря памяти.

– Ну, ты знаешь, это известие явно облегчает дело, – съязвила я.

– Зачем ты так, мне самому не доставляет это никакого удовольствия, – обиделся он.

– Прости...

– Минуточку! – загорланил мой муж, – Кто вы такие, черт бы вас побрал?

– Неужели ты действительно ничего не помнишь? – я с тоской посмотрела на Антона.

Все как всегда, мне везет как утопленнику.

– Антон, это твоя жена Лена, я твой друг и врач Влад, а еще у тебя есть сын Кирилл, ему пять лет.

– Угу, – проворчал Антон, – А еще собака, кошка и злобная теща в придачу с дачей!

– Черт, да почему ты не можешь просто поверить! – взорвалась я.

– По крайней мере, недоверие к людям у него осталось, – сделал вывод Влад и покосился на меня, так как я злобно на него рыкнула.

Терпению моему должен был быть предел, и он настал. Сначала смерть любимого парня, когда мне еле стукнуло восемнадцать, потом Ян с его сногшибательной похожестью, теперь Антон, который сначала заставил меня выйти за него замуж, а теперь, когда я безоговорочно в него влюбилась он взял и как специально потерял память! Да, что ж это такое!

– Я ненавижу тебя, – сквозь зубы произнесла я, указывая на Антона, – И тебя, – мой взгляд переместился на Влада, – И, вообще, всех! Вы меня достали! Идите вы все к черту! Я заберу сегодня Кирилла и уеду из этого проклятого города!

Я пулей вылетела из палаты. Пока я чертыхаясь бежала по коридору, на меня оглядывались все – от редких посетителей, до обслуживающего персонала. Только очутившись на улице, я поняла, что до города мне добраться просто не на чем. Я была настолько зла, что не сразу заметила, что Влад бежит за мной. Когда заметила, было уже поздно, он догнал меня и схватил за руку.

Ничего себе, обычно инфантильный Влад проявил настойчивость!

Я пыталась вырвать руку, но к моему удивлению, мне это не удалось.

– Да, постой же ты наконец! – рявкнул он, чем поверг меня в очередной шок.

– Отпусти, – грозно произнесла я, но должного эффекта на него это не произвело.

Еще бы, слушать трехэтажный мат подстреленных бандитов и вытаскивать тем временем из них пули, это занятие не для слабонервных.

– Ты нужна, Антону. Нужна как никогда! Но опять сбегаешь! Ты не устала бегать от проблем? Ты как страус прячешь свою голову в песок. Твоему мужу нужна помощь, а ты ведешь себя как законченная эгоистка!!! – все это он проорал на одном дыхании, пытаясь повернуть меня к себе лицом.

Я в отчаянии плюхнулась на дорогу, понимая, что он прав.

– Я устала, Влад, – простонала я, – Я так устала от всего, а теперь еще Антон смотрит на меня как на врага.

– Лен, – он заглянул мне в глаза, присев на корточки возле меня, – Сейчас не время для паники, ему поможет только ты. Память он потерял не навсегда, это временно, и насколько быстро он все вспомнит, зависит от тебя. Проблема усложняется, тем, что вам нельзя сейчас домой, а там бы выздоровление пошло бы быстрее, но ты не должна его бросать. Потерпи, пожалуйста, потерпи.

Я кивнула.

– Влад, ты настоящий друг, возможно, единственный.

Мы вернулись в клинику, всю дорогу обратно к палате он поддерживал меня за руку, то ли боялся, что я упаду, то ли того, что сбегу. Но в палату я зашла одна. Антон лежал и настойчиво разглядывал потолок. Я не нашлась, что сказать, я не знала, как мне теперь вести себя, меня никто не проконсультировал как вести себя с больными амнезией.

– Зачем пришла? – он равнодушно посмотрел на меня, а я вздохнула.

– Я хочу помочь тебе все вспомнить, Влад сказал, что тебе нужна знакомая обстановка, но мы не можем сейчас вернуться домой.

– Почему?

И я рассказала ему все то, что знала сама. Антон смотрел на меня не просто подозрительно, а даже враждебно.

– Если я такой... гм... крутой бандит, – он усмехнулся, – То, по логике, ты не должна быть в курсе дел. Но ты знаешь. Я не верю тебе. Я не знаю, что за игру ты тут затеяла со своим другом, детка, но она мне НЕ ПРАВИТЬСЯ!

– Я и не была в курсе до прошлой недели! Пока не вытрясла хотя бы какую-то информацию у Влада! – заорала я на него.

– Ага, – опять усмехнулся он, – А Влад – значит доктор и по совместительству друг.

Я понимала, как это выглядит со стороны, но мне, во что бы то ни стало, нужно было вернуть прежнего Антона.

– Пожалуйста, поверь мне, наш сын очень скучает по тебе, он постоянно про тебя спрашивает... – я замолчала не зная, что еще сказать.

– А ты? – на меня смотрели насмешливые глаза.

– И я по тебе скучаю. Очень.

– Ладно, – пожал плечами Антон, – Я устал, мне нужно немного отдохнуть.

Не произнося ни слова, я вышла из палаты. Рядом с палатой стоял Влад.

– Как все прошло?

– Никак, – я тяжело вздохнула, – Он не просто ничего не помнит, он и ничего не чувствует. Как это возможно, ведь чувства невозможно забыть! Он с таким равнодушием и призранием со мной общается! Если только он... ничего ко мне и не испытывал никогда, – в горле встал ком, а в голове воцарился хаос.

- Скажи мне, когда это все закончиться?
- Потерпи еще месяц, недолго осталось.
- Моя семья страдает...
- Синица, не будь дураком! Если плюнешь сейчас на все, твоя семья пострадает еще больше.
- А если не поможет. ... Если они все равно решат... Черт, я даже думать об этом не могу, не то, что говорить.
- Успокойся, Антон, я слежу за твоей женой и сыном, с ними все будет в порядке.
- Я устал лгать им. Ленка смотрит на меня умоляющими глазами, а я смеюсь над ней, если бы я мог объяснить ей, что это игра.

Я устала. Я безмерно устала от беспроглядности нашего будущего. Антона выписали три дня назад, мы много разговаривали, я рассказала все хорошие моменты нашей с ним жизни, благополучно опустив плохие. Но ответом мне была либо равнодушная тишина, либо насмешка. Я даже включила вход «тяжелую артиллерию» – одела красивое белье, включила музыку, зажгла свечи... Он рассмеялся, заявив, что не прочь переспать, даже если это входит в мои коварные планы. Влад успокаивает меня и говорит, что все скоро нормализуется. Когда это «скоро» будет?

– Почему ты не рассказала о плохих моментах в нашей с тобой жизни? – раздался голос Антона.

Я замерла и посмотрела на него с надеждой в глазах

– Ты что-то вспомнил?

– Нет. Наверное, логично если у нас были не только хорошие моменты? – я уже начала привыкать к его насмешливому тону.

– Да, не только.

– Рассказывай.

– Какой смысл? Ты все равно не веришь тому, что я говорю, – я небрежно повела плечами.

Антон ухмыльнулся и ничего больше не сказал.

Мы спали в разных комнатах, я очень давно спала одна и с непривычки постоянно ворочалась и не могла заснуть. Вот так и в эту ночь сон не шел ко мне. Завибрировав, мой телефон осветил комнату и сообщил о приходе смс-сообщения. Я посмотрела на часы: первый час ночи. Кляня, на чем свет стоит отправителя сообщения я нехотя взяла телефон и начала читать. Номер телефона был незнакомым.

«Ты в опасности. Приезжай на дачу Сизова, прямо сейчас. Поверь, это в твоих интересах. Ян»

Меня охватила дрожь, не от известия об опасности, об этом я догадывалась, а от того, что придется увидеть Яна, словам которого я не верила, и тем более Сизова. Надеется, что Ян будет один, было бы глупостью. Они что-то знают. Они знают, что я знаю. И сейчас, когда Антон в принципе беспомощный ребенок против них, у них появился шанс расправиться с ним с помощью меня и, возможно, сына. Но об этом я даже думать не могла.

Наспех одевшись, я потихоньку прокралась к двери и бесшумно вышла из уютной квартиры, любезно предоставленной Владом на время.

Я хотела вызвать такси, хотя понятия не имела где эта дача точно находится, так в общих чертах. Тут мне просигналил светом фар черный ниссан. Сразу сообразив, кто это я неуверенной походкой побрела к машине. Через десять минут я была на даче Сизова, ужасно злая, что из-за тонировки стекал, я не смогла разглядеть, куда мы едем, хотя вряд ли мне это удалось бы

и без нее – ночь беспроглядная. Почему я решилась ехать? Возможно, потому, что еще надеялась, что еще смогу оказать влияние на Яна.

Шикарный особняк, куча охраны и Ян стоящий по среди двора – вот такая картина предстала у меня перед глазами. Он указал моим охранникам на беседку и сам двинулся в ее сторону.

– Самому не судьба была приехать, нужно было своих сторожевых псов посылать? – сразу же съязвила я, как только в беседке мы остались одни.

Он смотрел на меня без тени улыбки, и даже злости не было. Одно сожаление. О чем?

– Как ты могла выйти замуж за эту тварь? – с отвращением бросил мне он.

Мне стало вдруг жаль его, себя, Антона, всех нас. Мне захотелось все объяснить ему, чтобы он понял... Но разве смог бы он простить?

– Опять молчишь, – заключил он, – Ты всегда молчишь. Молчишь тогда, когда тебе больно, молчишь тогда, когда нужно говорить.

– Что ты хочешь от меня услышать, – устало проговорила я, – Что мне жаль, что у нас ничего не получилось, что мне жаль, что я не сказала все сразу, всю правду? Да мне жаль, но это ничего уже не меняет.

– Да, ничего не меняет, – словно эхо повторил за мной Ян и тут же его взгляд стал равнодушным.

– Доброй ночи, Леночка, – услышала я красивый мужской голос позади меня. К нам в беседку направлялся невысокий плотно сложенный мужчина в годах. По властной походке и на уровне интуиции я поняла, что это и есть Сизов.

– Здравствуйте, Владимир Анатольевич, – пролепетала я и неуверенно подала ему руку для пожатия.

– Мне очень жаль, что я не познакомился с вами раньше, дела не ждут, понимаете ли, – произнес он также дружелюбным тоном.

А мне то как жаль, прямо аж всплакну сейчас!

– Спасибо, что нашли время пообщаться со мной, Владимир Анатольевич, – я улыбнулась ему самой доброй улыбкой, на которую была способна. Сизов ответил мне не менее «искренне».

– Не стоит благодарности, ведь у нас сейчас с вами можно сказать одно дело. Я так понимаю, что вы уже в курсе некоторых дел, и это кое-кого очень сильно расстроило...

– Давайте напрямик, Владимир Анатольевич, я не маленькая девочка, не расплачусь, и удара сердца вы от меня тоже не дождетесь, – я была сама удивлена тоном высказанного мной, видимо, это от страха. На лице Сизова скользнуло изумленное выражение, но он тут же взял себя в руки.

– Антон нарушил одно из негласных правил, – поморщился он, – Не болтать...

– Он ничего мне не рассказывал, Владимир Анатольевич, – перебила я его.

– Это уже не имеет значения – кто вам рассказал, теперь это факт и многим он не по душе, я думаю мне не нужно продолжать для того, чтобы вы поняли, чем это может вам грозить.

Я замерла. Зуб даю, что это только косвенная причина. Заварилась эта каша совсем по другому поводу.

– У меня есть выход?

– Да, раз за это взялся я, – самодовольства у него было хоть отбавляй, – Антон сотрудничает со мной в одном деле, если пострадаете вы, то я предполагаю, сотрудничество закончится на этом, а Антон нужен мне на данный момент.

Теперь у меня внутри все похолодело.

– Владимир Анатольевич, я думаю, вы уже в курсе, что мой муж в данный момент, вряд ли сможет вам помочь.

– Поверьте, дорогая, его инстинкты не сотрет никакая амнезия, – хищная улыбка заиграла на его губах.

Инстинкты кого? Убийцы? Он что собирается использовать Антона даже в таком состоянии?

Резкие слова уже готовы были сорваться с моих губ, но Ян неожиданно прервал меня:

– Владимир Анатольевич наша гостья уже устала, все-таки ночь...

Сизов улыбнулся.

– Вас сейчас отвезут обратно, а я могу вам обещать только одно вашу защиту взамен на ваше молчание, попытайтесь хотя бы сделать вид, что вы ничего не знаете. Ах, да, совсем забыл, вы же имеете влияние на своего мужа? Не так ли, Елена Витальевна? Постарайтесь убедить его, что работать со мной ему выгодно.

Я кивнула, не в силах что-либо произнести, мою злость как ветром сдуло, мной завладел страх. Сизов вскользь высказал самую главную просьбу. Собственно, из-за чего и решил со мной встретиться.

– Спокойной ночи, – удовлетворенно сказал он и неспешной походкой вернулся в свой дом. Охрана потянулась за ним, и через минуту во дворе остался только Ян, да пару охранников за воротами.

Глазами полными страха я посмотрела на Яна. Он стоял в двух шагах от меня, в глазах полыхал огонь. Кого он ненавидит? Меня? Сизова? То, что Ян не испытывает к нему симпатии это точно, достаточно понаблюдать как он меняется в разговорах с ним. Это могут увидеть, и тогда ему грозит опасность, не меньшая чем мне. А может это просто мое больное воображение...

– Иди к машине, я отвезу тебя, – процедил он.

Я молча развернулась и пошла. Уже сидя в машине, я смотрела, как Ян суетится, выдавая охране у ворот команды. Почему-то сейчас я уже не видела сходства между ним и Лешкой, человеческая память очень коротка, по крайней мере у меня. Ян с завидным постоянством напоминал мне об обратном – он никогда не простит мне увлечение им из-за схожести с другим.

Через несколько минут Ян сел в машину, и мы поехали по ночной дороге. Мне вспомнился тот первый раз, когда он подвозил меня до дома. Тогда он был другим не таким уставшим и злым, не таким печальным.

– Ты изменилась, – сказал он тихо, вторя моим мыслям.

– Ты тоже.

– Нет, я такой, как и тогда, ты никогда не пыталась узнать меня! – бросил мне он.

Бессонные ночи, постоянный страх дали о себе знать – я разревелась.

– Прости меня, я знаю, что я была эгоисткой и думала только о себе, но я и так наказана за это, можешь поверить мне на слово.

Ян остановил машину и посмотрел на меня с огромной печалью в глазах.

– Почему ты вышла за него замуж? Лен, я не понимаю. Когда я узнал о твоей связи с ним, я просто сделал для себя вывод, что ты шлюха. Кто еще будет бегать от одного к другому? Но когда он женился на тебе я понял, что глубоко ошибаюсь, Сеница никогда бы не женился на тебе будь ты таковой. Но и это я могу понять. Я не могу понять почему ТЫ вышла за него?

– Это было давно, и уже не имеет никакого значения, – отмахнулась я.

– Нет, – жестко сказал он, – Для меня имеет. Я хочу знать, почему ты предпочла мне другого.

Я ошарашено на него уставилась.

– Ты в своем уме Ян? К чему ворошить прошлое, это ничего не изменит... Столько лет прошло...

– Ты не любишь его... – перебил он меня и осекся, наткнувшись на мой взгляд, – По крайней мере не любила тогда. И хотя ты кричала на всех перекрестках об обратном, я не верил тебе.

– Отстань от меня, Ян, и поехали уже.

– Пока не скажешь, с места не сдвинусь, – заявил он.

– Ну что за ребячество! – охнула я ни секунды не сомневаясь, что он именно так и сделает.

– Рассказывай, – с нажимом произнес он.

– Нет, Ян, – я посмотрела на часы, – Боже, Антон, наверно, с ума сойдет, если увидит, что меня нет.

– Как ты о нем заботишься, – с ненавистью произнес он, – Об этом жалком ублюдке, а ведь когда-то твой голос дрожал от желания в моих объятьях, и ты не думала о нем... – Ян медленно придвинулся ко мне, а я вся съезжилась.

– Ян, не надо.

Но он как будто не слышал меня.

– Может, повторим опыт? – сбившимся голосом спросил он скорее у себя, чем у меня. Я оказалась вжатой в переднее сидение, а Ян продолжал надвигаться. Меня охватила ярость, ярость на всех мужчин за то, что они бессовестно пользуются своим физическим превосходством.

– Почему вы все пытаетесь принудить силой?! – бросила я ему в лицо, не замечая, что уже кричу. Мое тело билось в конвульсиях от страха, напряжения и бессилия, внутри же меня просто сковало холодом. Перед глазами уже всплыла только одна картина:

темный подвал, трое зверей...

Сколько лет прошло, а я еще помню, даже не так, реакция на уровне автомата. Ян побелел, и вцепился в кресло, где я сидела, с такой силой, что я сама себе стала казаться маленькой и беззащитной еще больше, чем была раньше.

– Он взял тебя силой! – взревел он.

– Он шантажом притащил меня под венец! – бросила я ему в панике.

Ян замолчал, откинулся на свое сидение и завел мотор.

– Куда мы едем? – спросила я, пытаюсь прийти в себя, но это мне с трудом давалось.

– К нему.

– Ян!

Он снова тормознул машину на этот раз так резко, что я чуть не врезалась в приборную панель автомобиля.

– Что?

Я не стала смотреть на него.

– Это ничего не меняет, не изображай из себя героя освобождающего принцессу от злого дракона, уже поздно. Я люблю его. Теперь на самом деле.

Он больше ничего не сказал, довез меня до дома, где мы теперь жили, и на бешеной скорости умчался обратно.

Я потихоньку открыла дверь в квартиру и вошла. И чуть не подпрыгнула, когда увидела перед собой Антона. Бешеного Антона. Как оказалось, мои мучения еще не закончились.

– Пять часов утра. А ты где-то шлялась... Но меня больше интересует вопрос с кем ты была? – его голос был спокоен, даже через чур.

– А тебя не интересует почему? – с иронией спросила я.

– Да мне все равно! – крикнул он, теперь его взгляд был ледяным, – Я просто не знал, что женился на шлюхе! Этого вы мне с Владом не сообщили. Если я ничего не помню, детка, это не значит, что мной можно крутить, как хочешь.

- Откуда у тебя столько желчи и недоверия? – устало спросила я.
- Может ты и с Владом спишь? – бросил он мне напоследок и ушел в спальню.

Я прошла на кухню и дала волю слезам. Я не видела выхода из наших проблем, и то, что сегодня сказал Сизов, было проблемой...

«...его инстинкты не сотрет никакая амнезия»...

Я так долго убегала от этого, от осознания того, что Антон – убийца. И да, я вполне понимала Яна, как я могла любить его? Но любила. От этого становилось еще больнее. Мои плечи сотрясались от рыданий, я сидела на полу, обняв свои колени и опустив голову.

– Ты когда-нибудь убивал? – спросила я, почувствовав на своих плечах его руки. Он замер, но ответа я так и не услышала. Чертова амнезия, хотя он и без нее мне бы ничего не ответил.

– Сизов хочет тебя видеть, и если ты мне сейчас скажешь, что ты не знаешь, кто это, то иди к черту или к своему чертову другу Владу и у него спрашивай. А я уеду на несколько дней, мне нужно увидеть сына. Мне нужна хоть какая-то передышка.

Несколько минут молчания. А потом его убитый голос:

– Как хочешь. Позвони Владу, пусть приедет.

Неделя счастья с сыном, как же я по нему соскучилась! Кирилл стал лучше говорить, с увлечением рассказывал мне как они с тетей Аней и дядей Игорем ездили в лес собирать грибы. Я не могла наговориться с сыном, я в тысячный раз поблагодарила Аню и Игоря за заботу о моем малыше, и наконец-то удостоверилась, что он здесь действительно в порядке. Аня приходилась двоюродной сестрой моему мужу, они выросли вместе. Она давала моему сыну столько тепла и ласки, и в ее взгляде я видела ту обреченность, которая когда-то была у меня – бесплодие. Но я обрадовала их, рассказав про себя, и про клинику. А еще я выписала им чек на сумму лечения и незаметно положила вместе с запиской в карман халата Ани, так бы она не взяла. Я верю, что у них тоже, когда-нибудь появиться малыш. И, надеюсь, они разберутся куда идти с этим чеком. Для бывшего Союза это своего рода «ноу-хау».

Сидя на веранде их прекрасного дома, я наконец-то обрела покой, который в последнее время мне только снился. С тяжестью в сердце думала о возвращении домой. За всю неделю я ни разу не позвонила Антону, хотя набирала его номер раз тысячу, но тут же отключала. Один раз звонил Влад, чтобы рассказать, что все также, и он ничего не вспомнил.

Мой телефон снова запиликал, звонил Влад.

- Приезжай срочно, ты нужна здесь, – его голос был встревожен.
- Что случилось?
- Не телефонный разговор, скажем так у Антона ухудшения болезни.

Всю обратную дорогу, я размышляла. Я конечно не спец, но что значит ухудшения в амнезии? Когда я приехала, меня встретил Влад.

- Садись в машину, поедem к Сизову.
- Это еще зачем? – я даже не пыталась скрыть свою неприязнь.
- Потому что твой муж там и у него, по-моему, уже ум за разум зашел! – зло сказал Влад.
- Да, что случилось-то? – начала волноваться я.
- Сейчас поймешь.

При дневном свете особняк Сизова выглядел еще лучше, по воздуху витал призывный запах шашлыков, слышался смех, играла музыка.

Возле моего мужа стояла худосочная блондиночка и подпевала песне, льющейся из динамиков, а мой муж нагло ее обнимал, и даже глазом не моргнул, когда меня увидел.

«Твоя вишневая девятка, опять сигналит за окном,

Твоя вишневая девятка, ты полюби ее потом» ... – гнусавила блондиночка.

– Здравствуйте, Лена, – ко мне как гостеприимный хозяин подошел Сизов. – Мне очень жаль, что вы все узнали так, – он жестом указал на сладкую парочку: моего мужа и блондинку, – Я искренне разочарован, что Антон даже не попытался перед этим с вами поговорить, – он укоризненно посмотрел на Антона, – Поэтому я попросил Влада, позвонить вам, чтобы хоть как-то прояснить ситуацию.

Я слышала голос Сизова, но мои глаза пристально смотрели на мужа. Я пыталась понять – это злая шутка? Какой-то новый ход Сизова, которому подчинился Антон? В чем смысл? Кому я помешала?

– Антон, скажи мне...

– Тебе Вовка уже все рассказал, – холодный, насмешливый и чужой голос, этот голос не мог принадлежать моему мужу.

– Скажи мне сам, что я не нужна тебе, и я уйду, – мой голос был спокойным снаружи, а внутри он был просто ледяным, замороженным. Что это за жестокий розыгрыш? Или же мне, наконец-то, решили сказать правду? Может то, что он не любил меня никогда, а только играл со мной, как с куклой, и есть та истина?

– Извини, – он небрежно повел плечами, как будто отгоняя вредную муху.

«Извини» ... за семь лет жизни. Он только это мог сказать? Извини?

– А что мне сказать сыну, Антон?

Ни один мускул не дрогнул на его лице, все уставились на нас.

– Вы оба мне не нужны.

– Ну ты и подонок, – процедила я.

Больше я не хотела ничего слушать и не видеть этих лиц. Сизов выглядел скучающим, но на самом деле он был доволен, это читалось в его глазах, да он и не пытался это скрыть. Влад понуро бродил рядом с Антоном, жалкая собака! Меня здесь больше ничего не задерживало. Сквозь пелену слез, которые так и не закапали, но изрядно мешали мне видеть, я пыталась пробраться к выходу. Чья-то рука схватила меня за кофту и потянула на себя, я обернулась и увидела Яна.

– Остайся, – он сказал это нарочито громко, чтобы все слышали.

– Я больше не играю в эти игры, – ответила я ему.

– Остайся, прошу тебя, – что-то в его голосе заставило меня посмотреть на него повнимательней, и я увидела страх, безотчетный страх. Ян боялся за меня, боялся, что теперь, когда я не нужна Антону, Сизов уберет меня, как и многих других, чтобы не мешалась под ногами. Я каким-то шестым чувством осознала, чего именно боится Ян.

Мне нужно было жить, ради сына. И я осталась. Осталась, проклиная Антона и всю эту свару, которая заставила меня жить по их правилам. Ян не отходил от меня, держал за руку, или обнимал за плечи. Я молчала. Антон изредка смотрел в мою сторону, хотя слово смотрел, наверное, не подходящее, он либо обдавал меня ледяным взглядом, либо вовсе проявлял безразличие.

– Ты посмотри на этих голубков! Ян, не теряй зря времени! – дикий хохот дружков Сизова. Я даже не знаю, насколько нужно быть тупым и пошлым, чтобы думать, что я после того, как меня бросил муж, кинусь в чьи-то объятия! Но их недалекости стоило радоваться, потому что негласный план Яна удался – люди Сизова поверили, что у нас взаимное притяжение, и через некоторое время они донесут эту новость кому надо. Не нужно быть гением,

чтобы догадаться, что за Владимиром Анатольевичем стоят более серьезные люди. Сизов будет молчать. О, я уверена в этом. Ян нужен ему не меньше Антона. Только зачем?

– Ну, ты девка, даешь, – укоризненно смеясь проговорил мне Сизов, когда Ян наконец-то отошел от меня, – Соображаешь. Только учти, Ян мне как сын, обидишь... Парень давно бредит по тебе. Вот вы все такие, сучки, – что-то еще бурча под нос, он удалился, а Ян безмятежно улыбаясь увлек меня в глубь сада, где мы наконец-то смогли поговорить.

– Я боюсь за тебя. Боже, ты даже не представляешь, как я за тебя боюсь, – маска веселья слетела с его лица, как осенью листья.

– Теперь все в порядке, правда, твой Владимир Анатольевич, пригрозил мне немедленной расправой в случае, если я тебя обижу.

Ян даже не рассмеялся, как сделал бы это раньше. Он смотрел на меня влюбленными глазами.

– Можешь, не притворятся, люди Сизова нас не видят, – сказала я ему.

– А кто сказал, что я притворяюсь?

– О, Боже, Ян только не начинай, ты же вроде ненавидишь меня?

Он мягко провел рукой по моим волосам.

– Да, ненавижу и люблю, – согласился он.

– Прекрати ты наконец...

Он изменился в лице, и ярко улыбнувшись, почти не шевеля губами, сказал:

– За нами наблюдают.

Я даже не успела ахнуть, как губы Яна вонзились в мои, для большей убедительности я ответила. Минут через пять я оттолкнула его, справедливо предполагая, что уже давно никто ни смотрит.

– И кто ж так долго смотрел, явно надеясь на продолжение?

Ян смотрел на меня серьезно и как-то с жалостью.

– Твой м... Антон.

Я обмерла, мне захотелось сказать Яну, что он скотина, но я сдержалась. Он все сделал правильно. Антону на меня плевать. Он и пальцем не пошевелит, если меня даже на его глазах убивать будут. Он всегда был монстром, а теперь, когда потерял память, его животный инстинкт усилился вдвойне. Антона больше не было, его заменило чудовище.

Я шумно втянула в себя воздух, и сама впилась долгим поцелуем в губы Яна. Он оторопел от неожиданности. Я решила, что я сделаю это, назло ему, себе, пусть эти тупые братки думают, что я всего лишь безмозглая сука и не больше. Но Ян не был глупым, к моему сожалению, он отодвинул меня от себя.

– Я бы конечно мог, воспользоваться твоим предложением, но ты потом убежишь от меня как от чего-то постыдного в своей жизни.

– Ян...

– Так?

– Ян!

– Так или нет?

– Да, – я обреченно вздохнула.

– Значит, нет, – он улыбался мне как маленькому ребенку, сморозившему глупость.

– Я не хочу так, – добавил он.

– С каких пор ты такой сентиментальный?

– У меня было уйма времени, чтобы осмыслить, как я к тебе отношусь и что мне делать.

Мы вернулись в разгульную компанию. Веселье было в самом разгаре, кто-то травил пошлые байки, кто-то уселся играть в карты с девочками на раздевание, а кто-то начал выяснять отношения. Полный бедлам! Антон сидел на кушетке возле стола и наглаживал спину той

самой девицы. Глядя на их воркование, я умирала от ревности. Но Ян не давал мне сорваться и показать, что я на самом деле чувствую, он предупредительно держал меня за руку, и каждый раз, когда я готова была вцепиться в волосы блондинки, он сжимал мою руку так сильно, что от боли я приходила в себя. А потом он обнимал меня, и гладил эту же руку, извиняясь за причиненную боль.

– Где ты будешь сегодня ночевать? – спросил меня он заботливым голосом.

– Я не знаю, на квартиру я возвращаться не хочу, домой мне нельзя. Буду жить на улице! – весело заключила я.

Ян хмыкнул.

– Да, самое безопасное место, ничего не скажешь. Поехали ко мне.

Я ожидала этого предложения и молчала.

– Ничего не будет, – опередил он поток моих мыслей.

– Я не боюсь тебя, если ты об этом, – успокоила я Яна, – Просто странно все это, странно и противно. Я никогда не хотела такой жизни для себя, я считала таких как ты, Сизова и... Антона, – имя мужа мне далось с трудом, отзываясь болью в сердце, – Людьми с другой планеты, не понятными мне. А теперь меня окружают бандиты, я замужем за бандитом, мой семейный доктор тоже в принципе бандит. Дальше то, что? Как быть и выжить в вашем мире? Что я могу? Я вынуждена просить тебя, кстати, тоже бандита, о прибежище! Я не могу вернуться в свой дом. Я не могу быть с сыном, иначе подвергну и его опасности...

– Ты же знаешь, что не в тягость мне. Ты можешь оставаться у меня столько, сколько тебе понадобится, – нежно произнес он, – Тем более нам как-то надо поддерживать легенду о том, что мы вместе.

Я согласилась с ним, прекрасно понимая, что все, что я делаю начисто лишено разумности. Но выхода не было.

Я искала и не могла найти. Я обошла весь этот огромный дом, вдоль и поперек, я отчетливо слышала его смех, но петляла как в лабиринте. Я позвала его.

– Антон!?

Но ответом мне была тишина. Почему он построил такой большой дом! Зачем он нам! Я спустилась вниз по лестнице, и с ужасом обнаружила, что я в подвале. Я ненавидела подвалы!

– Антон, за что ты так со мной! Я боюсь, пожалуйста, открой эту чертову дверь! Я не выживу, я просто не вынесу это еще раз! Лучше убей меня сразу!

Звук открываемой двери, шаги. Я обернулась. Их было трое. Смех, мерзкий, ужасный...

Я вскочила в холодном поту, задыхаясь, мое лицо было мокрым от слез. Почему я опять вспомнила тот кошмар? Я когда-нибудь избавлюсь от него? Каждый раз, когда в моей жизни происходили неприятности, мне снился этот сон – отголосок прошлого. Из того дня я ничего толком не помнила, отдельные картинки мелькали в моей памяти и исчезали так же внезапно, как и появлялись. Я почувствовала напряжение в теле. За мной кто-то наблюдал, мои глаза постепенно привыкали в темноте, и я разглядела Яна, сидевшего в кресле. Он не спал, смотрел на меня пристально, не отрывая глаз.

– И давно ты тут? – мой голос прозвучал хрипло.

– Достаточно давно, чтобы понять какое чудовище твой муж, – стальной голос Яна заставил меня вздрогнуть.

– Я не понимаю...

– Ты разговариваешь во сне, – пояснил он, – Тебе никто этого раньше не говорил?

– Нет.

– Что он сделал с тобой? – Ян наклонился ко мне, отрезая путь к побегу.

– Это просто сон...

– Ты меня не проведешь, – он начал метаться из угла в угол, – Почему ты такая упрямая! Я просил тебя не связываться с ним. Я говорил тебе, что он за человек, если конечно его можно так назвать!

– Хватит читать мне нотации! – заорала я на него, – Все что было плохого у меня с Антоном, это в прошлом, он ничего со мной не сделал. Наша с ним жизнь тебя не касается.

– Как ты можешь его любить!

– Ради него я вернулась с того света! Ради него и сына!

– Ленка...

– Мне очень жаль! Я не могу ответить тебе взаимностью, я до сих пор люблю это чудовище, я делаю себе больно, но ничего не могу с собой поделать, уж ты-то должен меня понять!

– Но ведь когда-то у тебя были чувства ко мне! Не отбирай у меня хотя бы надежду, – его взгляд уставшего, отчаявшегося человека заставил меня замолчать.

Спустя несколько лет, я продолжала причинять боль Яну, а вот Антон легко избавился от этой болезни. Может и Ян найдет себе тупую блондиночку и будет счастлив?

Я тяжело вздохнула.

– Я хочу спать. Уходи.

С утра меня разбудила настойчивая трель телефона. Интересно, где этот чертов телефон, я в чужом доме и понятия не имею где он находится.

На мое счастье его взял Ян.

– Привет, Вик! – прозвучал его веселый голос, – Да нет, все в порядке, да она еще спит... Нет, я не буду ее будить и мне плевать, что ты хочешь ей сказать... Вика, перестань, – продолжил Ян, более пониженным тоном, – Я не маленький мальчик, чтобы не понимать этого. Вик, мы просто друзья, как раньше... а ты их больше слушай... Вика, только для них мы действительно любовники, не проболтайся. Все, пока.

Мне до жути не хотелось вставать, и что-то делать, но на сегодня я запланировала поехать к сыну на пару деньков. Ян ходил по квартире в хорошем расположении духа и что-то себе там насвистывал. Опять раздался звонок телефона, и я рухнула обратно на подушку. Семь утра. Кому не спиться в такую рань?

Ян, чуть ли не пританцовывая, подошел к телефону.

– У аппарата, – ответил он звонившему, дожевывая бутерброд. На том конце говорили долго, и по мере этого, лицо Яна менялось, он снова превратился в того Яна, которого я видела в доме Сизова – серьезного и угрюмого. Не нужно и гадать, кто звонит. Все-таки я не понимаю Яна. Зачем работать на человека, которого ты либо недолюбливаешь, либо боишься? Хотя в том мире увольняют по-другому.

Я закрыла глаза, притворяясь спящей. Ян подошел ко мне и нежно погладил по голове.

– Вставай, соня. Нас Сизов ждет.

Я мигом открыла глаза и встревожено посмотрела на Яна.

– Все в порядке, все поверили в наши отношения, только я так полагаю Сизов хочет, чтобы мы отметили это дело.

– Сизов хочет, – передразнила я, – А он вчера еще не «наотмечался»?

– Он решил почитать мне нравоучения, с пристрастием, – гоготнул Ян.

– По поводу?

– На тему «Любовь – это хорошо, а про работу забывать не нужно».

– Сволочь, твой Сизов, поспать не дает!

Через час при полном параде мы были у «босса». Я безучастно сидела и рассматривала ландшафт, пока Ян и Владимир Анатольевич решали свои дела.

Но после того, как Ян запрыгнул в машину и умчался, а я осталась один на один с Сизовым мне стало не по себе. А он как на зло не хотел забывать о моем существовании.

– Лен, поговорить надо, – вкрадчивым голосом начал он.

– Я слушаю, Владимир Анатольевич.

– Вот... – казалось, он не знает с чего начать, он вытащил какие-то бумаги из кейса и передал их мне.

– Что это?

– Бумаги о разводе, ты должна их подписать, и еще Антон оставил сыну квартиру, в которой вы жили.

Я молчала и держала эти проклятые бумаги в руках. Сизов участливо протянул мне ручку, и я в каком-то сне подписала их.

«Это ненадолго, я обещаю»...

Когда-то, не так давно, Антон пообещал мне, что кошмар закончиться. Но он только начинался.

Глава 4. Ян.

Ложь убивает любовь, а откровенность убивает ее еще быстрее.
Абель Эрман

Как неумолимо бежит время, и как мало изменилось за эти несколько лет. Я думал, что ненавижу ее, я хотел ее ненавидеть, призирать, и мне почти удалось убедить себя в этом. Пока Сизов не упомянул о том, что ее могут убрать. Вся надуманная ненависть рассыпалась в прах, я испытал ужас от осознания того, что могу потерять ее. Да, она не была моей, но я мог хотя бы видеть ее изредка и издалека. Каким же я был дураком, убеждая себя, что я наблюдаю за ней только потому, что ненавижу и желаю ей смерти. Смерть стояла рядом с ней, но теперь я не был ее союзником. Пусть это звучало громко и с пафосом, но сути не меняло.

Сизов видел много, возможно слишком много из того, что я не хотел показывать. Он предложил мне единственный возможный вариант – ее спасение взамен на молчание и полный контроль с моей стороны. Если бы он знал, что тем самым он дарил мне и рай, и ад. Находиться рядом с ней и не иметь возможности дотронуться...

Она приехала к Сизову с виду воинственная, на самом деле перепуганная до смерти. Она приехала ради него. ... Ни одного человека я не ненавидел так сильно как его. Антон... Синица. Я мог бы многое рассказать ей о нем, но я молчал. Это причинило бы ей боль, но может лучше так?

Когда она бросила мне в лицо, что любит его, я испытал острую боль, будто пуля прошла сквозь меня. Я даже не мог вспомнить, было ли мне когда-нибудь так больно?

Но я был согласен испытывать эту боль вечно, лишь бы она не испытала то, что испытала через неделю после этого. Антон с ледяным взглядом, обнимающий очередную... Мне было плевать на него, на его чувства, но я дорого бы отдал, чтобы оградить ее ото всего этого.

Это убило ее. Она пыталась справиться с этим, но я видел... Я буквально кожей ощутил, все, что она чувствовала. И, да, Боже, прости, я был рад, что она больше не нужна ему, что это чудовище наконец-то выпустило ее из своих когтей. Я ликовал не больше минуты, пока не увидел глаза Сизова, в которых прочел смертельный приговор ей. Теперь он мог спокойно убрать и ее и ее отца. Может быть, я не прав, что маловероятно, поэтому не перестраховаться я не мог.

Решение пришло мгновенно.

– Останься, – я сказал ей это так, чтобы она поняла, что это не просто моя прихоть.

– Я больше не играю в эти игры, – ее безжизненный голос в ответ.

– Останься, прошу тебя...

И она осталась, возможно, потому что поняла, что я хотел ей сказать.

Да, она поняла, а я разрывался от боли и отчаянья, глядя на нее. Она мучила себя, ловя каждый взгляд Антона, смотрела, не отрываясь, на то, как он обнимал и целовал другую. Моя бедная мужественная девочка! Я не смог бы наблюдать, будь я на ее месте. Но она все выносила. Для чего? Что она хотела понять, увидеть? Я заслонял ее от ее же горя как мог, я сдерживал ее ярость, я пытался приглушить боль. Я надеялся, что хоть как-то смогу помочь ей.

Господи, почему ты так жесток к ней? Ведь даже я смог понять и простить ей ее поступок. Я больше не держал на нее зла, я не понимал даже почему ее ложь о том, что я похож на ее погибшего парня, довела меня тогда до безумия, до ненависти, возможно уже тогда я безумно ревновал ее ко всему, даже к призраку. Понял слишком поздно. Тогда я четко дал ей понять, кто она и как я ее ненавижу. Она не стала искать доказательств моих слов, и я потерял ее.

Теперь, уж не знаю за какие такие заслуги, мне, возможно, давался еще один шанс. Я не хочу больше ее терять. Мне даже стало вдруг все равно, видит ли она во мне другого. Да,

даже если так, то, что я сделаю на этот раз? Все стерто, все забыто: он, я... для нее есть только Антон. Этот мрачный монстр, наводящий ужас даже на видавших все парней. Я много слышал историй о нем, и все они были разнообразны, но одинаковы в одном – жестокость, не знающая границ. Я знал о нем такое, что навсегда бы отвратило ее от него. Но молчал. Я даже не мог представить, как она была с ним, да и не пытался. Один раз я совершил такую ошибку – представил ее в его объятьях – я разгромил все, что мне попало под руку, чуть не покалечил Вику, за что себя никогда не прошу.

Все поверили в наш фарс. Лена как могла, улыбалась мне, и призывно тянулась. Все поверили. Все, кроме Сизова. Но он не тронет ее теперь точно. Я не позволю, даже если за это мне придется расплатиться не только своей жизнью... Господи, что я делаю? Но иначе я просто не могу.

Я увлек ее вглубь сада, а эта девчонка попыталась соблазнить меня. Назло ему. Дурочка, маленькая, глупенькая, но любимая...

Я столько раз представлял, как привожу ее в свой дом, и вот она здесь. Спит, как ангел. Мой персональный ангел. Она начала разговаривать во сне, выкрикивала его имя, умоляла отпустить ее или лучше убить. ... После этих слов она проснулась, а я на мгновение потерял дар речи. Что это? Она опять врет мне, что любит его? Или врет себе? Что он с ней сделал? Она так и не призналась мне. Да и честно, я не уверен, что выдержу правду.

Я задумался и не заметил, как эта чертова пробка рассосалась, и путь был свободен. Легко вздохнув вечернюю прохладу, я мчался на всех порах к ней. Послать к черту этого Сизова и увести ее куда-нибудь, а не заставлять ее общаться с ним. Но мне нужно было уехать. Прошел целый день, как я ее оставил. Завернув на знакомую дорогу, я приготовился к встрече с ней. Наконец-то нет Антона, нет ничего, и даже если она не любит меня, то никто не может мне запретить надеяться на это.

Встречать меня вышел Сизов.

– Где она? – я волновался за нее, оставляя ее здесь в этом логове.

– В доме, – я направился туда, но голос Сизова заставил меня остановиться, буквально замереть соляным столбом – Антон оставил ей бумаги для развода, она уже их подписала.

Я бегом поднялся по лестнице. Гнусная мразь! Не мог подождать пока она придет в себя, решил добить ее окончательно.

Она сидела в гостиной на диване, совсем по-детски, поджав под себя ноги, и смотрела в одну точку.

– Милая, мне очень жаль... – сказал я ей как можно более мягким голосом, пытаюсь умирить собственную ярость.

– Правда жаль? – сквозь отчаянье вырывалась ярость.

– Правда, только его я теперь не пожалею.

Она вздрогнула и посмотрела на меня своими чистыми как у ребенка глазами. Я всегда пасовал перед этим взглядом, только она умела так смотреть.

– Не надо. Не трогай его, пожалуйста.

Я сел с ней рядом и обнял, она, будто ждала этого, прижавшись ко мне всем телом, Лена откинула голову назад и, печально улыбнувшись, сказала:

– Спасибо, что ты рядом, рядом не смотря на все плохое, что я тебе сделала.

Я смотрел на нее, не отрываясь, с надеждой, с любовью, которую уже не мог скрывать. Да и зачем?

Сделала... Я поступил хуже, буквально швырнув ее в объятия другого. Она думала, что она монстр и чудовище и виновата во всех смертных грехах, она винила себя, я это видел. На самом деле она не знала, что она самый добрый и отзывчивый человек в мире. Плохого я повидал много... Особенно там...

Я вспоминал Чечню уже не так часто, как раньше, но воспоминания до сих пор были яркими и причиняли ноющую боль. Я не знал, чем можно ее заглушить – алкоголь не помогал, я быстро отказался от этой идеи, наркоту я в принципе не уважал, слишком много таких как я превратились, благодаря ей, в нелюдей, зверей...

... На дорогах Ингушетии мы встречали много российских патрулей, как только мы пересекли границу Чечни, капитан-майор Сивушев сразу предупредил, что здесь наших очень мало. Вооруженных людей полно, но это исключительно чеченцы.

Полный хаос в эшелоне власти. По-другому это назвать было просто невозможно. В Мескер – Юрт местные власти еле подавили бунт среди мирных жителей, грозивший перейти в восстание... Мирных? Ха! Они требовали наказание для двух наших солдат, которые, по их словам, расстреляли чеченскую семью из 5 человек, проводя местную зачистку...

В эту ночь она спала тихо, не разговаривая. Я не спал, я не мог спать, хотя и пытался. Меня тянуло к ней, и дело даже не физическом притяжении, я желал ее видеть, слышать, ощущать каждой клеточкой своего тела. Она словно околдовала меня. И если раньше до того, как ей начала грозить опасность я не обращал внимание на постоянно ноющее сердце, с годами научившись отключаться от этой боли, то теперь, когда не было смысла больше притворяться, мои чувства к ней разгорелись с новой силой.

В эту ночь, как и в предыдущую, я смотрел на нее, смотрел, боясь даже на один миг оставить, потратить время на ненужный сон. Как я мог ее оставить тогда? Сейчас я не понимал этого, я осуждал сам себя, но уже не переиграешь. Чувство, которое возникло у меня к ней с первого взгляда, со временем стало только сильнее.

Она проснулась рано около семи часов, я закрыл глаза и притворился спящим. Не хочу, чтобы она знала, что я не спал. Она крадучись пробралась на кухню, я улыбнулся. Я уже хотел встать и пойти к ней, как услышал, как она кому-то звонит.

– Алло, Влад... – сказала она приглушенным голосом, – Да это я. Ты можешь мне объяснить, что происходит? ... Я не понимаю. ... За что он так со мной? Передай ему, я подписала бумаги о разводе.

В следующую минуту я услышал, как она тихонько всхлипывала. Мне стало больно. Я лишний раз убедился, что я не нужен ей и уже дикая мысль влезла мне в голову. ... Выгнать, прогнать, чтобы не видеть ее любви к нему, чтобы не было так больно... Ну а потом я увидел перед собой картину, как наяву: ехидная улыбка Сизова, пистолет в его руке, и Лена смертельно бледная со стеклянными глазами... От этой мысли мне стало еще хуже. Вот таким она меня и увидела – с перекошенным лицом и лютой ненавистью в глазах. Она вздрогнула и отступила назад.

– Ян... Я что-то не так... Боже, ты слышал мой разговор? – последние слова она просто-начала и начала покусывать нижнюю губу.

– Да, слышал, – мой голос не был моим. Боже, я же наверняка пугаю ее своим видом! Но я не смог ей ничего сказать, пытаюсь справиться с нахлынувшими видениями.

Она стояла и смотрела на меня испуганными глазами. Я наконец-то смог справиться со своими эмоциями и, глубоко вздохнув, попытался улыбнуться ей. Видно вышло у меня это скверно, потому что она испугалась еще больше.

– Ян, не смотри на меня так, ... пожалуйста, – пробормотала она.

– Я вовсе не на тебя злюсь.

– Сизов? – проявила она сообразительность.

На этот раз я даже не пытался, справился с эмоциями, и недобро улыбнулся.

– Ян, почему ты на него работаешь? – решительно спросила она, но тут же смутилась, – То есть я хотела сказать... Ты ведь, мягко говоря, недолюбливаешь его. ... Зачем?

Что я мог ответить ей? Сказать правду я просто не имел права.

– Не все так просто, Лена, – чуть ли не выкрикнул я.

– Извини, я совсем забыла, что у вас просто так не уходят, – с горечью произнесла она. Я обнял ее, я даже не мог дать гарантии кто сейчас в этом больше нуждался я или она.

– Не бойся, слышишь? Ничего не бойся рядом со мной. С тобой ничего не случится.

– А с Кириллом? – спросила она, чуть ли не плача.

– И с ним тоже.

– Ты наверно не хочешь защищать его ребенка, – это было утверждение.

– Это твой ребенок. Не имеет значение кто его отец.

– Так уж не имеет? – усмехнувшись, спросила она.

Я покачал головой и еще сильнее прижал ее к себе. Разве это важно, если любишь женщину?

– Я хочу забрать Кирку.

– Нет, ты подвергнешь его опасности, только редкие телефонные разговоры и то не долго. Она тихо заплакала у меня на плече.

Прошла неделя, все окончательно уверовали в наши отношения, даже слышались такие разговоры, будто мы были любовниками еще со дня ее свадьбы с Антоном. Пришла бумага, подтверждающая, что теперь она свободна. Я должен был радоваться, но не был рад, смотря, как она плачет над этой бумажкой. Мы много разговаривали, хотя она не хотела, я просто не давал ей уйти в себя и мучиться одной. Сизов больше ее не беспокоил, это меня радовало. Но я знал, что, если сейчас я отпущу ее, на нее просто накинутся, как голодные собаки на кость и уничтожат, как ненужный носитель информации. То, что теперь она не нужна Синице отнюдь не спасало ей жизнь. Я бы даже сказал наоборот – освобождало путь к дальнейшим действиям.

Сизов дарил мне рай, сам того не понимая. Я находился рядом с ней. Находился рядом с ней и мучился как в аду. Но я ни за что не променяю этот ад на бездушное спокойствие без нее.

Утром меня разбудил телефонный звонок, к которому Ленка подскочила как сумасшедшая.

– Да! – крикнула она в трубку, по всей видимости, ее тоже вытащили из так называемого спасительного сна.

В следующие моменты я слышал только тишину, меня насторожило это, я поднялся и прошел на кухню, где был телефон.

Она стояла бледная, а с глазами у нее творилось такое, что я испугался.

– С кем ты разговариваешь? – закричал я на нее. – Это он? – я тряс ее, а она молчала и судорожно сжимала трубку, в которую даже не вслушивалась уже. Я отнял у нее трубку и рявкнул:

– Синица! Ублюдок, если ты еще раз позвонишь сюда, я тебе башку враз откручу!

– Это не Антон, где Лена? – ответил мне незнакомый голос.

– Кто ты такой и что ты ей сказал? – глухо прорычал я.

– Я Влад, – произнес голос на том конце трубки.

– Не Антон, так его прихвостень... не звони сюда...

– Послушай! Это важно. Возможно, важно не для тебя, но для нее.

– Давай встретимся, – сказал я, после секундного раздумья и вздохнул.

– Нет, не могу, не безопасно. Если Сизов узнает мне не сносить головы. Я ей уже все по телефону объяснил.

– Ага, я вижу, – зло бросил я ему, глядя на Ленку, – Нет никакой гарантии, что его не прослушивают. Давай, шавка ты дворовая, мне теперь рассказывай.

И он рассказал. Меня это не удивило, но я представлял, каково ей это было услышать. Все как я и предполагал. Сизов дал Синице задание, прямо скажем не из простых – убрать главного конкурента. Только проблема была в том, что конкурентом был отец Ленки. Только о деятельности своего отца она ничего не знала, до этого момента.

Я сказал спасибо за информацию Владу, и, положив трубку, посмотрел на нее.

– Девочка моя... – прошептал я, мне хотелось ее обнять, но я сдержался.

– Ты знал, чем занимается мой отец?

– Да.

– Почему...

– Ты бы поверила мне? – прервал я ее. – Ты поверила, если я бы тебе сказал, что твой отец не крупный бизнесмен, а бандит? Начинал он еще при Советском Союзе, да и называлось это тогда совсем по-другому.

– Нет... Ян он же знает моего отца... Неужели... Он знал все с самого начала...

Она боялась ответа, а я не хотел говорить ей его.

– Я должна остановить его, – сказала она через минуту, которая показалась мне вечно-стью. И тут она посмотрела на меня так, что будь у нее в руках пистолет, я бы всерьез опасался за свою жизнь.

– Ты знал кто мой отец, Сизов твой хозяин заказал его. Вы оба и ты, и Сизов знали, чья я дочь. ... И Антон тоже... Вы все знали с самого начала... Два претендента на новую корону, один из них Сизов, а другой мой отец. Теперь я понимаю желание Антона держать меня при себе, и вся любовь ко мне – ложь, ваш хозяин решил, что не плохо бы привязать меня к Антону, а что может быть лучше, чем брак? Впоследствии я должна была сделать из папочки не конкурента, а партнера. Но Антону видно все осточертело, и снова ваш благодущный хозяин освободил его от меня, а я спокойно перекочевала к тебе... Сизов решил воспользоваться ситуацией, не доводить все до крайностей и уложить меня к тебе в постель, чтобы не терять возможности заполучить врага в свой стан, но просчитался, времени в обрез и силы не те, да? И вот на сцену выходит мой муж так называемый, который должен выполнить вторую часть плана, если первая прогорела – убрать моего отца. Не плохо продумано! Поздравляю! Только после того как уберут моего отца, моя жизнь будет не дороже туалетной бумаги.

Я не мог поверить своим ушам. Она думала, что я использую ее, когда я может быть единственный человек, готовый отдать за нее свою жизнь.

– Ты городишь чушь! – резко сказал я ей.

– Да? А по мне так все правда!

– Ты причисляешь меня к этим ублюдкам? – я больше не мог сдерживаться, я ненавижу Сизова, эту свинью, с его хитроумными планами свести весь мир в могилу, она все равно догадывалась об этом, так какой смысл скрывать.

Лена внимательно посмотрела на меня, ей хотелось поверить мне.

– Если это не так, то ты pomoжешь мне, – вынесла она свой вердикт.

– Помогу, – я тяжело вздохнул. Ну, ладно я, но она-то куда влезает? Папочкины гены...

Она взяла трубку телефона и набрала номер.

– Папа, мне нужно поговорить с тобой. ... О твоём бизнесе, папуля! – заорала она, – Я у Яна, только тебе он скорее известен как Стрелок! – и кинула трубку.

– И что ты делаешь?

– Спасая своего отца, если ты не заметил! Он уже едет, ... так что время у нас есть пока.

Я покачал головой, неизвестно, сколько у нас времени... Никто не знает, когда Антон будет выполнять свой заказ... Может быть сейчас...

– Позвони ему, – как будто прочитав мои мысли, попросила она, – Назначь встречу... Меня он не будет слушать.

Я набрал номер Сеницы, и минуты три слушал гудки. Я ничего ей не сказал, она сама поняла.

Весь вечер она ходила из угла в угол, я сам себя чувствовал не лучше, но сейчас нужно было дождаться ее отца.

– Только полегче с ним, – попросил я ее.

– Да, толькоогрею пару раз сковородкой за продолжительное вранье семье и все, – съязвила она.

Иногда я восхищался ее мужеством, как, например, сейчас. Другая бы на ее месте растерялась бы, Ленка не ждала у моря погоды, а брала ситуацию в свои руки.

В двенадцать ночи явился Казанцев Виталий, в миру известный как Святой (кличкой такой он обзавелся за душевную доброту к бездомным деткам, перечисляя кучу денег в детские дома), а попросту Ленкин отец.

Смотрел на нее хмуро, и добродушия не выказывал, а когда меня увидел, то и вовсе позеленел от злости, предполагая, что именно я рассказал его дочери правду. Были у нас когда-то с ним общие дела, поэтому со мной знаком он был.

– Ну? – грозно спросил он у нее. Хотя, по моему мнению, грозной должна была быть она. Ленка за словом в карман не полезла, и, воспылав праведным гневом, сказался характер родителя, высказала ему все, что она о нем думает. Виталя растерялся и уставился на меня.

– Не я ей рассказал, Виталий Данилович, – сказал я, вздохнув, посмотрел на Лену и понял, что посвящать его в дела она не собирается, из вредности конечно. Казанцев кивнул:

– Понятно, доброхоты без тебя нашлись, бошки им что ль открутить...

– Как ты мог! – бросила ему Лена – Мама тоже не в курсе?

– Мать знает. Замуж за меня выходила, знала за кого идет.

Лена побледнела.

– Так вы в сговоре? Какого черта вы от меня скрывали? – потом махнула рукой и добавила – Хотя я сама не лучше, за столько лет могла бы заподозрить, поинтересоваться...

– Не причем ты тут, – бросился он ее успокаивать, – Мне Иринка, когда сказала, что тобой беременна, я сразу решил, что ничего ты знать не будешь. Будешь жить и в масле кататься. Мы тогда еще решили, что ничего тебе не скажем. И другим я запретил тебе даже намекать, иначе головы быстро полетят... Не хотел я посвящать тебя во всю эту грязь, раз сам по глупости в ней измазался по уши.

– Папа, – простонала Лена, – Да ты от меня жизнь скрывал, приукрашивал. Я в розовых очках ходила, пока с Антоном не встретила. А потом как по накатанной пошло и поехало... Знал ты про Тошку?

– Знал, – ответил он ей тихо. – Хотел сначала воспротивиться вашей свадьбе, а потом вспомнил себя с матерью... И не стал.

Ленка заметно погрузнела, а я начал злиться, потому что вспоминала она сейчас не прекрасную свадьбу, как думал ее отец, да и сам я, до недавнего времени думал также. Он заставил ее – теперь в этом сомнений нет.

Как после всего этого она могла влюбиться в своего мужа?

– Папа, – начала Ленка, но замолчала, а потом со стоном ко мне обратилась – Ян, расскажи ему... Не могу я...

Я рассказал, что Сизов удумал и кого киллером поставил.

– Лен, что-то я ничего не понимаю. Он же... Как это? – растерялся Казанцев. – А ты-то, что с ней? – обратился он уже ко мне.

– Развелась она с ним недавно, сами ничего толком не понимаем, – ответил я ему, так как Ленка продолжала молчать. – Люблю я ее, – ответил я ему уже на второй вопрос, а Лена посмотрела на меня зло и удивленно.

– Угу, – кивнул в какой-то веселости ее отец, – Еще один. Ладно, – махнул он рукой, – Спасибо за информацию. Разберусь, – и к выходу направился.

А Лена кинулась за ним, и на руке его повисла.

– Папа, не трогай Антона, он ничего не помнит, а Сизов решил воспользоваться, чтоб мне свинью подложить, тебе, то есть. Не помнит он ничего, не знает. После ранения память начисто отшибло, сына родного не узнает. Ты лучше себя защити как-нибудь и Сизовым займись. Я сама с ним разберусь.

– Кириллка где? – грозно спросил ее отец.

– У его родственников. У двоюродной сестры.

– Адрес дай, скажу, чтоб забрали и понадежнее спрятали. Не вой, – сказал он ей, видя, что слезы из глаз так и брызнули, – Отправлю вместе с матерью, чтоб тебе спокойней было. С Антоном ты разберись, – сказал он уже мне, отцепил Ленку от руки и ушел.

Ленка носом шмыгнула и на меня уставилась.

– Собирайся, поедем Антона искать.

От имени ее благоверного меня слегка передернуло в очередной раз, но отпускать ее одну я вовсе не желал, поэтому через полчаса мы уже ехали в направлении ресторана, где Антон был завсегдатаем в последнее время. Я сказал ей посидеть в машине, делать этого она, естественно, не желала. Посмотрел на нее я так, что осталась она сидеть на месте. Честно говоря, не ожидал я от нее такого послушания, и заподозрил, что с Синецей видеться она боится, вернее не с ним, а с тем, что он ей скажет.

Спокойным шагом я зашел в ресторан. Там сидела вся его компания, но Антона среди них не было. Я поздоровался с парнями и начал выпрашивать. Через непродолжительное время я узнал, что Антон дня три назад как пропал, друзьям не звонил и не объявлялся. А Маугли как-то противненько мне намекнул:

– Схоронился Синеца где-то. Переживает он из-за своей бабы. Или уже твоей?

В ответ я ухмыльнулся и распрощался. Вернувшись в машину, я нехотя пересказал все Ленке.

– И что теперь делать? – всплеснула она руками, и взгляд такой безнадежный стал, что мне захотелось прижать ее и отгородить от всех мыслимых и не мыслимых бед.

– Тебе домой ехать, спать, а я поищу.

– Я с тобой поеду, – чему-то испугалась она.

– За ублюдка своего боишься? Думаешь, уокошу его, когда найду?

Глаза ее стали печальными и слезами заволокли, но я ничего с собой поделывать не мог, такая меня злость взяла.

– Зачем ты так, Ян? – тихо спросила она меня, а я вздохнул и повез ее домой.

Привез я ее, когда на улице светало. А сам вернулся в машину и начал думать, где Синеца спрятаться мог. Как назло, ничего путевого на ум не приходило. К ребятам обращаться не было смысла, Сизову донесут быстро, и в лучшем случае он все переиграет. Встал ему Казанцев поперек горла уже давно.

Нужно бы встретиться с Владом, но как это сделать так, чтоб Сизов не пронюхал – ума не приложу. Но рискнуть стоит. Влад точно владеет информацией, да и был шанс, что на Влада Сизов особого внимания не обратил и слежки не приставил. Была у лучшего друга Синецы такая полезная особенность – быть незаметным и не представлять с виду опасности.

Было ранее утро, подходящее время для посещения клиники, где работал Леший. Даже если и приставлена слежка, то в такое время бдительность падает, человек расслабляется и становится невнимательным. Знал я это из собственного опыта. Ехал я окольными путями, с выключенными фарами. К клинике подъехал со стороны глухой стены, заглушил двигатель и, как можно незаметнее, прокрался к входу. Охраны здесь отродясь не было, а зря. Лежали здесь, лечились и умирали такие люди, что страшно имена произносить – сплошь криминаль-

ные авторитеты, портреты коих висели на стенах «Их разыскивает милиция». Но больница эта имела статус нейтральной стороны и крышевалась очень высокопоставленными чиновниками, понятное дело, нечистыми на руку и связанными с криминальным миром. Потому ни милицейских рейдов, ни разборок по понятиям здесь не было и быть не могло.

Влада я нашел в собственном кабинете, мирно посапывающего после очередного ночного дежурства. Тихо подойдя к нему, я накрыл ладонью его рот, чтобы не заорал от неожиданности, другой рукой приложил палец к губам, для пущей убедительности. Как и следовало ожидать, проснулся он резко, дернулся, разглядел меня и кивком головы дал понять, что шума не будет.

– Где Сеница? – почти что шепотом спросил я.

– Я не ждал тебя так рано, но ты молодец, сообразил, – ответил мне Леший.

Я тяжело вздохнул, уже ничему не удивляясь.

– Исходя из твоего ответа – Сеница хочет, чтобы я его нашел?

Влад кивнул, схватил бумагу с ручкой и быстро набросал мне схему, где искать Антона. Я взял бумажку и молча удалился. Также незаметно вышел из клиники, сел в машину и уехал.

Место, которое указал мне Влад, было мне знакомо – глухой, заброшенный лесной массив, со старым полуразрушенным домиком лесника. Домик как домик, только находился он в такой глуши, что не знающий человек с картой искать будет, не найдет. Местность болотистая, живые люди в пятьдесят километров оттуда. Деревенские, что как раз за пятьдесят километров жили, считали это место проклятым. Люди там пропадали, чаще, чем в бермудском треугольнике. Как раз место для бандитов и беглых уголовников. Находилось это место в сто километров от родного города Ленки. Вот туда я и направился.

Приехал уже поздним утром, машину неподалеку оставил. Дальше к дому вела узкая тропинка, так что ехать на машине невозможно. Суеверным я не был, но поежился. Место действительно жуть. Пока ехал солнце светило вовсю. А как в лес заехал, так хоть фонарик включай. Подкрался я к дому, уже изрядно обветшалому, тихо и начал вслушиваться. Антон был там, и пьяным голосом с кем-то разговаривал, так как другого голоса я не слышал, то предположил, что разговаривает он по телефону. Интересно, место проклятое, да в глуши, а чудо-техника работает.

– Не ори, – услышал я злобный рык Сеницы, – Сказал, выполню заказ, значит выполню! – минутная тишина и:

– Заходи, раз пришел, – крикнул Сеница, и я поднялся в дом, не удивляясь приглашению.

– Здорово, – сказал ему я, но руки не протянул.

– Зачем искал? – спросил меня он спокойно, но меня не проведешь – видеть он меня хотел меньше всего, а вернее видеть мертвым.

– А ты и не прятался, чтоб я тебя не нашел. Влада ты попросил позвонить? Так что выкладывай, зачем я тебе понадобился.

Он кивнул, соглашаясь.

– Значит, про заказ слышал.

– Слышал, да не я один. Ленка тоже знает.

– Как она?

– Жива. Ты ж вроде память потерял? – я усмехнулся. Оно теперь понятно, что это все фарс чистой воды.

– Что делать будем? – проигнорировав мой вопрос, спросил он. – Казанцева шлепнуть в угоду Сизову я не хочу, не простит она мне этого никогда.

– Она и так тебя не простит, – буркнул я, – Мало, что ль ты ей плохого сделал...

– Не тебе решать, – бросил он мне, – Ошибся я, когда решил твоего хозяина поддержать в переделе власти. Зверь он и отморозок, раз в мою семью раскол решил внести. Долго он со мной дружбу водил, да в глаза заглядывал, черт старый. Я-то дурак, поначалу решил, что связи ему мои нужны, люди, которых у него нет. А когда я понял в чем дело, что Ленка ему

нужна, как прямая наследница Казанцева, как доступ к нему, то поздно было, к стенке он меня припер... Повязан был с головы до ног... я начал бояться за них, за нее и Кирку. Сизов на все пойдет, чтоб свое получить, вот и пришлось перед всеми спектакль играть... Хоть и понимаю теперь, что без толку – из-за меня ее не тронут, зато из-за отца могут...

– А мне, значит, доверяешь? – ухмыльнулся я.

Антон посмотрел на меня зло и сказал:

– Это, смотря в чем. То, что ты вреда ей не причинишь и от неприятностей оградишь, в это я верю, а в остальном тебе веры никакой.

– Одного, Синица, понять не могу, – начал я, – Ты был женат на дочери крупного конкурента Сизова, почему поддержал не ту сторону?

Видно было, что этот вопрос ему поперек горла встал.

– Заартачился я, гордость взяла. Казанцев, как-то раз, мне сказал, что женился я на его дочке из-за большой любви к власти, которую он мне может дать, а потом так противно намекнул, что даст, лишь бы его дочь была счастлива. А я ведь действительно познакомился с ней случайно и первое время, когда услышал ее фамилию, был уверен, что они просто однофамильцы.

– И решил ты ему доказать, что не власть тебе нужна, а она, и переметнулся на другую сторону, – закончил я за него. – Глупо.

Антон тяжело вздохнул, достал откуда-то взявшуюся бутылку водки, и налил себе.

– Ничего теперь не исправишь. И ведь угораздил меня черт влюбиться в эту пигалицу, так что и дня прожить без нее не могу... А что в ней такого... рост средний, нос пипкой, ноги, правда, красивые...

Я молча слушал излияния Антона. Слушал и понимал, что игру, которую он затеял с самого начала, его же и погубила, или погубит, в ближайшем времени.

– А Кирилл как? – спросил он меня.

– В норме, Казанцев его забрать хочет от твоих.

Антон посмотрел на меня внимательно, кивнул, в знак согласия, а я удивился, ну неужели изменился? Спокойным стал, не таким бешеным, как раньше.

– Что делать думаешь? – спросил я его, хотя и не рассчитывал на прямой ответ. Не знал его ни я, ни Синица.

– Заказ выполнять, – ответил он, и зло на меня посмотрел. – Или у тебя есть другие дельные предложения?

– То, что ТЕБЯ киллером он поставил, это понятно, из подлости, любитель эффектов. Но не уж-то не знал, что ты проговоришься?

– А вот он меня и проверяет, – зло и устало сказал Антон, – Что мне дороже баба или собственная жизнь... В игры он так играет, гад.

Меня передернуло от отвращения, потому что я понял, что Антон прав. Для Сизова все игрушки, развлечения... Больше развлечений, любит он только деньги. Но сейчас, на риск пошел... Если люди повыше его узнают, что он без их ведома Казанцева заказал, то слетит он со своего насиженного места, это как минимум. И все ради чего? Ради чего этот глупый передел власти? Просто скучно стало или маразм уже у старого вора.

– Тогда у тебя только один выход. Убить Сизова, – спокойно сказал ему я.

Он вроде бы удивился, посмотрел на меня долгим взглядом и спросил:

– Ты же вроде его правая рука?

– Ага. Или левая нога, – я улыбался, мне даже стало смешно. – Может, я его место хочу занять? А может, я, как и ты мужиков на бабу променял...

Я развернулся и пошел к выходу, а напоследок сказал ему:

– Решай, Синица, уберешь Сизова, многие уважаемые люди тебе спасибо скажут, а уж Казанцев тем более. Уберешь Казанцева, в городе мусть начнется, для всех. Сизов не подходящая кандидатура для того, чтобы город держать.

– Ей ничего не говори... не нашел ты меня.

Дома я появился только вечером. Ленка хмуро бродила по дому, и со мной не разговаривала. Почти. Только задала один вопрос.

– Нашел?

– Нет.

На этом наше общение закончилось. Сейчас нужно было ждать. В какую сторону весы фортуны склонятся никому не известно. Синица загнан в угол, а у Казанцева власть. А с другой стороны, зверя, загнанного в угол, стоит бояться, да и пуля – дура не выбирает она ни сильных, и ни слабых.

Единственное в пользу Антона говорило только то, что Сизов играл не по правилам. Решил прыгнуть выше своей головы, и настоящий хозяин этой игры ему эту самую голову то и оторвет. Если узнает.

Ох, как мне не хочется помогать Синице, но... Я набрал номер телефона. За несколько лет работы на Сизова, я узнал, кто на самом деле является хозяином положения и откуда деньги текут в казну Сизова, лишь немногие знали, что Сизов всего лишь на всего пешка.

– Слушаю, – произнесли на том конце трубки.

– Это Стрелок. У меня важная информация.

– Говори.

– Сизов решил по-своему передел устроить. Киллера нанял, чтобы Казанцева убрать.

– У тебя какой интерес?

– Его дочь, будет моей женой в скором времени.

– Ясно, проверим. Отбой.

Если все пойдет ровно, то Сизову придется не сладко. Если нет, то несладко придется мне. О том, что Казанцев является партнером того, кому я сейчас звонил, не знал даже Сизов. И знать не должен. Кто бы знал, как осточертели мне эти игры.

– Ты устал, – услышал я голос Ленки. – Есть хочешь?

Я улыбнулся ей и прошел на кухню. За столом мы практически не разговаривали, перекинулись парой не значащих фраз. Я ел, смотрел на нее и думал. Что она сделает, если узнает, что половина из того, что я ей говорю – ложь? А вторая половина – недосказанная правда?

Я все-таки любил ее. Глупо, но не безнадежно. ... Сейчас, когда Антона нет рядом с ней, она вроде бы оттаяла и больше не грустит. Хотя тут кое – что похуже – ее отец. А я понимал, что загнал сам себя в угол: она сидит напротив меня такая красивая, милая. И я как никогда прежде хочу ее.

Черт, нужно подумать о другом, о чем угодно – лишь бы отвлечься! Я начал думать о Синице, о Казанцеве, но это не помогло. Я встал, взял ключи и ушел. Эту ночь я твердо решил провести в машине. Глупо, просто глупо надеяться на то, что она ответит мне. Любила ли она его или просто выдумала это? Все хватит! Не думать. Спать.

– Ян! Ян, что это такое?

– Где? – спросонья спросил я и поморщился, конечно, при моем роде занятий мне не привыкать спать в машине, но все же неудобно. Я открыл один глаз. Ленка стояла возле меня и чуть ли не пританцовывала от негодования.

– Нет, вы посмотрите на него! Ты чего в машине спишь?

Я открыл второй глаз и ухмыльнулся.

– Еще и скалиться! А, ну, марш домой! Волнуйся тут из-за него... – бормотала она себе под нос.

– Что ж ты так разволновалась, голуба моя? – слащавым голосом спросил я у нее. – Али нравлюсь?

– Пошел к черту! Спи, где хочешь! – рявкнула она и убежала в дом.

Меня это развеселило, и дало надежду. Я закрыл машину и поднялся следом за ней. Если среди ночи она пришла ко мне, волнуясь, что я сплю в машине, то может не все потеряно?

Ленка уже легла и накрылась одеялом. Я, недолго думая, отшвырнул это одеяло в дальний угол.

– Разбудила, на свою голову! – простонала она. – Вот и заботься о человеке потом.

– А ну давай рассказывай! – скомандовал я.

– Чего тебе еще?

– Все, от начала до конца, особенно меня интересует пункт как ты «любишь» своего мужа...

– Бывшего, – прошептала она и в глазах появилась такая мука, что я окрестил себя последним идиотом и недоумком. На несколько минут в комнате повисло молчание. И тут же пришла злость.

– Почему ты такая добрая? – чуть ли не зарычал я на нее. – Может ты и переспишь со мной по доброте душевной?!

– Может, и пересплю! – заорала она мне в ответ. – А то смотреть на тебя тошно, ходишь и облизываешься, точно кот.

Смотрела она на меня с вызовом, но стоило мне сделать шаг в ее сторону, как она испуганно отшатнулась. Нельзя так открыто приглашать, когда я весь вечер мучаюсь с желанием.

– Нет!

– Думай, что говоришь, – прошипел я, – А то в один прекрасный момент, я приму это всерьез.

Я снова ушел. Как же меня это достало! Ее скрытность, ее зависимость от Сеницы, иначе я это не назову, ее нежелание видеть элементарные вещи, в конце концов!

– Ян... – она стояла сзади меня. Я со стоном обернулся.

Мы стояли и смотрели друг на друга, а потом я подошел и обнял ее.

Почему мы не вместе? Почему несколько лет назад мы упустили свой шанс?

Почему-то я был уверен, она не любила его. Только как сделать так, чтобы она это поняла? Или поверила в это.

Утро застало меня врасплох. Телефон, опять этот чертов телефон! И Ленка, опять стремглав бросилась к нему. На этот раз я поднялся одним рывком, и, оказавшись на кухне, включил громкую связь.

– Стрелок, – раздался голос Антона, – Позови ее, я знаю, она рядом с тобой.

Ленка ахнула, а я поставил его в известность:

– Говори у нас громкая связь.

– У нас... – проскрипел его голос. – Ты всегда хотела быть с ним, да? Так вот маленькая, доверчивая дурочка, я не потерял память, и ему об этом известно... ему многое, что известно, ведь он знал, про твоего отца.

Мразь! – подумал я и даже брезгливо поморщился...

– Ты тоже знал, – голос был бесстрастен, но в отличие от Антона я видел, как она сильно побледнела.

– Да. Но я не знал еще кое-какой информации...

– Говори, – приказала она.

– А ты у него спроси, – весело предложил Синица.

Ленка подозрительно на меня посмотрела, а потом сказала:

– Спрошу... Только что значит твое поведение мне не понятно, да я в принципе уже и не хочу понимать... Но сын по тебе скучает.

Я слышал, как на том конце Антон заскрежетал зубами.

– Когда все это кончится я приеду за вами...

– Не трудись, – ответила ему Ленка и положила трубку. С минуту она молчала. А потом залепила мне пощечину.

Я, надо сказать, опешил от такой наглости, а она бросила мне в лицо обвинение:

– Ты тут сказки мне поешь о честности, о том, что я такая, рассекая, вру на каждом шагу, а ты мальчик паинька.

– Ты ему веришь? – нашелся я.

– Что происходит!?! – заорала она на меня.

Приехали... Я начал злиться, и это не ускользнуло от ее взгляда.

– Нервничаешь? – спросила она меня и вопросительно бровь приподняла.

– Детка, тебе не кажется, что не стоит лезть в мои дела? Крутая что ли? Приключений на задницу захотелось? Не наигралась еще? То-то я смотрю, замуж за бандита выскочила, а он от большой любви, не иначе, друзьям тебя кинуть решил, то ли для своего развлечения, то ли для твоего... – меня понесло, далеко и так, что остановиться я уже не мог – Откуда знаю? Говоришь много во сне. ... Так вот, если ты хочешь поиграть, играй дорогая, только определись: кто из нас двоих тебе нужен! Не красиво двумя мужиками крутить. Надеюсь, знаешь, как мы таких называем?

Если цвет ее лица до этого был бледным, то теперь он стал серого оттенка.

– Урод! – вскинулась она, – Вы все кучка уродов! Для моего развлечения!?! Тебе бы такое развлечение, сукин сын! – и тут ее затрясло, она обхватила себя руками, глаза как пеленой заволочли..., и я понял, что переборщил. До конца в то, что ей сказал я, конечно, не верил, но сомнения были. Ее реакция мне подтвердила то, что я ошибся, даже больше.

Она попыталась взять себя в руки и решительно начала меня отпихивать от выхода из кухни. Я стоял и даже не собирался ей помогать в этом.

– Пора заканчивать эту комедию, – произнес я, схватил ее за руки, прижал к себе и поцеловал.

Она сопротивлялась отчаянно. Так отчаянно, что я только уверился в том, что она неравнодушна ко мне. Равнодушная женщина так не сопротивляется. Она не забыла меня.

Когда я отпустил ее, на моих губах блуждала улыбка. Лена немного раскраснелась и глубоко дышала.

Эта девчонка не разговаривает со мной уже два дня. А между тем помочь ей некому, кроме меня. Она, конечно, может пойти к отцу, но в данный момент с ним не безопаснее, чем в море полном акулами на резиновой лодке. После того поцелуя она закрылась в себе. Возможно, я дал ей пищу для размышлений, а возможно и нет. Молчит и смотрит на меня затравленно, как будто я ее враг. Девочка моя, наверное, я твой единственный друг.

Антон больше не звонил. Зато звонил Казанцев. Хорошо, что она не слышала нашего разговора, иначе бы узнала, что первая попытка убить его уже была. В Казанцева стреляли, и благодаря какому-то чуду, в этот момент его кто-то окликнул, в результате попали только в плечо.

Говорят на эту тему много. И она все равно узнает, Казанцев известный бизнесмен. Оставалось надеяться, что в другом городе местные каналы будут транслировать репортаж, не выходя за областной масштаб.

Зря надеялся. Ленка вышла из ванны так же молча, прошла в свою спальню и включила телевизор. Я должен быть с ней, когда она об этом узнает. Первые несколько минут она монотонно шелкала каналы, я стоял позади нее. Сериал, российские вести, мультики... и областной канал:

– Вчера в 23:30 возле ресторана «Ундина» было совершенно покушение на крупного бизнесмена Казанцева Виталия Данииловича...

Она вскрикнула, побледнела и зажала рот рукой. Я моментально оказался возле нее и обнял.

– Неужели он посмел... – прошептала она.

– ... В данный момент, здоровью Казанцева Виталия Данииловича ничего не угрожает, он находится в больнице... – продолжали вещать с экрана.

– Видишь, все обошлось, – начал успокаивать я ее, – Твой отец даже не в больнице как они там говорят, он уже дома.

– Куда он попал? Киллер...

– В руку, пуля прошла на вылет, с ним все нормально. Он даже в больнице остаться не пожелал.

– Как это на него похоже... – она смотрела на меня, не мигая.

Острая и сильная боль пронзила меня внизу живота, когда я смотрел на нее. Ее волосы, черты лица, ее запах. ... Все это манило меня к ней давно, и теперь, когда я оказался так близко с ее бьющимся сердцем, я просто не мог себя контролировать. Мне было уже наплевать, что не об этом она сейчас думает. Ни одну женщину я не желал так, как ее. Ни к одной я не относился так нежно как к ней. Ни одну я не любил, так сильно.

Желание обладать ею было сильным, но я не шевелился. Она оттолкнет меня... или... все же стоит попытаться.

Я поднес руку к ее лицу, и медленно очертил овал ее лица. Она слегка улыбнулась мне и закрыла глаза. Приблизившись к ней, я поцеловал сначала ее глаза, потом нежные, как бархат щечки, коснулся ее губ... От губ оторваться я уже не мог, я чувствовал, как она дрожит, то ли от страха, то ли от желания... Я целовал ее все настойчивее, мои руки уже блуждали по ее телу. Она отвечала мне, это получалось у нее настолько чувственно, что дух захватывало.

– Мы должны остановиться... Это неправильно, – прошептала она, освобождаясь от моих поцелуев.

– Мы ничего никому не должны – внезапно осипшим голосом проговорил я, – Я люблю тебя, я скучал по тебе, я не могу забыть тебя, ту ночь...

Глухо застонав, она сама накрыла мой рот поцелуем. Я с усилием оторвал свои руки от нее, чтобы избавиться от уже ненужной одежды. В глубине души, на ее задворках, я понимал, что сейчас пользуюсь ее слабостью, что она отвечает мне только потому, что хочет уйти от душевной боли. Но мне было все равно. Я просто по – эгоистически хотел получить ее, пусть даже так.

Она дрожала, безуспешно пытаясь раздеться. Я не мог больше сдерживаться, сняв с нее только ажурные трусики, я усадил ее к себе на колени и через минуту вошел в нее... Ее глаза расширились, она вцепилась в мои плечи как в последнее спасение. Я не слышал ничего вокруг, я видел только ее лицо, искривленное страстью, я чувствовал ее, ничего не было вокруг, кроме страсти к ней, сжигающей меня изнутри. Я чувствовал себя, как странник, обретший оазис в пустыне.

Взрыв, мощный, долгий сотряс меня, как – будто вдалеке я услышал, как она закричала.

Она плакала... молча, слезы просто текли...

– Я сделал тебе больно?

– Нет, мне хорошо... – она просто улыбнулась, а я рассмеялся.

Она такая милая, раскрасневшаяся и невинно-порочная. Она стеснялась и в то же время звала меня своим телом... Ни с какой другой женщиной я не чувствовал себя таким счастливым, таким полноценным. Почему именно с ней я испытал настолько мощные эмоции? Почему именно она?

Лена начала отодвигаться от меня, но я прижал ее к себе еще сильнее.

– Не уходи...

– У нас много дел, Ян...

– Мм... я тоже так думаю, – со смехом сказал я ей, направляя руки к ее груди, – Я думаю нам многое нужно наверстать...

Она все же отстранилась от меня:

– Ян, я должна узнать, где он, он стрелял в моего отца...

Я глубоко вздохнул и выпустил ее из своих объятий. Даже сейчас она думает о нем. Но как бы – то не было, она права, бездействие сейчас только усугубит ситуацию.

Через двадцать минут, после того как мы по очереди приняли душ (вместе она не захотела, жаль), мы оба сидели на кухне и пили кофе.

– Расскажи мне все, что ты знаешь, – попросила она.

– Когда ты научишься доверять мне? Я хоть раз причинил тебе боль? Если не веришь мне, то хотя бы поверь своему отцу.

– Я уже слышала, как он контролирует ситуацию, – недовольно произнесла она – Второй раз ему вряд ли так повезет.

– Хорошо, если я скажу тебе, что о замысле Сизова знают очень серьезные люди и им это не нравится, ты успокоишься?

Ленка встала, и начала нервно ходить по кухне.

– Я успокоюсь после того, как ты мне все расскажешь.

Господи, ну откуда такая маниакальная упорность залезть глубже во все это дерьмо!

Зазвонил телефон, и я поспешил взять трубку.

– Это Казанцев. Антон назначил мне встречу, я согласился, но хочу, чтобы ты присутствовал, посмотрел, что к чему, мне звонили, сказали, что ты в курсе дел.

– Хорошо.

– В 23:00, клуб «Азалия».

– Я буду.

Все время пока я разговаривал, Ленка настороженно присматривалась ко мне, силясь угадать, с кем я разговариваю и о чем. И естественно, как только я положил трубку, вопросы посыпались на меня как из рога изобилия. Я не собирался отвечать, и, отделавшись кратким «это касается только меня», ушел к себе в комнату. Время до одиннадцати было предостаточно, чтобы подготовиться и подумать. Для чего нужно было присутствовать на встрече, я понял. Если Синица сделает попытку убрать Казанцева, я должен буду убрать его. Только поставленная задача мне не очень нравилась. Встречу назначил Антон, значит ли это, что он сделал выбор в сторону Сизова? В Казанцева стреляли, и не у кого не возникает сомнений кто. Если это попытка исправить неудачу, то она очень глупая. Не проще ли повторить попытку, сидя, где-нибудь, на крыше и не подвергая себя опасности? Если только Синица не хочет убить одним выстрелом сразу двух зайцев.

От мысли, пришедшей мне в голову я недобро засмеялся, и на этом успокоился. Что ж теперь картина более ясна, и мне перед встречей не мешало бы вздремнуть, чем я и занялся.

В девять вечера я проснулся, послонялся по дому, наблюдая за обиженной на мое молчание Ленкой, выпил крепкий кофе, и пол одиннадцатого прыгнул в машину. Вечер выдался прохладным и безлюдным. Это радовало, но мучило меня предчувствие чего-то плохого. Предчувствию своему я привык доверять, оно не раз спасало мне жизнь там, в Чечне.

...Обстрел не прекращался несколько часов. После этого наше подразделение, форсировав небольшую речушку, вышло на западную окраину Аргуна. На ночь заблокировали северо-западную часть Аргуна, включая населенный пункт Мескер-Юрт. С утра штурмовые группы отрядов вошли в город.

Сопротивления практически не было. Боевики, попав под мощный артиллерийский залп, покинули город. Однако не все боевики вышли из Аргуна. Некоторые, уйдя из-под огня артиллерии, наносившей основной удар по целям на окраинах города, отошли к центру. Вот там и встретили смерть больше половины ребят моего взвода...

Я встряхнулся, пытаюсь отогнать от себя ужасы войны... Да, предчувствие много раз спасало мне жизнь, и на этот раз я должен выжить, ради нее, ради нашего будущего, если оно есть...

В Азалию я вошел ровно в одиннадцать, меня проводили в VIP кабинет, где уже был Казанцев. Он молча кивнул мне и указал на стул. Не успел я присесть, как явился Синица. Затравленный взгляд, многодневная небритость и синяки под глазами говорили о многом. Лично мне они говорили о том, что Сизов изрядно его погонял за эти дни.

– Ну, здравствуй, зятек, – ехидно изрек Казанцев, закуривая сигарету.

Антон вздрогнул, но посмотрел внимательно и глаза не отвел.

– И тебе здравствуй.

– Зачем звал? – холодно глядя на Антона, спросил Казанцев.

– А этот здесь зачем? – указал Синица на меня, а я ухмыльнулся.

– Пошли, выйдем во внутренний двор, зачем людям мебель портить.

Похоже на вопросы, которые они друг другу задавали отвечать ни один, ни другой не собирался. Мы молча поднялись и вышли во внутренний двор клуба. Стены и забор прятали все от посторонних глаз. Мы встали друг против друга, я поближе к Казанцеву, как от стены отделился силуэт и направился к нам.

– Не хорошо, Ян, ты поступаешь, – глаза Сизова блестели, и голос был тихим, – Ради девки, нашу дружбу предал.

Первым пистолет вскинул Казанцев и направил его на Антона, Антон не остался в долгу, и через секунду холодное дуло пистолета смотрело на Казанцева. Я в свою очередь взял на мушку Сизова. Все как в плохом кино, и конец будет таким же, дерьмовым.

– Хороший вечерок, получается – недобро хохотнул Казанцев.

И тут черт принес ее. Как же я не заметил, что она следит за мной?

Сзади хлопнула дверь и Ленка с диким визгом, устремилась к нам.

Я рванул к ней, напрочь забыв о том, что Сизов держит меня на мушке. ... Прогредел первый выстрел, потом второй...

Антон стоял бледный и пошатывался, рана в боку кровоточила сильно, даже в темноте было видно. А под его ногами валялось тело Сизова. Сизов был убит пулей в лоб. И взирал на это все неодобрительно, но удивленно Казанцев. Все стало на свои места – Антон сделал правильный выбор, убив конкурента тестя.

Ленка притихла и тоже молча смотрела на все происходящее. На какой-то момент повисла тишина. Первым очнулся Казанцев:

– Убирайтесь отсюда, мои ребята здесь приберут.

Я потащил Ленку к выходу, но она вырвалась и медленно, в каком-то сне подошла к Антону.

– Как ты? – тихо и испуганно спросила она.

Он повернулся к ней, как-то странно и ошалело посмотрел на нее и ничего не ответил. Ленка всхлипнула, обняла его и разревелась.

– Прости меня...

В груди ухнуло сердце, и опустилось вниз. ... Она тоже сделала свой выбор, и теперь точно сама. Я, молча, развернулся, и вышел из внутреннего двора клуба. Как во сне я сел в машину, и на бешеной скорости уехал. Все бессмысленно. Идиот, раз мечтался, поверил. Кому? Женщине, которая правду говорит только в порядке исключения?

Только где-то на окраине города я пришел в себя. Из темноты выплыла фигура.

– Эй, парень, хочешь развлечься? – проститутка призывно качнула бедрами, а я посмотрел на нее и вздрогнул – мистика или бред воспаленного мозга, но ночная бабочка напоминала мне ее...

– Как зовут? – услышал я будто не свой голос.

– А какое имя тебе нравится?

– Лена.

– Значит, Лена, – сказала она и прыгнула ко мне в машину.

Я недобро улыбнулся и рванул машину с места. Я знал, что я буду делать этой ночью и на ком вымещу свою боль и злость.

Глава 5. Без права выбора

«Свобода, оказывается, лишь в том, чтобы выбрать тушик по вкусу...»
Оскар Бозций

Я стояла и вглядывалась в лицо Антона, оно было какое-то потерянное и чужое. Сзади меня прокашлял мой отец, и только тогда я сообразила, что нет Яна

– Где Ян? – спросила я отца, не отходя от Антона.

– Ты бы разобралась со своими мужиками, – недовольно ответил мне отец. – Ушел, вернее сказать унесся, только пятки сверкали. Валите-ка вы отсюда.

До меня начало доходить, что мы все еще на том злополучном дворе, и возле ног Антона лежит труп. Я побледнела и схватилась за Антона. Антон покачнулся и едва не упал на меня, но удержался. На руках я почувствовала что-то липкое и не без ужаса заметила, что это кровь.

– Тошка, тебе в больницу надо – прошептала я. Антон взглянул на меня мутно и головой покачал.

– К Владу, не в городскую же я тебя посылаю, – проявила я терпение.

Антон ухмыльнулся как-то не по-доброму, а отец мне пояснил:

– Вот что, уедете к бабке Тамаре в деревню, нельзя вам сейчас ни к Владу, ни к кому бы то ни было. Дам машину и сейчас же уезжайте. Сам вести сможешь? – обратился он уже к Антону, а тот кивнул.

– Пап, ты с ума сошел! Какой ему водить?

– Ты же не умеешь. Не бойся, перетянем рану бинтами и жгутом, там, в машине аптечка у меня где-то обезболивающее было, пойдя, поищи.

Я рванулась к его машине, стараясь пройти окольными путями, и так чтобы никто не увидел.

Через пять минут я уже была на месте и пыталась вспомнить, как же перевязывать огнестрельную рану, если учесть, что раньше этим я не занималась, то вспомнить было нечего.

– Давай сюда, – вздохнул отец, видя мои страдания, и подошел к Антону.

Через две минуты отец удовлетворенно смотрел на свою работу.

– Заживет как на собаке, пуля на вылет прошла.

Антон скрежетал зубами и оттенка был не лучше, чем у покойников.

– Господи, да как же он поедет-то... – запричитала я и замолчала впервые за это время, услышав голос Антона:

– Садись в машину, – спокойный такой голос, как у покойников. Я чертыхнулась про себя за повторное сравнение, никак вид ранее живого Сизова на меня такое впечатление произвел. И пошла к машине.

Вот теперь мне стоит подумать. Что случилось, и что я такого натворила.

Подумать мне было над чем. С Антоном мы разведены и точка. За все это время пока он бегал и стрелял в плохих дяденек, у меня выработался стойкий рефлекс – не хочу такой жизни. Оттого и Ян виделся не с лучшей стороны. Я совсем и окончательно запуталась. И вдруг меня как током ударило: Ян подумал, что я вернулась к Антону! От этой мысли мне сделалось дурно, вернее, от осознания того, как должно быть хреново сейчас Яну. Я ведь просила прощение у Антона за то, что заставила его выбирать, за то, что у него теперь будут проблемы, а не за... О, Господи! Мне срочно нужен был телефон! Я уже сидела в машине и лазила по бардачку, когда на водительское сиденье осторожно опустился Антон.

– Чего ищешь?

– Телефон, мне нужен телефон... – срывающимся голосом пробормотала я.

– Нет его, а если полюбовничку своему звонить собралась, то напрасно трудишься, – ухмыльнулся он, – Вряд ли он ответит, после того, как ты ко мне кинулась.

– Да какое ты имеешь право...

– Я имею все права! – заорал он.

– Мы разведены, не забыл? – не без ехидства заметила я.

– А мне все равно. Ты моя. И делить я тебя ни с кем не собираюсь, – побледнел он сильно, так сильно, что я сочла нужным заткнуться и не спорить с ним. Вот поставлю его на ноги, тогда мы поговорим, по душам. На чистоту.

– Говори куда ехать, – тихим голосом произнес он.

Бабка Тамара жила далеко, в другой области, и путь к ней был не близок, оттого я всерьез переживала – доедем мы до нее или нет. Ее я помнила еще с детства, была она сестрой отца, но так как старше его на 15 лет была, то и звала я ее бабкой. Лет до десяти я часто ездила к ней, и вообще деревенская жизнь производила на меня благотворное действие. А помимо всего прочего была она приветлива и знала она чудотворное действие трав, за что на деревне ее знахаркой прозвали. Ох, доехать бы только...

Я тоскливо посмотрела на Антона: он рулил, вцепившись в руль так, что костяшки пальцев побелели.

– Может еще обезболивающего? – спросила я.

– Не надо пока, – сквозь зубы протянул он, и со свистом втянул в себя воздух.

Я опять замолчала. Страшно мне было до жути. За себя, за сына, которого я не видела уже, бог знает сколько, за Антона и за Яна. За Яна я переживала особенно. За те дни, что он был рядом со мной, он стал мне близок, настолько близок, что я даже не удивилась, почувствовав к нему влечение. И я нисколько не жалею о том, что была с ним. Даже сейчас вспомнив, у меня мурашки по телу побежали. Но одно дело спать с ним, и совсем другое жить. Он такой же, как и Антон. Вернее, его род занятий. Я не хочу больше подвергать опасности сына, себя. И даже если мой отец оказался таким как они, то и от него я вполне могу отказаться. Уехать далеко и начать все заново, с чистого листа. Должен же быть где-то другой мир, без разборок, стрелок и блатного жаргона.

Я тяжело вздохнула и покосилась на Антона. Оставался другой вопрос: а кто меня отпустит? Отец отпустит, потому что сам все понимает, Ян... Ян теперь думает, что я последняя сволочь... и если я хочу начать новую жизнь, нужно ли мне его разуверять в этом? Антон – самая главная проблема. Он убил Сизова и нажил себе врагов из-за меня и сына. Стойко быть сволочью и уверять Антона, что я не его люблю, а Яна? К чему это приведет? Да и я не могла бы дать сейчас точный ответ как я к ним обоим сейчас отношусь. Вот вляпалась-то!

Я в очередной раз тяжело вздохнула, а Антон притормозил машину у обочины. Повернулся ко мне и противно так пропел:

– По любовнику своему вздыхаешь? А я вот по тебе соскучился, – и на меня смотрит злыми глазами. Понятно конечно, что достала я мужика вздохами, но издеваться то зачем?

– А я нет, – буркнула я и отвернулась.

Антон хмыкнул и тронулся с места, а я решила, что пронесло, и со вздохами поостереглась. Нечего его раздражать. А то, чего доброго пришибет где-нибудь по дороге.

За окном светало, а Антон все рулил, вперив свой взгляд прямо на дорогу. Если бы у меня была огнестрельная рана, я бы так не держалась...

– Не первый раз, – сказал Антон, по всей видимости, увидев мой заинтересованный взгляд. – Да, не дрожи ты так, жить буду.

Я так ничего и не ответила, а он продолжил:

– Почему у нас так все получилось? Ты как чужая мне сидишь...

– Ты сам знаешь ответ, – отрезала я, – Ты бегаешь где-то, стреляешь, прогоняешь меня и сына, а потом спрашиваешь «почему»?

- Лена, – терпеливо начал объяснять он, – Это было сделано только ради вашего блага...
– Я даже слушать ничего не хочу! Избавь меня от своей бандитской романтики!

Он замолчал, я только собралась облегченно вздохнуть, как тут же передумала. Да-а... И как дальше будет протекать наше совместное пребывание у бабки Тамары? Понятно, что мы едем не на курорт, и можем пробыть там энное количество времени. Спасибо, папочка, удружил.

– Господи, как же я соскучилась по Кириллу! – вслух произнесла я, а Антон виновато на меня посмотрел. Так тебе и надо, помучайся, придурок, как я мучаюсь.

К бабке Тамаре мы приехали через два дня. Попутно Антон все-таки останавливался на недолгий отдых в несколько часов, а я перевязывала ему рану, стараясь особо не вглядываться, иначе бы грохнулась в обморок. Дом у нее был добротный и выделялся на всю деревню, стараниями моего отца. Деревянный сруб ценился даже сейчас. Хоть и предлагал мой отец провести в дом воду, но бабка Тамара от благ цивилизации отказалась.

Она приветливо нас встретила, даже не удивилась, и прямоком разглядев в Антоне тяжелобольного, сопроводила его в специально отведенную комнату. Видать не первый раз она раненных принимает. Я не стала вдаваться в подробности.

– Вам в одной комнате стелить? – весело спросила она.

– Нет! – испуганно крикнула я, а Антон хмыкнул.

– Да ты милоч, не расстраивайся на ее слова, тебе все равно пока ничего нельзя, – зачем-то добавила она, на что Антон весело гукнул и скрылся в своей комнате.

– Весело ему... – проворчала я, пройдя на кухню.

На кухне у бабки Тамары было уютно и спокойно и напоминало мне детство. Ничего не изменилось. Такой же добротный стол, табуретки вместо стульев, старый сталинских времен шкаф, и благоухание разнообразных трав, вывешенных по всей кухне на веревочках.

Мы сидели, пили чай с травами, и меня разморило. Я вяло вслушивалась в рассказ бабки Тамары о картошке, которая никак не зацветет, о красавице моркови и прочих овощах в огороде. В результате, я чуть ли не уснула за столом. Бабка Тамара постелила мне в комнате, где я спала в детстве, благо комнат у нее было пять штук. Не дом, а хоромы. Старая пружинистая кровать с железными ножками, которая нещадно скрипела, и огромный пуховой матрас с белоснежным бельем. Ложишься и как в облаке. Вот в такой красоте я и уснула.

– А ну, вставай! – злой голос Антона разбудил меня неожиданно и резко.

Я уставилась на него ничего не понимающим взглядом. – Пошли в сад, поговорить надо.

Я вынырнула из-под одеяла и неохотно поплелась за ним, шел он бодро и выглядел нервным. В глубине бабкиного сада, где росла преимущественно сирень, он остановился и посмотрел на меня растерянным взглядом.

– Почему ты ничего мне не сказала? – голос у него был обреченный, что совсем не вязалось с его воинственным взглядом. Я же мучилась в догадках: чего ему от меня надо и что такого я забыла ему рассказать?

– Не догадываешься, о чем я?

– Нет, – преспокойно сказала я и даже зевнула, – Да, меня теперь это мало заботит...

Его взгляд стал совсем потерянным, и он почему-то робко сказал:

– Я все забуду, и приму... Ты нужна мне...

– Боже, да, о чем ты? – я ничего не понимала, но вот это его «ты нужна мне» начало вселять в меня ужас, – Я не нужна тебе теперь. Зачем? Мой отец и так сделает для тебя все, ты спас ему жизнь...

Антон заскрежетал зубами:

– Вся жизнь испорчена из-за того, что твой отец...

– Молчи! – злобно рыкнула на него я, – Ты не лучше!

Он будто сжался изнутри, и только слепой бы не увидел, что он испытывает чувство вины. Мне на какой-то момент стало жаль его, но ничего нельзя изменить – я не хочу больше бегать, скрываться и по полгода не видеть сына.

– Ты хочешь, чтобы я попросил прощения? – он смотрел на меня пристально, а я фыркнула и отвернулась от него.

Он развернул меня к себе и тут сделал то, что я от него ну никак не ожидала! Он встал передо мной на колени и взял мои руки в свои, от удивления я не могла и слова вымолвить, я была поражена.

– Прости меня, пожалуйста... За боль, которую я тебе причинил, за то, что все так получилось, я знаю, что это из-за меня, прости, если сможешь. Вернись ко мне, любимая.

Слово «любимая» сильно резануло мне слух, я столько раз слышала его от него, и с только раз он мне обещал, что все будет хорошо, но ничем хорошим не заканчивалось...

Я вырвала свои руки и зашагала прочь, но на полпути остановилась.

– Я не держу на тебя зла, Антон.

Он уже поднялся с колен и стоял, облокотившись на сирень, которая гляди того и рухнет под его весом.

– На каком ты сроке?

– Чего???

Как по мановению волшебной палочки Антон вытащил из кармана своих брюк тест на беременность, который раньше спокойно лежал в моей сумочке.

Надо сказать, что в моей сумке был вечный кавардак, чего там только не было.

– Я знаю все, я не виню тебя, это только моя вина и это будет мой ребенок, если ты захочешь...

Я истерически рассмеялась. Боже, этот тест лежал в моей сумочке уже несколько месяцев, я даже забыла про него, а он подумал...

Антон в мгновение ока очутился около меня и яростно схватил меня за руки.

– Я смешон? Я предлагаю тебе восстановить нашу семью и принять его ребенка, а ты смеешься надо мной?

– Да, я смеюсь, – вызывающе ответила ему я, – Потому что, если бы ты удосужился посмотреть в коробку, то увидел бы, что тест не использован и спокойно лежит на месте, не пришлось бы так переживать. Наверняка он вышел из срока годности, и я просто про него забыла. Ты так плохо меня знаешь Антон? У меня же в сумке вечный хаос!

Видно было, что он смешался и не знал, что ответить.

– Я раньше никогда не лазил по твоей сумке – растерянно произнес он, начиная хоть что-то понимать.

– А сейчас решил начать, – саркастически изрекла я, развернулась и пошла в дом.

Боже, дай мне терпения, выдержать все это: его умирающий взгляд, его чувство вины, даже его улыбку... Мне нужно порвать, бросить, чтобы мой сын не жил в том мире, где жил он, мой отец и Ян. Я так хотела, чтобы мой сын не рос в этом ужасе...

Антон чуть не сбил меня с ног, прижал к себе... Поцелуй, чувственный, и такой нежный...

– Зачем ты обманываешь себя, ты все еще любишь меня – сказал он с хрипотцой в голосе, а глаза его смеялись.

Я тяжело вздохнула, вот об этом я и говорила, ну разве он даст мне спокойно жить?

– Это ты себя обманываешь, Антон. Мы не можем быть вместе, не подвергая опасности нашего сына. И пойми ты, наконец, с тех пор как я увидела тебя там, на даче Сизова, такого чужого и холодного, что-то сломалось во мне. Я не доверяю тебе, я вообще больше никому

не доверяю. Я не хочу больше бегать и скрываться, прятать сына, не видеть его. Я хочу той жизни, которую ты мне вряд ли дашь.

Он ничего не сказал, лишь отпустил меня, и я убежала в дом, в спасительное спокойствие голоса бабки Тамары с ее рассказами о неизменном огороде.

Протекали дни за днями, Антона я избегала, а он шел на поправку. Я уже начала надеяться, что мне удалось убедить его в необходимости расставания навсегда, но как оказалось, Антон не собирался оставлять меня в покое. Уж не знаю, каким таким способом ему удалось перетянуть бабушку Тамару на свою сторону, но в этот вечер она наспех засобиралась к соседке. Я, было, собралась спастись бегством к той же соседке за каким-нибудь благовидным предложением. Но бабушка Тамара пресекла напрочь все мои старания:

– Мы хотим поболтать с ней о своем, что тебе молодой с нами старухами делать, – и удалилась. Я покосилась на Антона, ожидая увидеть его довольное лицо, но вместо этого увидела, как он напряжен.

– Я честно пытался оставить тебя в покое, отпустить хотя бы сначала в мыслях, – сказал он, – Но у меня ничего не получается. Я даже представить себе не могу – тебя в чужих объятьях. Я знаю, что равнодушен тебе, и ты даже любишь меня, но не так, как Яна.

Я оторопела от его слов и открыла рот.

– Если я тебе сейчас скажу, что предоставлю тебе право выбора, то солгу. Я никогда не предоставлю тебе этого. Слышишь? Никогда.

Я даже сказать ничего не могла, настолько меня это поразило и вывело из себя.

– Я не буду тебя с ним делить. И ты останешься со мной.

– Да, ну? – зло бросила я.

– Если конечно, хочешь видеть своего любовника живым и здоровым.

– Ты чудовище – прошипела я.

– Ты мне об этом уже говорила, – усмехнулся он, и я поняла, что он не лжет.

– Ян не младенец. Он боевой офицер. Не боишься, что место покойника на этот раз можешь занять ты?

– Это, наверное, твоя мечта...

– Нет, – испугалась я, – Я никогда не желала тебе смерти.

Его взгляд на мгновение потеплел, но тут же стал холодным.

– Странный разговор... Мы были с тобой вместе семь лет. И я знаю точно, что пять из них ты была счастлива со мной. Что случилось теперь?

– Теперь мне приходится жить у чужих людей и не видеть собственного ребенка.

– Ты знала за кого выходишь замуж.

– Ты многое забыл, Антон, – мой взгляд стал резким.

– Все никак не можешь мне простить, что заставил выйти за меня?

Но не это я видела в своих кошмарах, и ему невдомек понять, что это такое.

Антон сильно побледнел.

– Ты ЭТО вспоминаешь?

Я закрыла лицо руками.

– Я не могу забыть, не могу... – Он вздрогнул, и побледнел еще больше.

– Почему, почему ты никогда мне не говорила? Не обвинила меня ни в чем, хотя это только моя вина?

Было десять часов вечера, а бабушка Тамара еще не пришла. Но мне уже было все равно. Этот разговор снова разбередил старые раны, и я тщетно пыталась отогнать явление прошлого... Меня била дрожь, и я снова и снова возвращалась туда, в подвал...

– Я не знал, насколько это тяжело для тебя, – я ощутила легкое поглаживание по голове. Что это он меня жалеет? – Я даже не хочу и думать о том, чтобы было с тобой не отзови я свой приказ.

– Минимум психушка, максимум смерть, – безжизненным голосом ответила я.

– Ты очень чувствительная, я не встречал таких, как ты, – проговорил он задумчиво, – Ян был прав...

Я подняла на него глаза. Сегодня он говорил мне такие вещи, которые я и не ожидала от него услышать.

– Ты разговаривал с Яном?

– Нет, – по его лицу пробежала грустная улыбка, когда он увидел мою реакцию, – Как-то он обронил эту фразу, тогда на даче Сизова, я просто услышал.

Тоска и затаенная боль... Вот что я прочитала в его глазах, когда он смотрел на меня, не мигая. Боже, ну сделай так, чтобы он не смотрел так на меня! Пусть он оставит меня в покое, ведь он прав... я все еще люблю его, и прав, что люблю его чуть меньше, чем Яна. Единственный выход, это уехать от них обоих подальше, боюсь я никогда не смогу определиться кто из них мне важнее.

Он все еще продолжал меня гладить по голове, так ласково, что у меня слезы на глаза наворачивались.

– Тошь, пожалуйста, уйди, оставь меня одну...

– Я причинил тебе боль, я и буду зализывать твои раны.

Это было просто невероятно, он никогда так со мной не разговаривал, откровенно и...

– Да, я изменился, – ответил он мне с улыбкой на мой изумленный взгляд, – Если бы ты знала, через какие круги ада мне пришлось пройти, чтобы тогда показать свое равнодушие к тебе, к сыну...

– У тебя это получилось, я поверила.

– В это поверили все. Даже такой умник как Сизов. Мне денно и ночью приходилось притворяться, но я не спускал с тебя глаз...

– Ты хоть понимаешь, что это было бесполезно! Мой отец...

– Твой отец отвечал сам за себя! – резко сказал мне он, – Когда все это началось, мне недвусмысленно дали понять, что если я встану не на ту сторону, то пострадаете вы: ты и сын.

– Так Влад ошибался? И Ян тоже? – сегодня точно ночь сюрпризов.

Антон усмехнулся:

– Я никогда не хотел, чтобы Сизов был, скажем так в правящих кругах. Слишком круто для такой мрази, как он. Я только потом, когда разыграл весь этот спектакль, сообразил, что на самом деле им нужен был не я, а ты. Сизов решил разыграть карту и с помощью тебя заставить Казанцева встать на его сторону. Но твой отец уперся, несмотря на угрозу. Тогда он пустил вход еще один козырь – заставил бояться меня за твою жизнь.

– И тогда ты принял решение...

– Да, одно единственно верное решение, – стальной блеск в его глазах загорелся вновь, как в ту ночь, когда он убил Сизова. Я невольно отшатнулась, хотя понимала, что это из-за меня, он готов порвать на кусочки каждого... Любого, кто причинит боль...

– Не бойся меня, – тихо проговорил он. Я тихо застонала. Из-за меня убили человека.

– У меня не было выхода, он бы не погнушался ничем, чтобы добиться своего.

– Я думала, что ты женился на мне из-за моего отца.

Антон дернулся как от удара, развернулся и пошел прочь от меня. Настал мой черед его догонять, мне нужно было ему все объяснить. Я остановила его и развернула к себе лицом.

– Пойми, – начала я и увидела такую беспредельную муку и в тоже время злость в его глазах, что невольно замолчала.

– Я все понимаю, – с яростью сказал мне он, – Даже больше, чем хотел бы. Я даже понимаю, что нам действительно нужно расстаться...

Да, именно этого я и хотела. Но почему мне тогда нестерпимо больно? Я никогда не умела скрывать своих чувств, и эта боль отразилась на моем лице. Постепенно удивленный взгляд Антона превратился в ликующий.

– Ты не хочешь этого! – радостно воскликнул он и, приподняв меня, закружил. Я смотрела на него испуганно и просто не знала, что мне на все это сказать. Наконец он меня поставил на землю, но также держал меня за талию на расстоянии вытянутой руки и как будто рассматривал.

– Ты не хочешь со мной расставаться, и все еще любишь меня, – заключил он, – Ну, признай это, Лен, хоть раз в жизни!

– Да, – очень тихо сказала я, и опустила глаза. Мне невыносимо было смотреть на него, слезы так и наворачивались. Я не сдамся! Я все равно уйду, ради сына, ради самой себя.

Я не имела право на ошибку, я не имела никакого права остаться с ним или быть с Яном, потому что единственный человек, о котором мне стоило думать и заботиться это мой сын. Кем он вырастет под влиянием такой жизни? Одним из них? Жестоким, самонадеянным, не признающий закон... убийцей... Я вздрогнула. Этого не должно быть, и мне нужно найти способ уйти от Антона, сам он меня не отпустит, он будет преследовать меня до конца моих дней, и возможно, в один из таких дней я сдамся, или он приблизит мой конец. Сама эта мысль приводила меня в состоянии ступора, нечеловеческий страх заползал ко мне в душу, мешая спокойно думать. Антон животное, в данный момент прирученное к рукам, но кто знает, сколько я смогу удерживать этого хищника?

Он все еще смотрел на меня ликующе, почти счастливо, я снова сказала то, что он так жаждал услышать: я – зависима от своих чувств к нему, и помоги мне Бог, он был хорошим манипулятором. Антон всегда старался добиваться своей цели, не признавал слово «нет», а если что-то не подчинялось ему – брал силой. Я должна что-то придумать, я не должна проиграть, иначе это болото затянет меня глубже. Но если даже предположить, что он отпустит меня, то наверняка он не отдаст мне сына... Нет! Не думать об этом! Я должна что-нибудь придумать....

– Я знаю, что я буквально вырвал из тебя эти слова, – сдавленно произнес Антон, – Но они мне были так необходимы! У нас еще есть шанс...

– Нет! – я яростно замотала головой, – Никакого шанса у нас нет, и быть не может.

Антон потемнел лицом, и взгляд его глаз обдал холодом.

– Ты лишаешь сына отца из-за своей прихоти...

– Это не прихоть, ты сам это должен понимать, я просто не хочу...

– Кирилл любит меня, – перебил меня Антон, – Я его отец, и ты просто сумасшедшая, если думаешь, что я отдам тебе сына. Хочешь уйти, уходи, сын останется со мной, – заключил он зловеще, с удовольствием наблюдая за произведенным эффектом.

– Это не честно! – именно этого я и боялась, по – этому и бросила ему в лицо эту детскую фразу.

– А ты как хотела, – хмыкнул он.

– Я мать, это мой ребенок...

– Так же, как и мой! – закричал он на меня, – Я найду способ сделать так, что ни один суд мира не отдаст тебе ребенка! И твой отец тебе не поможет...

– Ты убьешь его как Сизова? – гаркнула я ему в ответ.

– Никто, слышишь, никто не отнимет у меня сына, – и я поверила ему.

– Ты страшный человек, – прошептала я.

– Ну, надо же меня повысили рангом, теперь я не животное, не чудовище, а просто страшный человек, – с сарказмом в голосе произнес он.

Мне нужно было время подумать, разработать план действий, мне нужно было, чтобы Антон снова начал мне доверять, сегодняшняя тактика оставляла желать лучшего, и ради этого, ради того, чтобы избавиться от смертельной опасности, которая подстерегала меня в будущем, я была готова на все, на абсолютно все....

Два часа мы не разговаривали, но я знала, что нужно сделать шаг к примирению первой. Я подошла к нему, положила руку на его плечо и сказала:

– Прости меня, я устала и несу бред.

Черты его лица смягчились, он улыбнулся мне. В ответ я подарила ему самую сказочную и соблазнительную улыбку, что могла.

– Считаю, что уже простил, – выдохнул он, все еще находясь под впечатлением.

Надо сказать, находясь за ним замужем, я не пользовалась искусством, которая знала каждая женщина испокон веков – искусством обольщения. Антон и так был всецело моим, но теперь мне нужно было, чтобы он потерял бдительность, а значит, потерял контроль над собой. Единственное, чем я могла выбить его из привычного самоконтроля это соблазнять его изо дня в день, но не подпускать слишком близко... Возможно, это подло, но мою цель оправдывало. Он не заберет у меня сына.

Шли дни, Антон совсем поправился, но на голову стал еще более больным. И причиной тому была я. Я лезла из кожи вон, я всегда следила за собой, но теперь к этому присоединились мои манеры. Как будто случайно коснулась его рукой, нежно, ласково и дразняще, улыбка, обещающая рай, походка... Походка – это мой конек. Я всегда ходила так, что мужчины оборачивались мне вслед, после смерти Лешки я потеряла способность так двигаться. Что ж самое время все вспомнить. И надо сказать мне это удалось. Антон смотрел на меня все более жадно, иногда мне казалось, что он сейчас просто кинется на меня, и тогда я почти не разговаривала с ним, и тон разговора был с прохладцей. Это несколько остужало его. Мне было страшно. Играть с хищником в «кошки-мышки», когда ты сама и есть та самая мышь, не самая лучшая идея. Но только так можно усыпить его бдительность.

В один из таких вечеров, мы остались одни. Бабка Тамара ушла к соседям на внеочередную игру в карты. Я знала, что он не заставит меня ждать.

– Для чего ты это вытворяешь? – спросил он меня хрипло, когда я в очередной раз соблазнительно потянулась, сидя на кресле – Ты доводишь меня, а потом отталкиваешь... Я ведь не железный, могу и накинуться...

Я сделала удивленный взгляд.

– Прости, но я, кажется, не понимаю, о чем ты...

– Все ты прекрасно понимаешь, – вкрадчиво заметил он, встал и медленно ко мне начал приближаться. Действительно животное, я заморожено на него смотрела – грация хищника.

– Скажи мне, неделю назад ты хотела меня оставить, забрать сына, почему ты передумала? – он был уже около меня и последние слова буквально выдохнул мне в лицо.

– Я в своем уме, Антон и прекрасно осознаю, что твои угрозы не пустой звук.

– А мне кажется дело не только в этом, – покачал он головой и тихо рассмеялся, – Я и не предполагал раньше, что ты настолько это любишь... Ты ведь хочешь меня, ты всю неделю трешься возле меня как кошка...

О, да, его самонадеянность на этот раз помогла мне. Пусть он думает, что я просто скучаю по нему, а потом я потеряю голову от страсти, якобы. А потом...

Глаза его помутнели, и в них я увидела желание. Такого желания, неопределимого, почти животного, я не видела в его глазах никогда, за все наши годы он смотрел на меня так впервые. Меня испугало это – не перегнула ли я палку? Но отступить было поздно. Боже, помоги мне...

Его голос, похожий действительно на этот раз на рычание дикого животного заставил меня содрогнуться. До чего ж я мужика довела?

– Позволь мне... прикоснуться к тебе, не бойся...

Мимика моего лица опять меня выдала, но я не хотела показывать, что я боюсь его. Я подняла руку, расстегнула три пуговицы на его рубашке и ласкающими движениями начала исследовать его мощную грудь. Антон затаил дыхание. Я просто сорвала оставшиеся пуговицы. Моя рука двинулась ниже, пока не добралась до самого чувствительного места чуть ниже талии, волнующий промежуток на пути к его мужскому достоинству.

Звериный рык раздался снова. Но он отдернул мою руку от себя.

– Ты меня мучаешь, – хрипло прошептал он.

Я поднялась и прильнула к нему, крепко прижимая свои бедра.

– Это невозможно, ты не можешь со мной такое вытворять, остановись... – прозвучал его голос как в агонии. Он прижал меня крепче, и я ощутила, насколько сильно он меня хочет. Предательский жар вынырнул неожиданно и накрыл меня с головой, мое дыхание тоже сбилось. Именно этого я и боялась, что мое тело откликнется на него, как привыкло откликаться на протяжении многих лет, но что-то во всем этом было новое... Что-то чего я раньше не ощущала... опасность, исходила от Антона.

– Я не могу больше ждать, – он смотрел мне в глаза...

Нужно остановиться, пока я сама себе все не испортила, я не должна на него так реагировать...

Я отчаянно силилась придумать, как мне его оттолкнуть, почему-то сейчас, глядя в его почти безумные глаза, мне стало страшно. Я закрыла глаза, пытаюсь, успокоиться... и уже не Антона я чувствовала в этот момент. Опасность, что исходила от него волнами, вселяла в меня страх и воспоминания: подвал, их трое... Он такой же, как они, он может и, наверняка, захочет причинить мне боль. Не доверять, не спускать с него глаз, не расслабляться...

– Лена! Боже, успокойся, я не причиню тебе вреда! – его голос я слышала, как во сне, я не видела его, он звучал где-то внутри меня, пока я боролась со своими демонами...

– Я никогда не прощу тебе! – Закричала я на него, и в следующий момент снова увидела их, они смеялись... Он не нуждался в моем прощении, он равнодушно смотрел... Нет-нет, равнодушие только показное, на самом деле он такой же, как они – жестокий, злой...

– Пожалуйста, любимая!

Смех, животный смех, они приближались, а их глаза – лучше умереть... На полу лежит нож, я схватилась за него, как за последнее спасение. Почему я раньше его не заметила? Но их трое, я одна... И Антон стоит и не двигается, не останавливает этот кошмар. Ему нравится смотреть на мой страх. Я лучше умру, чем сдамся...

– Нет! Боже!

Я не подпущу их близко к себе, лучше умереть... Вот он, тот самый момент, они совсем близко... мне ничего не остается, мне страшно, я не хочу...

– Лена посмотри на меня, – прозвучал властный голос Антона. Пелена спала, и я отчетливо увидела его.

– Хорошо, а теперь отдай мне нож.

В каком-то немом удивлении я увидела в своих руках нож и ужаснулась: ничего не происходило на самом деле, все это галлюцинации. Антон стоял в напряженной позе, но его лицо было холодным и бесстрастным.

Нож выскользнул из моей руки, я стояла, не шелохнувшись, наверное, застыв навеки. Я ненормальная. Я могла его ранить, я могла ранить себя. Меня нельзя подпускать к нормальным людям...

Антон тоже стоял и смотрел на меня, также, как и минуту назад.

– Не волнуйся, я помогу тебе с этим справиться, – сказал он также бесстрастно. – Не плачь, мне тяжело, когда ты плачешь...

Я не чувствовала своих слез... Ну, вот теперь он закроет меня в какой-нибудь клинике, и будет навещать время от времени, и сына я больше не увижу...

Я не знаю, что Антон увидел на моем лице, но он рванулся ко мне, взял за плечи и сказал, глядя в глаза:

– Я люблю тебя. Люблю до безумия. Я не знал... Я правда не представлял, что это до сих пор мучает тебя. Почему ты мне ничего не говорила? Не плачь, прошу тебя... Лена, любимая, что я не так сделал? Почему ты так среагировала? – вопрос он задал тихо и сдавлено.

– Я сама виновата, – тихо прошептала я. – Я испугалась, но я никогда не видела тебя таким... таким диким.

В его глазах, когда он посмотрел на меня, была невообразимая боль. Он выпустил меня из своих объятий, и отвернулся от меня.

– Это началось давно, – услышала я его голос, – Мне тогда было 15 лет. Я познал впервые женщину. Грубо властно, я подчинил ее своей воле. После этого на протяжении многих лет, я спал с женщинами только так. Пока однажды я не...

– Убил? – в ужасе спросила я.

– Нет, но мог бы... После этого я поклялся, что больше никогда не выпущу своего зверя наружу. Потом я встретил тебя. Ты была такая милая, добрая и нежная, я любил тебя... Ты никогда не вела себя, так как сегодня... Я никогда не хотел тебя так, как сегодня.

Он замолчал и повернулся ко мне, пристально глядя в глаза, потом снова заговорил:

– Я не мог раньше контролировать... Теперь я думаю, что смогу...

Это было предложение. Предложение, от которого зависела моя дальнейшая жизнь. Предложение, от которого я не имела права отказаться.

– Обними меня, Антон.

Он с минуту стоял, не шелохнувшись, потом обнял. Я потянулась призывно, но он неожиданно остановил меня:

– Нет, милая, не сейчас. Сначала мы займемся твоими страхами.

– Нет, пожалуйста, я не хочу туда возвращаться, – простонала я.

– Я больше не позволю боли затянуть тебя. Я слишком хорошо знаю, что такое «призраки прошлого».

– Что ты знаешь о боли! – мне было страшно, я не хотела думать об этом, говорить, я не хотела, чтобы он мне помогал.

Его глаза неожиданно сверкнули, что-то промелькнуло в них, но он подавил свои эмоции.

– Не сопротивляйся. Тебе пора покончить с этим кошмаром. Я не уделял этому должного внимания, но и ты от меня скрывала... Пора исправлять свои ошибки.

Он слишком хорошо меня знал. Я подпустила его к себе слишком близко. И не хочу его подпускать еще ближе.

– Нет! Нет! – я не хочу возвращаться в тот ужас.

– Боже! Лена, да что с тобой! – сомнения проскользнули в его взгляде, и он на мгновение задержал дыхание. – Что произошло в том подвале? Что-то, о чем я не знаю...

Ужас на лице Антона читался уже явственнее, а я почувствовала, что тот кокон, в котором я закрылась от воспоминаний и от самой себя, начал рваться.

– Я не успел?!

Я снова в подвале, в ненавистном, холодном и жутком. Да. Ты не успел, а я постаралась забыть, моя память просто отвергла это, и сейчас я отчетливо все вспомнила...

Трое надвигались на меня, смеясь. Я дралась как никогда. Цепкие руки подобрались ко мне. Он был страшен и в глазах ничего человеческого.

– Ну, что ты детка, тебе понравиться... Еще попросишь...

– Какая ты жаркая...

– Тебе нравится?

... Я вырвалась, не знаю, как... Они смеялись... Ненавижу... Потом голос Антона:

– Убирайтесь, я передумал!

Но уже поздно. Мое тело навек осквернено, я никогда не смогу посмотреть на себя в зеркало и не испытать отвращение к самой себе. Через несколько лет я вспомнила все. И все встало на свои места – и мои частые ночные кошмары, и скованность во время близости, и, иногда, непреодолимое желание убежать от собственного мужа. Моя память похоронила все эти события настолько страшные для моего сознания. Я, почти что, осознанно предпочла забыть зверство Антона. Ведь даже тогда я понимала, что свобода выбора для меня – всего лишь миф. Странная штука человеческая память. Теперь я не смогу забыть их лиц. И страх будет вечным моим спутником.

Глава 6. Антон

*«Зови, зови глухую тьму —
И тьма придёт...»
Варлам Шаламов*

Ад, в который я попал, создал я сам. Она ничего не ответила, но я прочитал ответ по ее лицу. Я не успел... а она... Она просто забыла. Ее память просто вычеркнула этот момент, но не стёрла. Сейчас она все вспомнила, и как она, наверное, меня ненавидит, и я ненавижу себя сам. Тот зверь, которого я поклялся не выпускать, тогда вырвался наружу. И я поступил с человеком, который был мне так близок хуже, чем с врагом. Да, я опомнился, но какое теперь это имеет значение, если я не успел. Лена, Боже, ты права, говоря, что я чудовище, но я ни за что не откажусь от тебя.

Ад в моей душе нарастал, когда я смотрел на нее. Напряжение, боль, растерянность, отвержение самой себя читалось на ее лице. Когда-то я слышал от Влада, что человек не может переносить боль постоянно и, поэтому некоторые моменты стираются из памяти, но на время. Ее время пришло, и видит Бог, это моя вина. Как я могу после этого просить ее остаться со мной? Но отпустить ее было выше моих сил, уж лучше я останусь навеки для нее чудовищем.

Она посмотрела на меня с таким отвращением, и с такой ненавистью, что у меня заныло сердце, которого я думал уже нет. Пожалуйста, не ненавижь меня, родная. Дай мне шанс.

Ее губы что-то шептали, но я не услышал ни звука, лишь смотрел в ее расширенные глаза. Она смертельно побледнела, и я еле поборол в себе желание обнять ее и утешить. Она не подпустит меня сейчас и на пушечный выстрел.

– Я убью этих подонков, – тихо проговорил ей я. И, хотя мой голос был тихим, внутри меня уже всюду бушевал ад, мой личный, собственный ад. Ее глаза блеснули и закрылись, пусть сейчас спасительная темнота и поглотила ее. Мне гораздо важнее было, узнать поверила ли она мне. Поверила ли в то, что больше никогда не причиню ей такую боль. Я не знал...

Я взял ее обмякшую на руки и унес в свою комнату. Я клянусь, я не дам ей сегодня спать одной и видеть кошмары! Я не дам ей возненавидеть меня! Пока еще есть то маленькое чувство под названием любовь у нее ко мне, я не дам этому чувству покинуть ее.

Было уже очень поздно, когда вернулась бабка Тамара, а Лена так и не пришла в себя. Я сидел возле нее, держал ее за руку и не спускал глаз с ее лица.

– По-моему сынок, я зря вас оставила, – удручено изрекла она.

– Нет, не зря, – так же глядя на Лену, произнес я, – Сегодня я многое что выяснил, а она многое, что вспомнила... ей, плохо, и это я виноват. Она уже час без сознания.

Я растерянно оглянулся на бабку Тамару. Она подошла к Лене пощупала пульс, проверила дыхание, и через пару минут тщательного осмотра изрекла:

– Очнется, никуда не денется, – потом посмотрела на меня и сказала, – В общем, я вижу, вы не договорили, я ночевать пойду к Степановне.

– Спасибо вам, – пробормотал я, – Вы действительно необыкновенная, все понимаете.

Она кивнула и удалилась. В три часа ночи у Ленки начался жар, она металась по кровати, то и дело, пытаясь стряхнуть с себя одеяло. Я взял полотенце, намочил его, и заботливо протер ей лицо. Она облегченно вздохнула. Не мешкая больше ни секунды, я раздел ее, и на минуту застыл. Она была так красива, так желанна. Упрямо сжав губы, я начал протирать ее с ног до головы. Ее дыхание было жарким, но уже не таким тяжелым. Через десять минут, после того как я накрыл ее одеялом, я понял, что рано обрадовался симптомам облегчения. Она дрожала как осиновый лист, даже под пуховым одеялом. Я лег рядом с ней и обнял, но ей это мало помогло.

– Проклятье! – процедил я сквозь зубы и, раздевшись донага, скользнул к ней под одеяло. Через несколько минут она перестала дрожать, я же лежал почти без движений, борясь с нахлынувшим вдруг желанием.

Я так соскучился по ней за это время, по ее мягкому животику, полным грудям, по ней всей. Но я боялся лишней раз пошевелиться. А Ленка, как назло закинула на меня ногу и обвила рукой мою грудь. Я не был согласен на такую пытку, и уже было собрался покинуть ее, выпить крепкого чаю и принять ледяной душ, но она внезапно прошептала:

– Нет, не уходи...

Я уставился на нее, в полной темноте мне было сложно рассмотреть, пришла ли она в себя, или сказала это в бреду. Но она снова молчала, и было слышно только ее тяжелое дыхание.

Все-таки я не удержался, начал поглаживать ее животик, моя рука поднялась выше и наконец-то поймала ее грудь. Это было ошибкой. Сильный разряд желания пронзил меня. Я даже немного оторопел, с ней у нас такого не было даже с начала. А теперь почему? Но я знал ответ – теперь я пропал навсегда, бесповоротно. Тогда встретив ее в баре, где обитали одни шлюхи, я сначала принял ее за одну из них. Она была вполне в моем вкусе – не худая, среднего роста, но больше всего меня поразили ее красивые зеленые глаза. Через неделю нашего с ней знакомства я понял, что не хочу ее отпускать. И как гром среди ясного неба прозвучала ее фамилия – Казанцева. Действуя не столько из влюбленности в нее, сколько из личных соображений я женился на ней. Женился, используя гнусный шантаж. Но видит Бог, как я был зол тогда на нее. За ее ложь, за то, что она так крепко запала мне в душу. Наш медовый месяц я превратил в рай, и она потихоньку начала ко мне привыкать. Те дни в Тулузе, я не забуду никогда. Мы подружились, по-настоящему, мы много разговаривали, и потом я увез ее в Испанию. В Испании мы пробыли только день. С утра на мою почту пришло письмо, от сестры Стрелка, где недвусмысленно было сказано, что из себя представляет моя жена. Я не хотел верить, и спросил у нее. Вот тогда и вырвался наружу мой зверь. Я не помню, как мы приехали обратно в Россию, я не помню, как позвонил своим парням. И не помню, как отдал приказание пустить ее в расход. Зато я отлично помню лица тех ублюдков, которым предстоит умереть.

От этой мысли все мое желание пропало разом. Я знал, что в принципе, они не виноваты, я отдал такой приказ. Но это ничего не меняло для меня.

Ленка издала протяжный стон, и я в очередной раз убедился, как сильно я ее люблю. Да, мне не нравились те изменения, которые произошли во мне благодаря этой любви. Я стал мягче, испытал чувство сострадания. Но был и один плюс. Зверь, который жил во мне все эти годы, утих. Я почти не чувствовал его, его практически не было. Но скоро я выпущу его наружу, очень скоро, когда найду этих троих...

Почти светало, когда она открыла глаза. Еще мутный и ничего не понимающий взгляд блуждал по комнате.

– Что со мной?

– Успокойся, родная, у тебя всю ночь был жар. Как ты себя чувствуешь?

– Отвратительно, – мрачно произнесла Ленка, – Горло саднит, как будто его ободрали, и пить хочется.

– Я сейчас принесу, – я уже с готовностью поднялся, но Лена схватила меня за руку.

– Нет, не надо, не уходи, – она не смотрела на меня, – Я все помню... теперь все. И я не виню тебя. Как ни странно, для тебя это звучит.

– Зато я себя виню.

– Да, ты виноват. Ты чертовски виноват. И я должна тебя ненавидеть.

– Послушай, это все не имеет смысла, я все равно тебя не отпущу! – я говорил быстро, боясь замолчать, боясь того, что она снова видит во мне монстра, и я был таким, но как я не хотел им быть!

– Мы поговорим об этом потом, сейчас у меня нет сил.

Она закрыла глаза, а я всматривался в ее лицо, такое родное, такое красивое.

Моя рука сама непроизвольно коснулась ее лица, ее ресницы вздрогнули, но глаз она не открыла. Я остановил себя на последнем мгновении. Нет! Я не причиню ей больше боли! Пусть я не могу отпустить ее, но заставлять спать со мной я тоже не буду. Она должна сама ко мне прийти. А придет ли? Придет ли ко мне моя жена, хоть и бывшая? Как в сказке – чем дальше в лес...

Только если в сказке чудовище становится принцем, то у меня это вряд ли получится.

Лена тихонько всхлипнула и застонала, как от боли. Я пощупал ее лоб – температуры не было.

– Тоша, – тихо прошептала она, – Ты же можешь избавить меня от этого чувства. ... Пожалуйста.

Мое сердце упало куда-то вниз. Как я мог ей помочь сейчас?

– Тошка, мне нужно... Чтобы ты помог мне забыть, хоть на мгновение, я просто этого не вынесу...

– Девочка, милая моя... Как я могу... Что мне делать?

Она открыла глаза и посмотрела на меня.

– Тошь, ты хочешь меня?

Если с минуту назад я ни о чем таком и не помышлял, то, когда она меня спросила, я уже больше не мог ни о чем другом думать.

– Да, – голос мой осип, да и чувствовал я себя по-дурацки растерянным.

– Ты мне нужен, – снова заговорила она. – Прикоснись ко мне, дай мне забыть их руки, я хочу чувствовать твои руки, слышать твой голос, видеть тебя, Тошка, пожалуйста, дай мне забыться.

Когда я понял, о чем она меня молит, то не сразу пришел в себя.

– Ты уверена, милая? – спросил я неуверенно.

– Да.

– Ты останешься со мной?

Она нахмурилась и покачала головой.

– Нет, я хочу, чтобы ты понял. Это ничего не значит...

Холодные слова, расчет в ее просьбе меня не покоробил. Он меня убил, одним махом. Даже сейчас, в помутненном сознании, она хотела от меня уйти. Но я ничего ей не сказал. Еще не время для разговоров, еще не сказано последнее слово.

Я ласкал ее, и мне казалось, что эта мука никогда не кончиться. То, что я испытывал сейчас, не было похоже ни на что. Острое, почти болезненное ощущение, необходимость коснуться ее, обнять и больше никогда не выпускать из своих объятий. Теперь я пропал. Циник, которым я был, исчез, уступив место кому-то другому.

Лена постанывала и изгибалась под моими ласками. И когда я был уверен, что просто умру от охватившего меня желания, она сама позвала меня:

– Тошка! Пожалуйста, ...я не могу больше...

О, да! Теперь я умирал от чувственного восторга, который охватил меня. Я хотел быть еще глубже в ней, я хотел бешеного ритма, но двигался нарочито медленно... Впервые в жизни я ощутил и понял, что такое единое целое.

Я лежал возле нее и улыбался, она спала, успокоенная и умиротворенная после моих ласк. На этот раз зверь не выбрался наружу. Я не сдерживал себя, как всегда. Зверь покинул меня. Покинул? Нет, всего лишь затаился... Но я понял, что теперь ни за что на свете, он не выйдет наружу, когда я с ней. Потому что я на самом деле любил. По-настоящему, не путая секс с чувствами. Я посмотрел на нее и ощутил прилив нежности. С ней я могу быть самим собой. С ней мне не надо быть крутым, умным и безжалостным. С ней я могу быть тем маль-

чишкой, которым был, когда – то очень давно. Я больше не злился на нее за Яна, более того, я знал, что она спала с ним, я даже мог предположить, что она испытывает к нему что-то... Но почему при этой мысли меня пронзила такая злость и боль? Злость на самого себя. Я вдохнул в легкие воздуха, сосчитал до десяти и выдохнул. Я не имею права ее осуждать. Я ее бросил, она свободна от обязательств ко мне. Боже мой, какой же я дурак! Если бы тогда я понял всю эту игру..., То убил бы Сизова гораздо раньше, прежде чем он выкинул меня из ее жизни. Но, как не дика вся эта ситуация, я понял одно: я изменился, она изменилась, и возможно, это поможет нам быть вместе. Возможно, это поможет быть ей вместе со мной. Мог ли я ее отпустить? Хотела она этого на самом деле? Тогда в саду она испытала настоящий шок, когда я только обмолвился о расставании. Господи, спасибо тебе за то, что она не умеет скрывать свои эмоции! Из нее очень сложно вытянуть правду, и это ее главный недостаток. Я надеялся, что когда-нибудь, она сможет мне доверять настолько, насколько это вообще возможно. Настолько, что сможет рассказать о своем Лешке, о своей боли. В ту ночь в больнице, когда она рожала, в бреду повторяла его имя, звала. И на секунду мне показалось, что он действительно присутствовал там, в больничной палате. Как же я тогда испугался! Ее призрак, ее любимое привидение мог забрать ее у меня. Но она вернулась, вернулась ко мне и сыну.

Сын! Боже, как же я скучал по Кирке! Мне так хотелось его увидеть. Я не мог спокойно смотреть на Ленку, видя, как она страдает без него. Когда-нибудь это кончится. Казанцев слов на ветер не бросает. Но и я тоже не лыком шит.

Но сначала я найду этих тварей и выпущу своего зверя на охоту, в последний раз.

Эта мысль меня отрезвила и привела в себя. За окном было уже светло. А я так и не спал. Сегодня ночью...

- Влад, найди мне тех ублюдков, которые были в подвале тогда...
- Ты имеешь ввиду...
- Да. Привези их в тот же подвал, возьми ребят и достань мне их из – под земли!
- Тоха, не рискуй, тебе нельзя появляться в городе!
- Я рискую двинуться умом, если я этого не сделаю!
- ...Так они выполнили твой приказ?
- Сегодня ночью, Влад. Я жду.

Лена проспала до вечера, чем заставила меня понервничать. Когда она открыла глаза, я был рядом с ней.

– Как ты, родная?

Она слабо улыбнулась:

– Лучше, благодаря тебе.

Меня пронзила такая нежность к ней, и тут же пришло отвращение к самому себе. Благодаря мне... благодаря мне ее... Твою мать! Мне нельзя думать об этом, я перестаю себя контролировать.

– Я что-то не то сказала? – все-таки моя маска была не совсем бесстрашной.

– Все в порядке, милая. Мне нужно отлучиться по делам.

Она недоверчиво на меня посмотрела. Да, она имела право мне не доверять.

– Не бойся, я буду очень осторожен, – произнес я с нежностью, а потом с натянутым смехом добавил – Я же хочу вернуться к тебе и никогда тебя не отпускать.

Вроде бы она успокоилась, зевнула и глаза ее снова начали слипаться.

– Я почему-то сплю все время... – сонно прошептала она.

Меня это тоже настораживало, и как только я почувствовал ее спокойное дыхание, ушел искать бабушку Тамару. Нашел я ее в огороде, чумазую, но довольную.

– Знаю, знаю, с чем идешь, – весело проговорила она, иногда я начинал ее побаиваться, хотя и не верил во всю эту чушь с экстрасенсорными способностями.

– Травками я ее поила все эти дни, успокаивающими. А то больно она нервная стала. Вот эффект такой травка и дала, ничего завтра как огурчик будет.

– Мне уехать надо, баб Тамар, ненадолго, дня на три. Долго она проспит?

– Ты езжай, милоч, – кивнула она мне, – Если что я послежу за ней.

Полтора дня я был в дороге, злость подгоняла меня. Подъехав к своему загородному дому, я не сразу решился войти. Но ад во мне бушевал уже во всю, и зверь просился наружу. У входа в дом меня встретил Влад.

– Я не стал отсылать людей, на всякий случай. Как добрался? Без приключений?

Я коротко кивнул. И собрался спуститься в подвал, но Влад меня остановил.

– Антон, одумайся, ни причем же они...

Я смотрел на него и не видел, перед глазами уже стояла картина как эти трое насилуют Лену...

В подвале было прохладно и пахло сыростью. Возле стены, на коленях стояли те трое с разбитыми лицами, а вокруг них, не шелохнувшись, с пушками, стояли мои архаровцы. Я подошел к одному из моих ребят вытащил пистолет и выстрелил в голову первому. Навел курок на второго.

– Сука ты, Сеница. Мы всего лишь выполняли твой приказ... – договорить он не успел. Я навел курок на третьего и собирался отправить его к друзьям, как вдруг он сказал:

– Сеница, ты чего творишь?! Ты хоть понимаешь, что после этого тебе не жить?

– Понимаю, – бесстрастно ответил я.

– Ты слишком поздно пришел тогда, Сеница. Мы ничего не могли изменить. Мы выполняли твой приказ.

– Это ничего не меняет. Я убью тебя также, как и твоих дружков, независимо от того прав я или нет. Ты тронул мою жену. Да я отменил приказ, а ты со своими дружками промолчал, не сказал, что уже нечего отменять.

В ответ, когда парень понял, что ему все равно не жить, я увидел хищный оскал.

– Ты знаешь, а приятно было трахать твою жену, она такая же потаскуха...

Я не помню, что было дальше. Потеря памяти, помутнение, а вернее зверь вышел на охоту. Наверное, не нужно лгать самому себе. Я был таким всегда – жестоким через чур, хладнокровным. Именно это дало мне шанс выжить и подняться, сколотить свою собственную бригаду.

Когда я очнулся, мои руки были в крови, и, бросив мутный взгляд на окружавших меня моих парней, я прочитал явный ужас на их лицах. Я убил его голыми руками, без пистолета, без ножа, вырвав ему кадык. Что ж, ничего другого я не ожидал, я монстр. Чудовище. А она тот лучик света, ради которого стоит жить, ради которого я способен убить без сожаления.

Дорога обратно заняла еще полтора дня. Я думал, что их смерть принесет мне облегчение, но я ошибался. Я ненавидел себя за это. Я ненавидел того зверя внутри меня. Я не хотел таким быть. Но я снова обманываю самого себя. Ведь это я убивал, своими руками. Сизов, потом эти трое. И если убийство Сизова я мог оправдать в своих глазах, как необходимость, чтобы защитить свою семью, то убийство тех троих не имело оправданий. Я понимал, я не был глуп или слеп, чтобы не видеть того, что прежде чем квитаться с ними, мне нужно было расквитаться с самим собой. Меня тошнило от самого себя.

Был уже поздний вечер, когда я подъехал к дому бабки Тамары. Я тщательно следил за тем, чтобы не привести за собой слежку, хотя и не питал иллюзий – меня накажут за то зверство, что я учинил в подвале. Но сейчас мне нужно думать о ее безопасности. Она должна

остаться в живых при любых обстоятельствах. Зайдя в дом, я увидел встревоженное лицо бабки Тамары.

– Ну, наконец-то! А то я уж не знаю, что и думать!

Я сразу понял, что ее переживания не имеют никакого отношения ко мне. Лена...

– Она так и не вставала, с тех пор как ты уехал! Просыпается, полежит минут десять и снова спит. Это не мои травы, Антон! – такой взволнованной я видел ее впервые. – Я не знаю, что с ней происходит, а я видела многих больных. Она не больна, тут что-то другое... – она бессильно опустила руки.

Не видя больше ничего вокруг, я ворвался в комнату Лены. Она лежала на кровати и смотрела в одну точку, и только когда я тихо позвал ее, она обратила на меня внимание.

– Ты плохо выглядишь, – сказала она бесцветным голосом.

Как еще я мог выглядеть, когда вся моя жизнь беспроглядная тьма, и одно единственное солнышко, которое есть в моей жизни, собирается уйти от меня! Мне казалось, что я мог привыкнуть к боли в своей жизни, но на деле это оказалось не так.

Ты можешь смириться с болью, если есть хотя бы какая-нибудь надежда на лучшее. Когда надежда умирает, ты умираешь вместе с ней. Моя надежда уже билась в предсмертной агонии.

– Я просто вымотался, – ответил я ей. – А ты как?

Она побледнела, очень сильно и что-то проскользнуло в ее глазах... Страх? Мне стало еще больнее, хотя куда больше? Она боится меня?

– Я в норме, – пробормотала она и отвела свой взгляд от меня.

– Лен, что происходит? Ты сама пригласила меня к себе в постель, а теперь боишься меня? Гонишь? – я прикусил язык, ну кто меня просил с ней так разговаривать!

– В общем, так, – ее голос стал жестким, – Уезжай! Я не хочу тебя видеть, я не хочу тебя слышать.

– Сдурела что ли? – я ошалело смотрел на нее.

– Не хочешь уезжать? Тогда уеду я! – и она решительно поднялась с кровати, покачнулась и, в следующий момент я еле успел ее поймать.

– Слишком много сплю... Черт! – на глазах ее были слезы, но она, упрямо поджав губы, не проронила, ни одной слезинки. – Да, отпусти ты меня!

Я дал ей вырваться, и она обессилено рухнула на диван. Я даже не мог злиться на нее, что-то произошло за то время, пока меня не было. Я оставил ее однулизывать свои раны, а обещал быть рядом. Что она надумала в одиночестве?

– Хочешь упиваться своей болью? – устало произнес я, – Прекрасно, продолжай в том же духе. Только позволь дать тебе совет: когда станет невыносимо больно, поделись своей болью со мной.

Я ушел из дома, и где-то около часа бесцельно бродил по незнакомым мне улицам. Я не думал ни о чем, я ждал. Я дал ей время подумать, успокоиться и подготовиться. Подготовиться к тому что я не оставлю ее в покое, я не дам ей закрыться.

– Иди к ней, она тебя ждет, – услышал я голос бабки Тамары, как только приблизился к дому, – Если что, я у Степановны.

Я кивнул, в душе поражаясь, насколько деревенская женщина тактична. Зайдя в ее комнату, я увидел, что Лена оделась, красиво уложила волосы и стояла уверенно, в ожидании меня. Только бледность с ее лица не сходила. Я молчал, предоставив слово ей.

– Спасибо тебе, Антон, что дал мне время. И, да, ты прав, чертовски прав. Лежа здесь я не решу своих проблем. Я хочу, чтобы ты уехал...

– Опять!

– Нет, не опять, – продолжила она. – На этот раз мое решение продиктовано не отчаянием. Я вполне серьезно предлагаю тебе уехать.

Я, молча покачал головой, и даже улыбнулся, насколько она сейчас выглядела беззащитно и по-детски, но зато с взрослыми речами.

– Я не люблю тебя. И не имеет смысла дальше быть вместе, – сказала она уверенно.

– Черта с два, ты меня не любишь! Неужели ты всерьез думаешь, что я поверю тебе, после того, как ты себя повела? Мои люди изнасиловали тебя по моему приказу, а ты после этого жила со мной, родила от меня сына, и ровно четыре дня назад нуждалась во мне как ни в ком другом!

Ее губы задрожали.

– Я хочу, чтобы ты уехал.

– Скажи, что презираешь меня, ненавидишь, скажи так, чтобы я поверил, и возможно тогда я отпущу тебя, – мне до смерти надоел этот спектакль, который она играла передо мной.

– Ты хочешь это услышать? Да, ты чудовище, и я ненавижу тебя. Ты перевернул мою жизнь с ног на голову. Без тебя мне будет... О, черт! – внезапно она побледнела еще больше, на лбу выступили капельки пота, и Ленка ринулась на улицу. Ее вырвало. Почти обессиленная она снова зашла в дом, умылась и буквально упала в кресло. Только тогда она посмотрела на меня.

Я все понял. Шоковое состояние длилось не долго, потом наступила злость на виновника, случившегося с ней – Яна.

– Это то, из-за чего ты меня гнала, как бешеную собаку? – грубо спросил я ее.

Она коротко кивнула, не решаясь посмотреть мне в глаза.

– Ты беременна, – я произнес это для себя, как факт. Ужасающий факт, который перевернет всю нашу жизнь.

– Уезжай. Слышишь? Брось меня и езжай.

Я молча покачал головой.

Она не сказала мне больше ничего. Закрылась в себе и только твердила о том, что мне нужно уехать. Уехать и бросить ее? Нет, я не мог себе этого позволить, я не мыслил жизни, где не будет ее. Она нужна мне. И я нужен ей, для того, чтобы защитить. На миг я пытался представить, что будет, если я сейчас возьму и отвезу ее к Яну. Они будут вместе жить долго и счастливо? Сомневаюсь. Он не знал ее так, как знал я. Он мало понимал ее чувства, ее потребности, ее желания. А я понимал и мог ей это дать. Ленка всю свою жизнь искала, да и сейчас ищет своего мужчину. Она пытается казаться независимой, но на самом деле это не так. Независимость ей не нужна. Ей нужно человеческое тепло, понимание, чтобы ее воспринимали такой, какая она есть. Человеческое тепло... Парадокс, но именно такое чудовище как я мог ей его дать. Что даст ей Ян? Поймет ее и не осудит? Это даже звучит нереально. Ян жесткий человек, который видит в ней сильную и независимую личность, но в тоже время может задушить своей заботой. Я может быть и не лучше, право выбора я всегда оставляю за собой. Но я всегда старался понять ее чувства, проникнуть глубоко в душу, ведь именно так я познавал и себя. Именно так я обнаружил своего зверя, именно так я принял решение бороться с ним. И именно поэтому ее недостатки казались мне невинными шалостями. Я мог простить ей все, ну или почти все. Именно она, заставила чувствовать самого себя, именно она смогла мне дать то, что не давали другие женщины – искренность того, что между нами происходит. И пусть, по моему мнению, это не любовь, для меня это именно то самое светлое чувство. И бросить ее теперь, когда она в таком положении, явно растерянна и на нервах? Нет. Ян даже не удосужился поговорить с ней, выяснить, что же на самом деле произошло тогда, во дворе клуба. Он просто скрылся и убежал при малейшем проявлении ее слабости. Возможно, он просто дал ей право выбора. Но я не настолько глуп, чтобы совершать ту же ошибку. И уж тем более я никогда не позволю, чтобы Ян узнал, что у него есть сын или дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.